

Джеймс Джордж
Фрэзер

ФОЛЬКЛОР
В
ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Джеймс Джордж Фрезер Фольклор в Ветхом завете

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159645

Джеймс Джордж Фрезер «Фольклор в Ветхом завете», серия
«Библиотека атеистической литературы»: Издательство
политической литературы; Москва; 1989

Аннотация

В этой работе известного английского этнографа и историка религии Дж. Дж. Фрезера на огромном этнографическом и фольклорном материале выявляется генетическая связь христианства с первобытными верованиями людей, что наносит удар по утверждению христианских теологов о богоданности Библии и ставит ее в один ряд с другими памятниками древней литературы. Впервые в русском переводе издание было выпущено в 1931 г. Книга рассчитана на пропагандистов, преподавателей и студентов вузов, на всех, кто интересуется проблемами религии.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДРЕВНЕЙШАЯ ЭПОХА СУЩЕСТВОВАНИЯ МИРА	16
Глава I. СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	16
Глава II ГРЕХОПАДЕНИЕ	48
Библейский рассказ в книге Бытие	48
Легенда о ложной вести	59
Легенда о сбрасываемой коже	72
Легенды, объединяющие оба мотива	84
Заключение	86
Глава III. «КАИНОВА ПЕЧАТЬ»	89
Глава IV. ВЕЛИКИЙ ПОТОП	116
Введение	116
Вавилонское сказание о великом потопе	121
Еврейское сказание о великом потопе	138
Древнегреческие сказания о великом потопе	159
Древнеиндийское сказание о великом потопе	182
Современные индийские сказания о великом потопе	185
Сказания о великом потопе в Восточной Азии	188

Сказания о великом потопе на островах Малайского архипелага	195
Сказания о великом потопе в Австралии	203
Сказания о великом потопе в Новой Гвинее и Меланезии	205
Сказания о великом потопе в Полинезии и Микронезии	210
Сказания о великом потопе в Южной Америке	220
Конец ознакомительного фрагмента.	230

Джеймс Джордж Фрэзер

Фольклор в Ветхом завете

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вряд ли найдется в истории письменности другой такой памятник, о котором бы столько писали, столько бы спорили, как Библия. И вряд ли давались одной книге столь различные оценки – от религиозного преклонения перед ней («Библия – священное писание») до юмористической перелицовки библейских сюжетов («Занимательная Библия» Лео Таксиля). В религиозноведческой литературе мы также находим множество сочинений, авторы которых обращались к Библии.

Несколько поколений ученых разных специальностей, применяя исторический метод, бились над решением проблем происхождения и истории книг Ветхого и Нового заветов. Многое сделано, ряд вопросов прояснился. После работ Ж. Астриюка, В. Де Ветте, Г. К. Графа, Ю. Вельхаузена и других классиков библейской критики никто уже не оспаривает их основных выводов: главная часть Ветхого завета (Новый завет оставим здесь в стороне) – а именно Пятикнижие Моисея – составилась из нескольких друг другу противоречащих текстов, условно названных Яхвист, Элохист, Второ-

законие, Жреческий кодекс; были предположительно установлены хронологические даты написания отдельных источников, время их сложения в единый памятник; проведено текстуальное сопоставление библейских текстов с мотивами религиозно-мифологической литературы Вавилона, Египта, античного мира, определены пути их взаимного соприкосновения и заимствования...

Но многое в критическом изучении библейских книг, содержащихся в них сюжетов и мотивов долгое время оставалось еще неясным. Привлечь в более широких масштабах этнографический и фольклорный материал – аналогичные библейским мотивы и сюжеты в верованиях и обрядах древних и новых народов, чтобы на нем построить объяснение темных мест в ветхозаветных текстах, – такую задачу принял на себя автор сочинения «Фольклор в Ветхом завете» английский (точнее, шотландский) ученый Джеймс Джордж Фрэзер.

Прославивший свое имя целым рядом блестящих этнографических, религиозных и других сочинений, начиная с первого издания классической «Золотой ветви» (1-е изд. в 2-х кн., 1890 г.), за которой последовали «Описание Греции» Павсания» (6 томов, 1898 г.), «Тотемизм и экзогамия» (4 тома, 1910 г.), «Вера в бессмертие» (3 тома, 1913 г.), «Почитание природы» (1926 г.), «Мифы о происхождении огня» (1930 г.), «Страх смерти в примитивной религии» (1933 г.) и другие, Фрэзер постепенно усовершенство-

вал свой чисто эволюционистский метод, применяя его к исследованию общих фольклорно-этнографических и религиозных проблем. Его «Золотая ветвь» постепенно развернулась в 12 капитальных томов (1911 – 1915 гг.)¹. Попутно, по мере изучения очередных проблем, ученый касался вопросов древнееврейской религии, и ему показалось полезным собрать в одно целое «ветхозаветные» факты и проблемы, осветив их сравнительно-этнографическими данными. Так родилось объемистое трехтомное сочинение – «Фольклор в Ветхом завете» (1918 г.), вскоре сжатое самим автором до однотомного (1923 г.).

Разумеется, читая книгу, современный читатель должен помнить о том, когда она написана, учитывать своеобразие научных позиций автора и особенности его литературного стиля. Со времени ее выхода в свет прошло почти семь десятилетий. Естественно, кое-что в ней просто устарело. Не всегда для нас приемлема терминология Фрэзера. Надо помнить и о том, что примеры, приводимые им, порой почерпнуты из записок христианских миссионеров и колониальных служащих, и относиться к ним следует с известной скидкой на сам их характер.

Бурные события нашей эпохи внесли немало изменений в жизнь народов, чьи нравы и обычаи нашли отражение в труде Фрэзера. Многие из этих народов вступили на путь нацио-

¹ Первый перевод на русский язык «Золотой ветви» с английского сокращенного издания, подготовленного самим автором, осуществлен в 1980 г. – *Ред.*

нально-освободительной борьбы. Рухнула колониальная система империализма. В процессе прогрессивного развития обретших свободу стран преодолевается их вековая отсталость, уходят в прошлое традиции, покоившиеся на невежестве людей, на смену им приходят новые. И это тоже надо иметь в виду читателю. За время, прошедшее с момента написания книги, изменились и многие географические названия. Поэтому представляется вполне оправданным снабдить данное издание специальной географической справкой. Думается, что столь же оправдан указатель этнических наименований, помещенный в конце книги.

Кое-кого может удивить манера ученого приводить примеры без ссылок на первоисточники. Видимо, в какой-то мере она была продиктована его стремлением максимально сократить объем издания, которое, как уже отмечалось, было доведено им до одного тома. Настоящий перевод сделан именно с однотомника, вышедшего на английском языке. И в данном случае все претензии следует относить к оригиналу.

И еще одна оговорка. У Фрэзера почти все библейские персонажи представлены как исторические личности, хотя в действительности, как это ныне убедительно доказано, многие из них носят явно мифический характер. Анализируя Библию, Фрэзер воспринимает ее такой, как она написана, не останавливаясь на вопросе об историчности ее героев. И это понятно, если помнить, что его в первую очередь интересовали определенные аспекты духовной культуры челове-

ка. Поэтому нужно критически относиться к тем текстам, в которых те или иные персонажи характеризуются в качестве реально существовавших. Во всех случаях надо исходить из того, что труд Фрэзера принадлежит своему времени. И его следует соотносить с этим временем, как и любое научное исследование прошлого, к которому мы обращаемся в наши дни.

«Фольклор в Ветхом завете», по существу, сборник печатавшихся раньше статей, но Фрэзер постарался придать ему вид обобщающей монографии, поставив во главу угла самую сложную и спорную проблему – вопрос о составе и источниках Пятикнижия Моисея.

Эволюционистский метод вполне оправдал себя, особенно в уразумении первых страниц Библии, повествующих о «сотворении» первых людей и о жизни их в раю. Фрэзеру удалось убедительно показать широкую распространенность у народов разных стран мифологических мотивов, которые не привлекали к себе внимания, но которые, видимо, лежали в основе библейской повести о первых людях. В частности, прекрасно разъяснена мифологема смерти: мотив омоложения через сбрасывание кожи (отсюда змея в рассказе о грехопадении) и мотив ложной вести (змея обманула первых людей). Сочетание этих двух мотивов и составило канву библейского рассказа о грехопадении и об утрате бессмертия.

Жаль, однако, что Фрэзер не дошел здесь до конца. Он не уделил достаточного внимания самому существенному, быть

может, мотиву в этом библейском рассказе – мотиву «древа познания добра и зла». Что представляло собой это древо и почему всякий, кто съедал его плоды, подвергался неминуемой смерти? Фрэзер лишь слегка коснулся этого вопроса, а он представляет едва ли не самую важную часть всей проблемы. Ведь мифология всех времен и народов знает не меньше пяти видов мифологических деревьев (не считая реальных деревьев, ставших предметом религиозного почитания): это «мировое древо» (мифологическая модель мира), «древо жизни» и «древо смерти» (типа анчара), «шаманское древо» (место подготовки или посвящения шамана) и, наконец, «древо познания добра и зла». Генезис первых четырех видов этих мифологических деревьев более или менее ясен, реальная основа каждого из них легко поддается расшифровке. Но что такое «древо познания», которое бог посадил «посередине рая», т. е. в самом легкодоступном месте, и тем не менее наложил на него столь строгое табу?

Самое же главное: почему нарушение первыми людьми божьего запрета («грехопадение») привело к «открытию глаз» у них? Что именно узнали они, вкусив запретные плоды? Казалось бы, если следовать логике рассказа книги Бытие, перед открывшимися глазами Евы и Адама развернулся весь огромный и только что созданный мир, вся вселенная, земля и небо! Но нет. Оказывается, узнали они только одно – они наги. Мало того, даже не всю наготу свою увидели Ева и Адам, а только ту часть ее, которую можно закрыть «опоя-

саниями» из листьев! В чем же еще заключалось то «добро и зло», познавать которое человеку запрещалось? Этот вопрос остается без ответа, Фрэзер его даже не ставит... Да и немудрено: для полного и убедительного решения проблемы нужно было бы подвергнуть исследованию все известные формы культа деревьев, а заодно и культа священных рощ – вероятного истока мифологизации деревьев; только таким путем удастся, быть может, понять происхождение такого редкого поверья, как «древо познания».

Для полной убедительности концепции Фрэзера не хватает еще одного: надо бы объяснить, каким образом библейский «змей» постепенно превратился в дьявола-соблазнителя, сатану и злого духа – эволюция, для которой рассказ книги Бытие не дает, в сущности, никакой опорной точки.

Таков первый, наиболее общий круг проблем, касающихся истории всего человечества, истории «грехопадения» прародителей и его последствий. Первый, но, быть может, не самый показательный в смысле применяемого Фрэзером метода. Вслед за первыми двумя главами, посвященными «древнейшей эпохе существования мира», идет целая серия глав (первоначально это были самостоятельные статьи), хотя и не всегда связанных одна с другой, но подчиненных единой исторической схеме – «Великий потоп», «Эпоха патриархов», «Эпоха судей и царей», «Закон» – схеме, достаточно выдержанной.

Главы эти, как читатель сам может легко заметить, весьма

неравновелики и, добавим, неравноценны. Четвертая глава, посвященная «Великому потопу», – самая большая, занимает сто страниц; «небесной лестнице» уделено всего лишь три страницы, а «культу высот» – пять страниц. Поэтому и весьма различна степень информативности глав. Прочтя, например, ту же главу о потопе, читатель может считать себя более или менее осведомленным в вопросе о влиянии стихийных катастроф на исторические судьбы людей: эти вопросы трактуются с должной обстоятельностью, на высоком научном уровне.

Наоборот, известный эпизод с мнимым похищением чаши в рассказе об Иосифе дал повод Фрэзеру лишь к поверхностной заметке о способах гадания по сосуду с водой. История Иакова (отца Иосифа), обманом отнявшего первородство у своего брата Исава, послужила автору предлогом для интереснейшего обзора обычаев минората (система наследования имущества младшим в семье) в разных странах и в разные эпохи. А сложнейшие исторические проблемы, связанные с личностью законодателя Моисея, обойдены в книге почти полным молчанием.

Таким образом, содержание предлагаемой книги очень пестро. Надо, кстати, добавить, что в первоначальном трехтомном издании этой книги содержание ее выглядело еще пестрее. Там были главы очень содержательные, посвященные самым разным предметам. Например, обширный обзор обычаев так называемого кросскузенного брака (предпочти-

тельный брак с дочерью брата матери) с попыткой выяснить корни этого обычая и др. В однотомном издании сам автор изъясил их, видимо стремясь достигнуть большей монолитности содержания. Монолитности, правда, особой не получилось, и даже можно пожалеть об исключении автором некоторых интересных глав: переход через Красное море, Соломон и царица Савская, Иона и кит и др.

Не будем, впрочем, упрекать автора за эти пропуски. Скажем ему спасибо за то, что он дал – пусть не в строгой системе, зато в фактографическом изобилии.

Подчеркнем здесь одну важную сторону научного творчества Джеймса Фрэзера – его идейную направленность. Как в этой книге, так и в других Фрэзер выступает как либеральный, свободомыслящий ученый, поднимающийся порой до понимания исторических связей фактов, которыми так богата книга. В то же время Фрэзер избегает резких оценок, предпочитая выступать с «объективистских», «нейтральных» позиций. Но материал его книги говорит сам за себя, особенно где дело идет о религиозно-магических обрядах.

Тенденция смягчать оценку различных мифологических персонажей доводит порой Фрэзера до прямого их искажения. Яркий пример – характеристика центрального образа библейской религии – бога Яхве, к которому он не раз возвращается в своей книге. Яхве у него – не грозный каратель, не жадный потребитель человеческой и животной крови, а

«вспыльчивое, но, в сущности, добродушное божество», которое великодушно предоставило первым людям свободный выбор – жизнь или смерть; и не его вина, если люди почему-то выбрали смерть, отказавшись от вечной жизни.

Эта наивная апологетика, впрочем, не слишком портит научную ценность книги с ее свободомыслящим в целом стилем. А налет романтического любования, которым отмечены у Фрэзера описания природы – арены действий мифологических персонажей, – скорее ее украшает. Блестящий поэтический талант Фрэзера (он даже писал стихи!) сочетался с умением проникнуть в дух эпохи, со стремлением оживить памятники древности, отнеся их к определенному ландшафту. Эти страницы книги читаются как художественная проза.

С. А. Токарев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДРЕВНЕЙШАЯ ЭПОХА СУЩЕСТВОВАНИЯ МИРА

Глава I. СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Для внимательного читателя Библии едва ли останется незамеченным резкое противоречие между двумя рассказами о сотворении человека, которые изложены в первой и второй главах книги Бытие. В первой главе мы узнаем, как в пятый день творения бог создал рыб и птиц, вообще всякую тварь, живущую в воде и воздухе, как в шестой день он сотворил сперва всех земных животных, а потом людей и что люди были представлены мужчиной и женщиной. Таким образом, из этого рассказа мы заключаем, что человек был по-

следним по времени созданием из всех существ, живущих на земле, а также, между прочим, что различие полов, как существенный признак человеческого рода, присуще также и божеству; но как примирить такое различие с единством божества, это вопрос, на который автор не удостоил нас ответом. Оставляя, однако, в стороне эту теологическую проблему, как слишком, быть может, глубокую для человеческого понимания, обратимся к более простому вопросу – о последовательности событий и остановим наше внимание на том утверждении, что бог сотворил сперва низших животных, а потом человеческие существа и что эти последние (мужчина и женщина) были созданы, по всей видимости, одновременно, причем оба в равной мере отражали величие их божественного оригинала. Так мы читаем в первой главе. Но когда мы переходим ко второй главе, то, к немалому нашему смущению, мы находим здесь уже другой, прямо противоположный рассказ о том же самом акте столь большой важности. Здесь мы совершенно неожиданно узнаем, что бог сотворил сперва человека в образе мужчины, потом низших животных и после них, уже по позднее возникшему замыслу, женщину, создав ее из ребра, которое он взял у мужчины, пока тот спал. Порядок расположения творений по их рангу в обоих рассказах явно противоположный. В первом рассказе бог начинает с рыб и продолжает творить по восходящей линии, переходя от рыб к птицам и зверям, а от них к мужчине и женщине. Во втором рассказе его созидатель-

ная работа идет по нисходящей линии – от мужчины к низшим животным и от них к женщине, которая, очевидно, знаменует собой самую низшую ступень божественного творчества. И в этой второй версии ни слова не говорится о том, что мужчина и женщина созданы по образу бога, а просто сказано, что «создал господь бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Впоследствии, чтобы облегчить одиночество человека, который, не имея спутника, слонялся по устроенному для него прекрасному саду, бог сотворил всех птиц и зверей и дал их человеку; очевидно, для того, чтобы те развлекали его и составили ему компанию. Человек посмотрел на них и дал им всем имена, но эти товарищи ему все-таки не понравились, и тогда только бог как бы с отчаяния создал наконец женщину из незначительной части мужского скелета и дал ее в жены человеку.

Резкое противоречие между обоими рассказами объясняется весьма просто, тем обстоятельством, что они происходят из двух различных и первоначально самостоятельных источников, впоследствии включенных в одну книгу редактором, который механически связал оба рассказа, не удосужившись даже смягчить или сгладить противоречия.

Рассказ о сотворении мира в первой главе восходит к так называемому Жреческому кодексу ², составленному жреца-

² Первые пять книг Ветхого завета – Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие – называются Пятикнижием; в иудаизме они именуются Законом или То-

ми во время вавилонского пленения или после него. Рассказ о сотворении человека и животных во второй главе восходит к так называемому Яхвисту, написанному на несколько столетий ранее первого, вероятно в IX в. до новой эры. Различие религиозных установок обоих авторов бросается в глаза. Более поздний автор Кодекса имеет абстрактное представление о боге как о существе, которое недоступно человеческому глазу и творит мир простым велением. Более ранний автор Яхвиста представляет себе бога в конкретной форме, как существо, которое говорит и действует подобно человеку, которое лепит человека из глины, разводит сад, гуляет в этом саду в часы дневной прохлады, призывает к себе Адама и Еву, спрятавшихся за деревьями, делает им одежду из кожи вместо слишком легких опоясаний из фиговых

рой, т. е. учением. Богословы иудаизма и христианства выдают Пятикнижие за цельное произведение, записанное Моисеем непосредственно со слов бога Яхве. В действительности библейской критикой установлено, что текст Пятикнижия комплектовался на протяжении более чем 500 лет одновременно с текстом шестой книги Ветхого завета – Иисуса Навина, в связи с чем говорят о Шестикнижии. В Пятикнижии рассказ ведется от бога, именуемого то Эпоха (во множественном числе Элохим), то Яхве. В русском синодальном переводе Библии Элохим обычно передается словом «бог», а Яхве – словом «господь». Если разделить тексты, связанные с Яхве и Элохим, то получится два отдельных повествования, каждое из которых само по себе последовательно и цельно. Их условно называют Яхвист и Элохист. Создание Яхвиста относят к X – IX в. до н. э., Элохиста – к тому же времени или несколькими десятилетиями позже. В 621 г. до н. э. возник третий документ, вошедший впоследствии в Пятикнижие – Второзаконие. В период вавилонского плена (VI в. до н. э.) или сразу после него иудейские жрецы составили так называемый Жреческий кодекс. – С. Т.

листьев, которыми наши прародители стыдливо прикрывали свою наготу. Очаровательная наивность, почти веселый тон более раннего рассказа составляет прямой контраст с важной серьезностью позднейшего, хотя в то же время нас поражает некоторый налет грусти и пессимизма, пробивающийся сквозь яркие краски, которыми яхвистский художник рисует нам жизнь того невинного века. В особенности же он почти не пытается скрыть своего глубокого презрения к женщине. Появление на свет женщины в последнюю очередь и самый способ ее сотворения – необычный и унижительный – из ребра ее господина и владыки, тогда как все низшие животные сотворены нормальным и приличным способом, в достаточной степени обнаруживают его невысокое мнение о женской природе; впоследствии это его, прямо сказать, женоненавистничество принимает еще более мрачный оттенок, когда он все несчастья и горести человеческого рода приписывает легковерной глупости и неумному аппетиту его праматери.

Из этих двух рассказов более ранний, т. е. яхвистский, не только живописнее, но и богаче фольклором, ибо в нем сохранилось обаяние примитивного простодушия, которое тщательно затушевано позднейшим автором. В соответствии с этим первый рассказ дает больше материала для сравнения с теми по-детски наивными рассказами, с помощью которых люди в разные века и в разных странах пытались объяснить великую тайну появления жизни на земле. Некоторые из этих бесхитростных преданий я и приведу на следующих страницах.

По-видимому, яхвистский автор представлял себе, что бог вылепил первого человека из глины совершенно так же, как это сделал бы гончар или как ребенок лепит куклу из глины, и что, вымесив глину и придав ей надлежащую форму, бог оживил вылепленную фигуру своим дыханием в ее рот и ноздри, т. е. тем же способом, каким пророк Елисей, по библейскому рассказу, возвратил к жизни мертвого ребенка сонамитянки: он лег на его тело, приложил свои глаза к глазам ребенка и свой рот ко рту ребенка, без сомнения, для того, чтобы передать телу свое дыхание; после этого ребенок чихнул семь раз и открыл глаза. Происхождение человеческого рода из праха земного представлялось евреям еще более естественным потому, что на их языке слово «земля» («адама») грамматически есть женский род от слова «человек» («адам»). На основании многочисленных свидетельств, обнаруживаемых в вавилонской литературе, мож-

но полагать, что и вавилоняне представляли себе человека созданным из глины. По словам вавилонского священника Бероса, рассказ которого о сотворении человека сохранился в греческом переводе, бог Бел отрезал собственную голову, а другие боги собрали кровь, смешали ее с землею и из этого кровавого теста вылепили людей. Вот почему, говорят вавилоняне, люди так умны: их смертная глина смешана с божественной кровью. В египетской мифологии Хнум, отец богов, вылепил людей из глины на гончарном круге.

По греческому преданию, мудрый Прометей также вылепил из глины первых людей в фокидском городе Панопее. Когда он окончил свою работу, то часть глины осталась на месте, ее можно было видеть еще долгое время спустя в форме двух больших глыб, лежащих на краю оврага. Греческий путешественник, посетивший это место во II в. нашей эры, утверждал, что эти глыбы имели цвет глины и распространяли сильный запах человеческого мяса. Я тоже побывал там спустя почти 1750 лет. Это место – небольшая заброшенная долина или, вернее, ложбина на южном склоне Панопейского холма, над которой тянется длинная линия разрушенных, но все еще величественных стен и башен, увенчивающих скалистую вершину холма. Был жаркий осенний день (1 ноября), и после долгого греческого лета без дождя вся маленькая долина была совершенно суха, вода не струилась по ее покрытым кустарником склонам, но на дне долины я увидел красноватую рассыпавшуюся землю, быть может, оста-

ток той самой глины, из которой Прометей слепил некогда наших прародителей. Местность имела пустынный и печальный вид, ни одного человеческого существа, ни какого-либо признака человеческого жилья не было видно кругом; только высоко над головой ряд развалившихся башен и зубцов на холме говорил о деятельной жизни давно минувших веков. Весь ландшафт, столь обычный в Греции, будил в душе мысли о скоротечности и суетности нашего жалкого существования на земле в сравнении с неизменной и, по крайней мере внешне, мирной, спокойной жизнью природы. Впечатление еще более усилилось, когда я, скрываясь от жары, уселся на вершине холма, под тенью прекрасных падубов, и, вдыхая душистый аромат полевого тмина, стал обозревать далекий горизонт этого уголка земли, столь богатого воспоминаниями о прошлом. К югу вырисовывались красивые очертания вершины Геликона, выступающей над низким кряжем гор. На западе виднелась громада Парнаса с темным сосновым лесом, покрывающим, точно облачные тени, середину его склонов, а у подножия горы приютились поросшие плющом стены Давлиса, висящие над глубокой долиной, романтическая красота которой так гармонирует с историей о любви и страданиях Прокны и Филомелы, связанной, по греческому преданию, с этим местом. На севере, за широкой равниной, на которую Панопейский холм спускается крутым и голым обрывом, глаз останавливается на горном ущелье, через которое пробился в своем извилистом течении Кефис; отсюда

река несет свои мутные воды далее под серыми ивами, мимо каменистых и бесплодных холмов, пока не теряется в темной известковой пещере, а не, как прежде, в болотистых камышах ныне уже высохшего Копайского озера. На востоке к склонам темного горного хребта, часть которого составляет Панопейский холм, прилепились руины Херонеи; здесь была родина Плутарха; здесь же находится равнина, на которой произошла роковая битва, бросившая Грецию к ногам Македонии; здесь, наконец, позднее произошла смертельная схватка между Востоком и Западом, в которой римская армия под предводительством Суллы разбила азиатские полчища Митридата. Таков был расстилавшийся передо мною ландшафт в один из тех последних роскошных дней осени, когда уходящее лето медленно и как бы нехотя уступает зиме прелестные горы Греции. На следующий день картина изменилась: лето ушло. Серый ноябрьский туман низко висел над холмами, которые еще вчера сияли в солнечном блеске, и под его траурным навесом вся мертвая гладь Херонейской равнины, этого громадного безлесного пространства, замкнутого пустынными скатами гор, была теперь обвеяна печальным холодом, конечно более подобающим тому полю битвы, где народ некогда потерял свою свободу.

Подобные грубые представления о происхождении человеческого рода у античных греков, евреев, вавилонян, египтян, без сомнения, перешли к этим цивилизованным народам древнего мира от их диких или варварских предков.

С другой стороны, такого же рода легенды были также собраны уже в наше время среди племен, стоящих на очень низких ступенях развития. Так, чернокожие австралийцы из окрестностей Мельбурна рассказывают, что создатель Бунджил своим большим ножом срезал три крупных куса древесной коры, положил на один из них кусок глины и тем же ножом как следует вымесил ее. Затем он переложил часть глины на другой кусок коры и вылепил из нее человеческую фигуру; сначала он сделал ступни, потом ноги, туловище, руки и голову. Такого же глиняного человека он вылепил на последнем куске коры и так остался доволен своим произведением, что от радости стал плясать вокруг них. Потом он взял волокнистую кору эвкалипта, сделал из нее волосы и приклеил их к голове каждой фигуры. Тогда он еще раз посмотрел на своих глиняных людей, опять остался очень доволен и опять от радости заплясал вокруг них. После этого он лег на них всем телом и стал дышать им прямо в рот, нос и в пуп, и они зашевелились, заговорили и встали на ноги, совсем как взрослые люди. Маори, туземные обитатели Новой Зеландии, рассказывают, что некий бог, которого называют Ту, Тики или Тане, взял красную глину с речного берега, замесил ее на своей крови и вылепил фигуру с глазами, ногами и руками, представлявшую точную копию самого божества, и, когда слепок был готов, он оживил его своим дыханием в рот и в ноздри, после чего слепок сразу обрел жизнь и чихнул. И так похож был на самого Тики сотворенный им чело-

век, что бог назвал его Тики-агуа, т. е. подобие Тики.

На островах Таити весьма широко распространено предание о том, что первая пара человеческого рода была создана верховным богом Таигароа. После сотворения мира он сделал человека из красной земли, которая служила также пищей для людей до тех пор, пока они не стали пользоваться плодами хлебного дерева. Некоторые прибавляют к этому, что Тангароа однажды окликнул человека по имени и, когда тот подошел, усыпил его, во время сна взял у него одну из его костей («иви») и сделал из нее женщину, которую и дал человеку в жены. От этой-то пары и произошел человеческий род. Рассказ этот записан со слов туземцев в первые годы существования христианской миссии на островах Таити. Миссионер Вильям Эллис, записавший это предание, прибавляет от своего имени: «Мне эта легенда всегда казалась простым повторением Моисеева рассказа о сотворении мира, который туземцы слышали от европейцев, и хотя они неоднократно говорили мне, будто предание сложилось среди них еще до того времени, когда иностранцы впервые посетили их, но я не придавал этому никакого значения. Некоторые утверждали также, что имя женщины было Иви. Это слово туземное и означает не только „кость“, но также „вдова“ и „военная жертва“. Несмотря на уверения туземцев, я склонен думать, что название „иви“ есть единственный туземный элемент во всей этой легенде, поскольку оно применено к праматери человеческого рода».

Однако то же самое предание было записано и в других местах Полинезии, помимо Таити. Так, например, аборигены острова Факаофо (или Баудич) рассказывают, что первый человек был создан из камня. Через некоторое время он вздумал обзавестись женщиной. Тогда он набрал земли и вылепил из нее женскую фигуру, а потом вынул из своего левого бока ребро и вставил его в эту фигуру, которая вслед за тем вскочила на ноги, превратившись мигом в живую женщину. Он назвал ее Иви (т. е. ребро) и взял в жены. От них и пошел человеческий род. Маори также верят в то, что первая женщина произошла из ребра первого мужчины. Столь широкое распространение этого предания в Полинезии заставляет сомневаться, в том, что это, как считал миссионер Эллис, простой пересказ библейской легенды, заимствованный у европейцев.

Однако предание о сотворении первой женщины из ребра первого мужчины у некоторых племен облечено в столь близкие к библейскому рассказу формы, что его едва ли можно рассматривать как независимое от библейского рассказа. Вот что, например, рассказывают карены в Бирме: «Бог сотворил человека, но из чего именно он сделал его? Он сперва сотворил мужчину из земли и кончил творить. Потом он сотворил женщину, и из чего же он ее сделал? Он взял ребро от мужчины и сотворил женщину». Точно так же среди лебедских татар в Сибири существует предание, что бог вначале создал человека, который жил один на земле. Но од-

нажды, когда этот одинокий человек спал, дьявол коснулся его груди; тогда из ребра его выросла кость, упала на землю, разрослась в длину и превратилась в женщину. Таким образом, эти татары оказались еще более циничными, чем автор книги Бытие, допустив дьявола сотворить нашу праматерь.

Но вернемся к островам Тихого океана.

Обитатели островов Палау говорят, что некие брат и сестра произвели людей из глины, замешанной на крови различных животных, и что характер тех первых людей и их потомства зависел от характера того животного, чья кровь была смешана с этой первичной глиной: например, люди, в которых течет кровь крысы, – воры; люди, в которых течет кровь змеи, – трусы, а люди, в которых течет кровь петуха, – храбрецы. По меланезийской легенде, записанной на острове Мота, одном из группы Банксовых островов, герой Кат вылепил людей из красной глины, взятой на болотистом речном берегу на острове Вануа Лава. Сперва он сделал людей и свиней по одинаковому образцу, но братья его запротестовали против этого, и тогда он ударом пришиб свиней к земле, и они стали ходить на четвереньках, а человек продолжал ходить прямо. Первую женщину Кат создал из гибких ветвей, и когда кукла улыбнулась, то он понял, что она стала живой женщиной. У туземцев острова Малекула, одного из Ново-Гебридских островов, верховное существо, которое вылепило из глины первого мужчину и первую женщину, носит имя Бокор.

Аборигены острова Ну-ху-роа, одного из Кайских островов, говорят, что их предки были созданы из глины верховным богом Дуадлера, который вдохнул жизнь в свои глиняные создания. По словам людей из племени тораджа, живущего в центральной части Целебеса и говорящего на наречи и-Лаи, бог верхнего мира, и и-Ндара, богиня нижнего мира, решили произвести на свет людей. Дело это они поручили и-Комбенджи, который изготовил два образца, один – в виде мужчины, а другой – в виде женщины; по мнению одних, из камня, а других – из дерева. Окончив свою работу, он поставил оба образца у самого края дороги, ведущей из верхнего мира в нижний, чтобы все проходящие мимо духи могли видеть и критиковать его произведения. Вечером боги, собравшись, обсудили вопрос и решили, что икры ног у обеих фигур недостаточно круглы. Тогда Комбенджи принялся снова за работу и сделал другую пару моделей, которую также представил на рассмотрение богам. На этот раз последним показалось, что фигуры вышли чересчур пузатые, и Комбенджи пришлось изготовить третью пару образцов, которую боги одобрили после некоторых мелких исправлений, сделанных творцом в строении тел, причем мужская фигура была несколько уменьшена, а женская увеличена. Оставалось только оживить фигуры. Для этой цели бог и-Лаи ушел в свою небесную обитель, чтобы достать оттуда вечное дыхание для мужчины и женщины. Но тут сам бог, по рассеянности,

сти или второпях, допустил, что обыкновенный ветер подул на обе фигуры, и они обрели от него дыхание и жизнь. Вот почему дыхание возвращается к ветру, когда человек умирает.

Даяки из области Сакарран в британской части острова Борнео рассказывают, что первый человек был сотворен двумя большими птицами. Сперва они пытались сделать людей из деревьев, но попытка оказалась тщетной. Потом стали высекать их из скал, но каменные истуканы не могли говорить. Тогда птицы вылепили человека из сырой земли и влили в его жилы красную смолу, добытую из дерева с берегов Кумпанга. После этого они окликнули человека и, когда он отозвался, стали резать его тело, и кровь потекла из ран. И они дали ему имя Танна Кумпок, т. е. «формованная земля». Но некоторые из приморских племен даяков думают иначе. По их мнению, творцом людей является некий бог по имени Салампандаи. Он молотком придает глине форму младенцев, которым предстоит родиться на свет. Есть такое насекомое, которое ночью производит странный звенящий шум, и когда даяки слышат его, то говорят, что это Салампандаи сидит за работой, стуча молотком. Предание гласит, что боги поручили ему сделать человека, он сделал его из камня, но истукан не мог говорить и был поэтому забракован. Тогда бог сел опять за работу и сделал человека из железа, который, однако, также оставался немым, и боги решительно отказались от него. В третий раз Салампандаи сделал челове-

ка из глины, и этот человек обладал способностью речи. Боги остались довольны и сказали: «Человек, которого ты сделал, годится; пусть он будет родоначальником человечества, а ты продолжай делать других таких же». И вот с тех пор Салампандаи стал мастерить людей, и поныне он еще продолжает работать на своей наковальне и своим инструментом в неведомых краях. Здесь он лепит глиняных людей, и каждый раз, когда ребенок у него готов, он приносит его богам, которые спрашивают ребенка: «Что ты хочешь держать в руке и постоянно употреблять?» Если младенец отвечает: «Меч», то боги объявляют его мужчиной, а если младенец говорит: «Пряжу и прялку», то они объявляют его женщиной. Так рождаются дети мальчиками или девочками по их собственному желанию.

У туземцев острова Нияс, лежащего к юго-западу от Суматры, есть длинная поэма о сотворении мира, которую они декламируют во время плясок при похоронах своих вождей. Поэма состоит из куплетов, построенных в стиле еврейской поэзии, где каждый последующий стих повторяет мысль предыдущего в несколько иных выражениях. Здесь мы узнаем, что верховный бог Луо Захо, купаясь однажды в небесном ручье, в светлых водах которого его тело отражалось как в зеркале, увидел свое отражение в воде, взял горсть земли величиной с яйцо и вылепил из нее фигуру на манер тех статуэток, которые туземцы в Ниясе изготавливают для изображения предков. Затем он положил фигуру на ча-

шу весов и взвесил ее; он взвесил также и ветер и поднес его к губам вылепленной им фигуры. И вот фигура вдруг заговорила, как человек или как ребенок, и бог дал ей имя Сихаи. Но хотя Сихаи внешне был похож на бога, потомства у него не было, а мир был погружен во тьму, ибо еще не существовало ни солнца, ни луны. Поразмыслив об этом, бог отослал человека на землю, где он стал жить в доме, построенном из папоротника. Но так как он все еще не имел ни жены, ни детей, то однажды в полдень он умер, а изо рта его выросли два дерева, которые пустили почки и цветы. Ветер отряхнул цветы с деревьев на землю, и от них родились все болезни. А из горла Сихаи выросло еще одно дерево, от которого родилось золото, а из сердца его выросло другое дерево, от которого произошли люди. Кроме того, из его правого глаза родилось солнце, а из левого глаза родилась луна. В этой легенде мысль о сотворении человека по своему образу была подсказана богу его собственным отражением, которое он увидел в чистом ручье.

Среди дикарей племени била-ан на острове Минданао, одном из Филиппинских островов, сложилось следующее предание о сотворении человека. В начале веков жил некий бог по имени Мелу, столь огромных размеров, что ни один предмет в мире не может дать о нем надлежащего представления. Он был белого цвета, имел золотые зубы и сидел на облаках, занимая все пространство над ними. Будучи чрезвычайно чистоплотным, он непрестанно тер свое тело, чтобы

сохранить незапятнанной белизну своей кожи, а струпья постоянно снимал с тела и откладывал в сторону, пока они не образовали большую кучу, которая стала стеснять его. Чтобы избавиться от этой кучи, он построил из нее землю и, оставшись доволен своим творением, решил создать два существа, похожие на него самого, но гораздо меньших размеров. Так он их и создал по собственному образу из остатков тех самых струпьев, из которых была образована земля; они-то и были первыми людьми на земле. Но пока создатель был еще занят своим делом, успев уже окончить одно создание, но еще без носа, и другое, также без носа и еще без какой-то части тела, к нему явился Тау-Далом-Тана и потребовал допустить его самого сделать оба носа. После горячего спора с создателем он добился-таки своего и сделал носы, но, прилаживая их к лицам наших прародителей, он, к несчастью, поставил носы вверх ноздрями. Спор о носах между создателем и его помощником был такой ожесточенный, что создатель совсем забыл окончить другую часть тела второго создания и ушел в свою обитель над облаками, так и оставив незаконченной мужскую или женскую фигуру (неизвестно, которую именно из них), а Тау-Далом-Тана также ушел в свою подземную обитель. После этого выпал большой дождь, и оба родоначальника человечества едва не погибли, потому что дождь стекал с их головы в перевернутые кверху ноздри. К счастью, создатель вовремя заметил их опасное положение, спустился к ним на помощь с облаков, снял их носы и поста-

вил каждый нос на свое место.

Среди языческого племени багобо (в юго-восточной части острова Минданао) существует легенда о том, что некий Дивата сотворил море и землю и посадил деревья разных пород. Потом он взял два кома земли, вылепил из них две человеческие фигуры и поплевал на них, после чего они превратились в мужчину и женщину. Прародителей звали Туглай и Тугли-бунг. Они поженились и стали жить вместе; мужчина построил большой дом и сажал всякого рода растения, семена которых ему давала женщина.

Туземцы из племени кхами, обитатели Аракана и Читтагонга, рассказали капитану Льюину следующую легенду о сотворении человека. Бог сперва создал мир, деревья и пресмыкающихся, а потом вылепил из глины два человеческих тела – мужское и женское, но в ту же ночь, когда он окончил свою работу, явилась большая змея и, пока бог спал, сожрала оба тела. Так случилось два или три раза, и бог задумался, как быть дальше, потому что, работая целый день, он никак не мог закончить пару тел за двенадцать часов; с другой стороны, если бы он не спал, «ему было бы плохо», заметил уже от себя с некоторой долей уверенности туземный рассказчик. Итак, как я уже сказал, богу пришлось задуматься. Наконец однажды утром он поднялся рано и начал с того, что сделал собаку, вложил в нее жизнь и в ту же ночь поставил сторожить вновь изготовленные человеческие изображения. Когда пришла змея, то собака залаяла и прогнала ее прочь.

Вот почему по сей день, когда человек умирает, собаки начинают выть. Но кхаси думают, что в наше время бог спит крепко, а может быть, змея стала смелее, поэтому люди умирают, несмотря на собачий вой. Если бы бог не спал, то не было бы ни болезней, ни смерти; только тогда, когда он уже засыпает, приходит змея и убивает нас.

Подобный этому рассказ можно услышать также в племени кхаси в Ассаме. Первоначально бог создал человека и поместил его на земле, но, вернувшись к нему, чтобы посмотреть на свое творенье, увидел, что оно уничтожено злым духом. Это повторялось дважды, и тогда божество сделало сперва собаку, а потом человека; собака охраняла человека и не давала дьяволу уничтожить его. Таким образом произведение божества уцелело.

Тот же рассказ, лишь слегка приукрашенный индийской мифологией, мы находим у индийцев племени корку в центральных провинциях Индии. Раван, князь демонов на острове Цейлон, заметил, что горы Винджан и Сатпура безлюдны, и упросил великого бога Магадео заселить их людьми. Тогда Магадео (одно из имен Шивы) послал ворону отыскать для него муравейник из красной земли, и ворона нашла такой муравейник в Бетульских горах. Бог отправился на это место и, взяв горсть красной земли, сделал из нее два человеческих изображения – мужчину и женщину. Но не успел он еще завершить свою работу, как два огненных коня, посланные Индрой, выскочили из-под земли, растоптали изображе-

ния и превратили их в прах. Целых два дня бог упорствовал в своих попытках, но каждый раз, когда изображения были уже совсем готовы, кони разбивали их вдребезги. Наконец бог сделал изображение собаки, вдохнул в нее жизнь, и животное не подпускало близко огненных коней Индры. Так удалось богу завершить без помехи свою пару человеческих изображений, и, одарив их жизнью, он дал им имена Мула и Мулан. От этой пары и произошло племя корку.

Другой вариант этого предания, но лишь с некоторой любопытной особенностью распространен среди племен мунда в Чхота-Нагпур. Бог-солнце, по имени Сингбонга, сперва вылепил из глины две фигуры, представлявшие собой мужчину и женщину. Но прежде чем он успел одарить их жизнью, лошадь, предвидя будущие страдания, ожидающие ее от рук человеческих, растоптала фигуры своими копытами. В то время лошади имели крылья и могли двигаться гораздо быстрее, чем теперь. Когда бог-солнце увидел, что лошадь уничтожила его глиняные творения, то он сотворил сперва паука, а потом две другие фигуры, такие же, как прежде, и приказал пауку охранять их от лошади. Паук соткал вокруг обеих фигур такую крепкую паутину, что лошадь не могла прорвать ее. После этого бог-солнце наделил жизнью обе фигуры, которые и стали первыми людьми на земле.

Русские черемисы ³, народ финского происхождения, рассказывают историю сотворения мира, напоминающую неко-

³ Современное название – мари. – С. Т.

торые эпизоды из преданий племени тораджа и индийских туземцев. Бог вылепил тело человека из глины и поднялся к себе на небо, чтобы принести оттуда душу для оживления человека, оставив на месте собаку сторожить тело в его отсутствие. Тем временем пришел дьявол и, напустив на собаку холодный ветер, прельстил ее меховой одеждой, чтобы ослабить ее бдительность. Потом злой дух оплевал глиняное тело и так загадил его, что когда бог вернулся назад, то пришел в полное отчаяние и, не надеясь когда-нибудь снять с тела всю грязь, скрепя сердце решил вывернуть тело наизнанку. Вот отчего у человека такая грязная внутренность. И в тот же день бог проклял собаку за ее преступное нарушение своего долга.

Обращаясь теперь к Африке, мы находим здесь легенду о сотворении человеческого рода из глины у племени шиллук, живущего по Белому Нилу, которая остроумно объясняет различный цвет кожи у разных рас неодинаковым цветом глины, из которой они были сотворены. Создатель Джук вылепил всех людей из земли и все время, пока продолжалось дело творения, странствовал по миру. В стране белых он нашел совершенно белую землю и создал из нее белых людей. Потом он пришел в египетскую страну и здесь из нильского ила произвел красных и коричневых людей. Наконец, он пришел в страну племени шиллук и, найдя здесь черную землю, сотворил из нее черных людей. Лепил же он людей таким образом. Взяв в руки ком земли, он сам с собой

рассуждал: «Вот я хочу сделать человека, но он должен гулять, бегать, ходить в поле; стало быть, мне надо дать ему две длинные ноги, как у фламинго». Так именно он и сделал и подумал опять: «Человек должен уметь сеять просо; значит, для этого я должен дать ему две руки – одну, чтобы держать мотыгу, а другую, чтобы вырывать сорную траву». И дал ему две руки. Тогда он снова подумал: «Человек должен видеть свое просо, а потому надо дать ему два глаза» – и дал ему два глаза. Вслед за тем он сказал себе: «Человек должен есть свое просо, а для этого ему нужен рот». И, дав ему рот, снова подумал: «Человек должен уметь плясать, и говорить, и петь, и кричать, а для всего этого ему нужен язык». И дал ему язык. Наконец, бог сказал самому себе: «Человек должен слышать шум танцев и речи великих людей, а для этого ему нужно иметь два уха». И бог дал ему два уха, после чего послал его в мир настоящим человеком. Фоны в Западной Африке рассказывают, что бог создал человека из глины, но первоначально в форме ящерицы, которую он положил в болото, где она лежала семь дней. По прошествии этого времени бог крикнул: «Выходи», и из болота вместо ящерицы вышел человек. Племена, живущие в Того, в Западной Африке, говорящие на языке эве, полагают, что бог до сих пор продолжает делать людей из глины. Когда он хочет сотворить хорошего человека, то берет хорошую глину, а когда хочет создать плохого человека, то употребляет для этого только плохую глину. Сначала бог создал мужчину и поселил его

на земле, а потом создал женщину. Оба посмотрели друг на друга и засмеялись. Вслед за тем бог отослал их в мир.

Легенда о сотворении человека из земли встречается также в Америке как среди эскимосов, так и среди индейцев – от Аляски до Парагвая. Так, эскимосы с мыса Барроу на Аляске рассказывают о таком времени, когда еще не было человека на земле, пока некий дух по имени А-се-лу, обитавший на мысе Барроу, вылепил человека из глины, положил его на морской берег, чтобы дать ему просохнуть, вложил в него свое дыхание и дал ему жизнь. Другие эскимосы с Аляски рассказывают, как ворон сделал первую женщину из глины, предназначив ее в товарищи первому человеку, прикрепил ей на затылке волосы из морской травы, ударил крыльями над глиняной фигурой, и она поднялась на ноги в виде молодой прекрасной женщины. Индейское племя акаг-чемем в Калифорнии знает легенду о могущественном существе по имени Чиниг-чинич, которое создало человека из глины, найденной им на берегу озера; оно создало его в виде мужчины и женщины, и все нынешние индейцы – потомки той вылепленной из глины человеческой пары.

По словам индейцев племени майду (в Калифорнии), первая пара людей была создана некоторым таинственным лицом по имени Зачинатель, который спустился с неба по веревке, сделанной из птичьих перьев. Его тело сияло, как солнце, но лицо было закрыто и невидимо для глаза. Однажды в полдень он взял кусок темно-красной земли, смешал

ее с водой и вылепил две фигуры, одну мужскую, а другую женскую. Мужчину он положил к себе с правой стороны, а женщину с левой. Так он лежал и потел весь день и всю ночь. Рано утром женщина начала щекотать его бок, но он молчал и не смеялся. Вскоре он встал и воткнул в землю кусок смолистого дерева, отчего сразу вспыхнул огонь. Оба человека были совершенно белого цвета; в наше время таких белых людей не бывает. Глаза были у них красные, волосы черные, зубы ярко блестели; они были поистине прекрасны. Говорят, что Зачинатель не сразу сделал им руки, ибо не знал, как лучше их сделать. Степной волк, который вообще играет немалую роль в мифологии западных индейцев, увидел первых людей и посоветовал дать им такие же руки, как у него, но Зачинатель сказал: «Нет, у них будут руки, как у меня» – и сделал им такие именно руки. Когда степной волк спросил, для чего людям нужны подобные руки, Зачинатель ответил: «Для того чтобы они могли взлезать на деревья, когда за ними будет гнаться медведь». Первый мужчина был назван Куксу, а первая женщина – Утренней Звездой.

У индейцев, живущих в провинции Сан-Диего (юго-запад штата Калифорния), которые сами себя называют «каваки-паи», существует следующий миф о сотворении мира и человека. Первоначально не было никакой твердой земли и вообще ничего, кроме соленой воды в огромном первичном океане, а на дне океана жили два брата, из которых старшего звали Ткайпакомат, и оба они никогда не открывали своих

глаз, боясь ослепнуть от соленой воды. И вот однажды старший брат поднялся на поверхность моря, посмотрел вокруг себя, но ничего не увидел, кроме сплошной воды. Младший брат также всплыл кверху, но, не успев еще достигнуть поверхности воды, по неосторожности открыл глаза и тотчас же ослеп от соленой воды, так что, когда он очутился над водой, вообще не мог ничего видеть и потому погрузился обратно в морскую пучину. А старший брат, оставшись один на поверхности моря, стал строить пригодную для жизни землю из бездны морской. Первым делом он сотворил маленьких красных муравьев, которые своими крошечными телами заполнили водное пространство сплошной массой и образовали твердую землю. Но мир покамест был погружен во тьму, ибо еще не было ни солнца, ни луны. А между тем Ткайпакомат уже произвел на свет каких-то черных птиц с плоским клювом, и птицы в темноте сбились с пути и не знали, где им свить гнездо. Тогда Ткайпакомат взял три сорта глины – красную, желтую и черную, сделал из нее какую-то круглую и плоскую вещь и бросил ее вверх к небу, где она тотчас же прилипла и, ставши луной, начала изливаться тусклый свет. Но, не довольствуясь слабым светом этого бледного круга, Ткайпакомат взял другой кусок глины и, вылепив из него еще один круглый и плоский диск, швырнул его в противоположную сторону; он также пристал к небу и превратился в солнце, освещая все на земле своими лучами. Затем Ткайпакомат взял ком светлой глины, раздробил его на несколько

частей и сделал из него человека, а потом вынул у человека ребро и сделал из него женщину. Женщина эта, созданная из ребра мужчины, была названа Синиаксау, т. е. «первая женщина» (от «сини» – «женщина» и «аксау» – «первый»). От этой первой человеческой пары, вылепленной создателем из глины, происходит человеческий род.

У индейского племени хопи или моки (в Аризоне) сохранилось предание, что первоначально в мире ничего не существовало, кроме воды, и что среди океана жили в своих домах два божества, по-видимому, две богини, носившие одно общее имя Гуру-инг-Вути, одна – на востоке, а другая – на западе, общими усилиями которых посреди водной стихии была создана сухая земля. Но солнце, ежедневно проходя над землей из конца в конец, заметило, что на всей поверхности земли не было ни одного живого существа, и сообщило божествам об этом важном недостатке. И вот богини устроили совместное совещание, для чего восточная богиня явилась к своей западной подруге, пройдя к ней по радуге, переброшенной через море, как по мосту. На совещании было решено создать маленькую птичку, и восточная богиня сделала из глины королька, который обрел жизнь благодаря заклинаниям обеих богинь. Тогда они послали птичку полетать над миром и посмотреть, есть ли где-нибудь на земной поверхности живое существо, но птичка вернулась и рассказала, что не встретила ни живой души. После этого богини создали тем же способом некоторых птиц и зверей и веле-

ли им населить мир. Позднее всех животных богини решили сотворить человека; для этого восточная богиня взяла глину и вылепила из нее сперва женщину, а потом мужчину, и оба человека одарены были жизнью таким же образом, как раньше птицы и звери.

Индейцы племени пима (в той же Аризоне) говорят, что создатель взял в руки глину и, смешав ее с потом своего собственного тела, вылепил из этого теста чурбан, потом дул на него до тех пор, пока он не обрел жизнь, зашевелился и превратился в мужчину и женщину. Жрец индейского племени натчес (в Луизиане) рассказал Дюпра ⁴, что «бог взял глину, такую же, какую употребляет гончар, вымесил ее и сделал из нее небольшого человека, потом, осмотрев его хорошенько и найдя, что он сделан как следует, бог дунул на свое произведение, и маленький человек сразу получил жизнь, стал расти, двигаться, ходить и почувствовал себя хорошо сложенным мужчиной». Что же касается того, каким способом сотворена была женщина, то жрец откровенно сознался, что этого он не знает, так как древние предания его племени ничего не говорят о каком-либо различии в сотворении обоих полов, но что он считает правдоподобным, что мужчина и женщина созданы одинаковым образом.

По словам индейцев племени мичоакан (в Мексике), ве-

⁴ Автор книги по истории Луизианы (The history of Louisiana, London, 1774), на которую Фрэзер ссылается в своем трехтомном издании «Фольклор в Ветхом завете». — *Прим. пер.*

ликий бог Тука-пача сделал первого мужчину и первую женщину из глины, но когда они стали купаться в реке, то глина так размокла, что распалась на куски. Тогда бог снова взялся за работу и во избежание новой неудачи сделал людей из пепла, но результат оказался таким же плачевным. Наконец, чтобы уже больше не промахнуться, он сделал их из металла, и его настойчивость получила должную награду, ибо мужчина и женщина оставались теперь совершенно непроницаемы для воды; они купались в реке и уже больше не разрушались. Их союз положил начало человеческому роду. По легенде, услышанной от перуанских индейцев одним испанским священником в Куско спустя приблизительно 50 лет после завоевания Перу, Тиауанако было тем местом, где произошло восстановление человеческого рода после великого потопа, уничтожившего всех людей на земле, кроме одного мужчины и одной женщины. Здесь в Тиауанако, «бог воссоздал население этой страны, сотворил из глины по одному человеку от каждого народа и разрисовал для каждого его одежду. Тех, которые носят длинные волосы, он сотворил с волосами, а тех, которые стригут свои волосы, – стриженными, каждому народу дал тот язык, на котором он будет говорить, и те песни, которые он будет петь, и семена, которые он будет сеять. Сотворив и раскрасив глиняные фигуры, бог одарил каждую из них живой душой – как мужчин, так и женщин – и велел им уйти в подземный мир. Отсюда каждый народ поднялся наверх и занял то место, которое было указано ему богом».

У индейского племени ленгуа в Парагвае сохранилось такое предание. Бог, приняв форму жука, жил на земле в норе. Создав из глины мужчину и женщину, он бросил их вверх из своего подземелья. Сросшиеся друг с другом, они оба жили, как сиамские близнецы. В таком весьма неудобном положении жук послал их в мир, где им пришлось, к явной своей невыгоде, выдержать борьбу с могущественными существами, которые раньше их были созданы жуком. Тогда они взмолились, чтобы он разъединил их.

Жук удовлетворил их желание и дал им способность размножаться. Так они стали родоначальниками человечества. Но сам жук, создав мир, перестал принимать в нем какое-либо активное участие и потерял к нему всякий интерес. Этот миф невольно приводит на память фантастический рассказ Аристофана в платоновском «Пире» о том первобытном состоянии людей, когда мужчина и женщина были соединены в одно существо с двумя головами, четырьмя руками и четырьмя ногами, пока Зевс не расколол их пополам, разъединив таким образом оба пола.

Интересно отметить, что во многих из приведенных легенд глина, из которой были созданы наши прародители, была красного цвета, чем, по-видимому, имелось в виду объяснить красный цвет крови. Хотя яхвистский автор книги Бытие не упоминает о цвете глины, из которой бог создал Адама, но мы можем, пожалуй, без особенного риска предположить, что глина эта была красная, потому что на еврейском

языке «человек» вообще передается словом «адам», «земля» — словом «адама», а «красный» — словом «адам». Таким образом, путем естественного и даже, можно сказать, неизбежного силлогизма мы приходим к заключению, что наш прародитель был вылеплен из красной земли. Но если бы и оставались еще кое-какие сомнения на этот счет, то они рассеиваются благодаря тому обстоятельству, что и в настоящее время почва в Палестине имеет темно-красноватый или коричневатый цвет, тем самым «намекая», как справедливо замечает сделавший это наблюдение автор, «на связь между Адамом и землей, из которой он был взят; в особенности же такой цвет замечен, когда почва бывает разрыта плугом или заступом». Вот каким замечательным образом сама природа свидетельствует о буквальной достоверности священного писания.

Глава II ГРЕХОПАДЕНИЕ

Библейский рассказ в книге Бытие

Несколькими штрихами автор Яхвиста мастерски изображает блаженную жизнь наших прародителей в счастливом саду, который бог устроил для их жилья. Здесь произрастали в изобилии всевозможные деревья, «приятные на вид и хорошие для пищи»; здесь животные жили в мире с человеком и друг с другом; здесь мужчина и женщина не знали стыда, ибо не знали ничего дурного: то был век невинности. Но это счастливое время продолжалось недолго, и скоро ясный день омрачился тучами. Вслед за описанием того, как была создана Ева и приведена к Адаму, автор непосредственно переходит к рассказу об их грехопадении, о потере ими невинно-

сти, об изгнании из рая и осуждении их со всем потомством на вечный труд, горе и смерть. Посреди сада росло дерево познания добра и зла; бог запретил человеку употреблять в пищу плоды его, сказав: «...В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Но змей был коварен, а женщина слаба и легковерна: он убедил ее вкусить от рокового плода, а она дала его отведать своему мужу. Лишь только оба отведали этого плода, у них открылись глаза; они поняли наготу свою и, смутясь, стыдливо прикрыли ее поясами из фиговых листьев; с тех пор век невинности ушел безвозвратно. В тот самый злосчастный день, когда спала полдневная жара и длинные тени ложились в саду, бог по своему обыкновению совершал там прогулку в вечерней прохладе. Адам и Ева слышали его шаги или, может быть, шум листьев, падающих к ногам бога (если только райские деревья могут ронять листья), и поспешили спрятаться за деревьями, боясь быть замеченными в своей наготе. Но бог подозвал их к себе и, узнав от сконфуженных супругов, что они не послушались его приказания и ели плоды от древа познания добра и зла, разгневался необычайно. Он проклял змея и навеки осудил его ползать на своем чреве, глотать прах земной и враждовать со всем родом человеческим; он проклял землю, назначив ей производить тернии и чертополох; он проклял женщину, осудив ее рожать детей в муках и быть у мужа в подчинении; он проклял мужчину и обрек его в поте лица своего добывать хлеб насущный, для того чтобы в конце концов

возвратиться в прах, из которого он был создан. Истошив весь запас своих проклятий, вспыльчивое, но, в сущности, добродушное божество настолько успокоилось, что даже изготовило для обоих преступников кожаные одежды вместо слишком легких поясов из фиговых листьев, а застенчивые супруги в своей новой одежде удалились, пробираясь меж деревьев, когда на западе уже потухал закат и тени сгустились над «потерянным раем».

Весь этот рассказ вращается вокруг дерева познания добра и зла, оно занимает, так сказать, центральное место на сцене, где разыгрывается великая трагедия, вокруг него группируются мужчина, женщина и говорящий змей. Но, присмотревшись внимательнее, мы видим еще одно стоящее рядом с первым посреди сада, притом весьма замечательное, дерево, ибо это не более и не менее как дерево жизни, доставляющее бессмертие всякому, вкушившему от его плодов. Однако же это чудесное дерево не играет никакой роли во всей истории грехопадения человека. Всякий может свободно сорвать висящие на его ветках плоды, и доступ к нему не прегражден никакими запретами божества, но тем не менее никто не помышляет о том, чтобы отведать его сладких плодов и обрести вечную жизнь. Глаза всех действующих лиц обращены исключительно в сторону дерева познания, а дерева жизни как будто никто даже не замечает. Только впоследствии, когда все было кончено, бог вспомнил об этом чудесном дереве со всеми его бесконечными возможностями, стоящем посреди

сада. И вот, боясь, что человек, вкусивший от одного дерева и уподобившийся через это богу в познании добра и зла, вкусит также от другого дерева и сравнится с богом в бессмертии, бог прогнал человека из сада и поставил стражу из ангелов с пламенеющими мечами, чтобы охранять доступ к древу жизни и таким образом пресечь возможность для кого бы то ни было отведать его волшебных плодов и обрести бессмертие. Таким образом, в течение всей трагедии наше внимание остается прикованным исключительно к древу познания добра и зла в раю, лишь в последнем великом акте, когда сияние рая навеки сменяется обыкновенным дневным светом, наш прощальный взгляд на роскошный Эдем различает в нем древо жизни, слабо освещаемое зловещим блеском мечей в руках потрясающих ими ангелов.

По-видимому, общепризнанным является то мнение, что в рассказ о двух деревьях вкралось какое-то позднейшее искажение и что в первоначальной версии древо жизни играло не столь пассивную и чисто декоративную роль. Некоторые поэто́му полагают, что первоначально существовали два различных предания о грехопадении: в одном из них фигурировало одно лишь древо познания добра и зла, а в другом – только древо жизни, что библейский автор довольно неуклюже соединил оба предания вместе, причем одно из них оставил почти без всяких изменений, а другое урезал и обкорнал почти до неузнаваемости. Возможно, что это так и было, но разрешение проблемы надо, пожалуй, искать в дру-

гом направлении. Дело в том, что вся суть истории грехопадения, по-видимому, состоит в попытке объяснить смертную природу человека, показать, откуда явилась смерть на земле. Правда, нигде не сказано, что человек был создан бессмертным и лишился бессмертия по причине своего ослушания, но не сказано ведь и то, что он был создан смертным. Скорее нам дают понять, что человеку были предоставлены обе возможности – смерти и бессмертия и что выбор между обеими возможностями зависел от него самого; ибо древо жизни не было для него недостижимо, плоды его не были запретными, человеку стоило только протянуть руку, сорвать плод и вкусить от него, чтобы обрести бессмертие. В самом деле, создатель отнюдь не запретил человеку пользоваться древом жизни; стало быть, тем самым он ему это позволил делать, даже поощрял к тому, ибо совершенно ясно объявил человеку, что он может свободно есть плоды от любого дерева в саду, за одним лишь исключением древа познания добра и зла. Таким образом, посадив в саду древо жизни и не воспротивив человеку пользоваться им, бог, очевидно, намеревался предоставить ему выбор или, во всяком случае, создать для него возможность бессмертия, но человек не воспользовался этой возможностью и предпочел вкусить от другого дерева, до которого бог запретил ему дотрагиваться под страхом немедленной смерти. Это заставляет предположить, что запретным в действительности было не древо познания добра и зла, а древо смерти и что пользование его смертоносными

плодами было само по себе достаточным для того, чтобы повлечь за собою смерть для съевшего их, совершенно независимо от факта повиновения или неповиновения велению божества. Такой вывод вполне согласуется с дословным предостережением, которое бог сделал человеку: «А от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Стало быть, мы можем предположить, что в первоначальной версии рассказа речь шла о двух деревьях – о древе жизни и о древе смерти; что человеку было предоставлено на выбор: либо вкусить от одного и получить в удел вечную жизнь, либо вкусить от другого и умереть; что бог, желая добра своему созданию, посоветовал человеку есть от древа жизни и предостерег его не есть ничего от древа смерти; что человек, соблазненный змеем, вкусил от пагубного древа и тем самым лишился бессмертия, которое приготовил ему благожелательный создатель.

Такая гипотеза имеет по крайней мере то преимущество, что она отводит одинаково важную роль обоим деревьям и делает весь рассказ простым, ясным и связным. Она избавляет от необходимости допущения двух оригинальных и различных преданий, которые затем будто бы были довольно грубо спаяны вместе каким-то неискусным редактором. Но гипотеза эта заслуживает предпочтения еще по другой, более серьезной причине. А именно она выставляет характер божества в гораздо более привлекательном виде: она снимает с него всякое подозрение в зависти и недоброжелательстве,

чтобы не сказать, в коварстве и трусости – подозрение, которое под влиянием рассказа в книге Бытие так долго оставалось темным пятном на его репутации. Ибо по точному смыслу этого рассказа бог не хотел дать в удел человеку ни познания, ни бессмертия и решил оставить эти прекрасные дары лишь для себя одного; он боялся того, что если человеку достанется одно из этих благ или оба сразу, то он станет равным своему создателю, чего бог ни в коем случае не мог допустить. Поэтому он запретил человеку вкушать от древа познания, а когда тот ослушался, бог выгнал его из рая и запретил вход туда, чтобы человек не мог отведать плодов другого дерева и достигнуть вечной жизни. Мотив был низкий, а образ действий неблагородный. Более того, тот и другой совершенно не вяжутся с предыдущим поведением божества, которое, будучи далеко от какого-либо чувства зависти к человеку, использовало раньше всего свое могущество, чтобы создать для человека самую счастливую и комфортабельную обстановку, устроило чудесный сад для его удовольствия, сотворило животных и птиц для забавы и женщину ему в жены. Как общему смыслу всего рассказа, так и благости создателя, несомненно, гораздо более соответствует то предположение, что бог намеревался увенчать свое милостивое отношение к человеку, одарив его бессмертием, и что это доброе намерение не было осуществлено исключительно благодаря коварству змея.

Остается ответить на вопрос: почему змей обманул чело-

века? Что побудило змея лишиться человечество того великого преимущества, которое создатель решил предоставить ему? Библейский рассказ не дает никакого ответа на этот вопрос. От своего обмана змей не извлек для себя никакой выгоды; напротив, он много потерял, ибо был проклят богом и осужден с тех пор ползать на чреве и лизать земной прах. Но, может быть, его поведение не было так злобно и бесцельно, как это кажется на первый взгляд. Ведь нам известно, что змей был самое хитрое животное на земле, а в таком случае можно ли допустить, будто он проявил свою проницательность в том, что погубил всю будущность человека без всякой пользы для себя самого? Мы вправе поэтому предположить, что в первоначальной версии легенды он вполне оправдал свою репутацию, присвоив себе то самое благо, которое отнял у человеческого рода, а именно, уговорив наших прародителей вкусить от древа смерти, он сам вкусил от древа жизни и таким образом обрел бессмертие. Такое предположение является не столь странным, как сразу может показаться. Мы знаем немало сказаний у диких народов о происхождении смерти (и я сейчас перейду к этим сказаниям), где змеи пытаются перехитрить или запугать человека, чтобы присвоить себе предназначенное ему в удел бессмертие. Ибо многие дикари верят в то, что, меняя ежегодно свою шкуру, змеи и другие животные тем самым омолаживаются и живут вечно. Такое поверие существовало, по-видимому, и у семитов, как об этом можно судить по словам древ-

него финикийского писателя Санчуниатона, который говорит, что змей – самое долговечное животное, так как меняет свою кожу и благодаря этому возвращает себе потерянную молодость. Но если финикийцы верили в долгую жизнь змея и причину, вызывающую ее, то соседний и родственный им народ – евреи могли предполагать то же самое. Как известно, евреи считали, что орлы линяют и по этой причине сохраняют свою молодость, а если так, то почему же змеи не могут делать того же? Действительно, мысль о том, что змей хитростью вырвал у человека бессмертие, овладев тем дарующим вечную жизнь растением, которое высшие силы предназначили для человеческого рода, встречается в знаменитой эпической поэме о Гильгамеше, одном из древнейших литературных памятников семитической расы, созданной намного раньше книги Бытие. В ней мы читаем о том, как богоподобный Утнапиштим открыл герою Гильгамешу существование такого растения, которое обладало чудесной способностью возвращать утерянную молодость и носило название «старый человек обретает молодость»; как Гильгамеш раздобыл это растение и радовался тому, что вкусит от него и к нему вернется его молодость; как прежде, чем он успел это сделать, змей украл волшебное растение, пока Гильгамеш купался в холодной воде ручья или источника, и как, наконец, потеряв надежду на бессмертие, Гильгамеш сел и заплакал⁵. Правда, здесь не говорится ничего о том, что змей отве-

⁵ Эпические сказания о Гильгамеше известны к настоящему времени во мно-

дал этого растения и таким образом обрел вечную жизнь, но подобный пропуск может быть объяснен плохим состоянием текста, неполного и неясного; и если даже поэт действительно умолчал об этом, то параллельные версии легенды, которые я буду в дальнейшем излагать, позволяют заполнить пропущенное с большой степенью вероятности. Эти параллельные предания дают основание полагать, хотя и не служат прямым доказательством, что в первоначальном варианте, переделанном и искаженном автором Яхвиста, змей был послан богом к человеку с радостной вестью о даруемом ему бессмертии и что лукавое животное извратило смысл послания к выгоде своего собственного биологического вида и на пагубу человечества. Дар речи, который оно использовало для столь дурной цели, оно получило на время как вестник, явившийся от бога к человеку.

Итак, если судить на основании сличения различных версий, существующих среди многих народов, первоначальная легенда о грехопадении человека представляется приблизительно в следующем виде. Благожелательный создатель, вылепив из глины первых мужчину и женщину и одарив их жизнью простым дуновением в рот и в нос, поместил счастливую чету в земном рае, где, свободные от забот и труда, они могли питаться вкусными плодами восхитительного са-

жестве текстов и в ряде редакций; из них более полные: шумерская, аккадская, вавилонская, ассирийская, хеттская, хурритская (см.: Эпос о Гильгамеше. М. - Л., 1961).-С. Т.

да и где звери и птицы безбоязненно резвились вокруг них. В виде проявления своей высшей милости бог хотел наградить наших прародителей великим даром бессмертия, но решил при этом сделать их самих вершителями своей судьбы и предоставить на их собственное усмотрение – принять либо отвергнуть предложенный дар. Для этой цели он посадил в середине сада два чудесных дерева, на которых росли плоды двух совершенно различных сортов: плоды одного дерева приносили смерть вкушившему от них, плоды другого – вечную жизнь. После этого он послал змея к мужчине и женщине, поручив передать им следующую весть: «Не ешьте ничего от дерева смерти, ибо в тот самый день, когда вы станете есть от него, вы непременно умрете; но ешьте от дерева жизни – и вы будете жить вечно». Но змей был самым хитрым животным на земле и по дороге решил извратить слова послания. И вот когда он пришел в Эдем и застал женщину одинокой, то сказал ей: «Бог так повелел: не ешьте ничего от дерева жизни, ибо в тот самый день, когда вы станете есть от него, вы непременно умрете; но ешьте от Древа смерти – и вы будете жить вечно». Глупая женщина поверила ему, стала сама есть роковые плоды и дала их есть мужу своему. Но коварный змей сам ел от дерева жизни. Вот почему с тех пор люди остаются смертными, а змеи – бессмертными: змеи меняют ежегодно свою шкуру и потому остаются молодыми. Если бы змей не извратил слова пославшего его и не обманул нашу праматерь, то вместо змея мы сами были бы бессмертны, по-

тому что мы стали бы, как змеи, ежегодно менять нашу кожу и таким образом наслаждались бы вечной молодостью.

Что именно такова, или приблизительно такова, была первоначальная форма легенды, подтверждается сравнением следующих преданий, которые по содержанию своему могут быть распределены по двум категориям: «легенды о ложной вести» и «легенды о сбрасываемой коже».

Легенда о ложной вести

Подобно многим другим дикарям, намакуа, или готтентоты, связывают фазы луны с идеей бессмертия, принимая видимый ущерб и нарастание светила за реальный процесс поочередного и непрерывно повторяющегося разрушения и восстановления, упадка и развития. Даже самый восход и заход луны представляется им как ее рождение и смерть. Они рассказывают, что в стародавние времена луна захотела послать человечеству весть о бессмертии и заяц вызвался служить вестником. И вот луна поручила ему отправиться к людям и объявить им: «Подобно тому как я умираю и вновь возрождаюсь к жизни, так и вы будете умирать и вновь возрождаться к жизни». Заяц явился к людям, но потому ли, что ему изменила память, или же по злему умыслу, но он извратил слова послания и сказал: «Подобно тому как я умираю и не возрождаюсь вновь к жизни, так и вы умрете и не возродитесь вновь к жизни». Когда заяц вернулся к луне, она спро-

сила его, что он передал людям; услышав, как он извратил ее слова, она так рассердилась, что бросила в него палкой, которая расщепила ему губу. Вот почему губа у зайца до сих пор остается расщепленной. А заяц убежал прочь и теперь еще продолжает бегать. Некоторые прибавляют еще, что прежде, чем убежать, он расцарапал лицо у луны, следы этих царапин можно видеть и сейчас в ясную лунную ночь. Но племя намакуа еще до настоящего времени не забыло своей злобы против зайца, из-за которого оно лишилось вечной жизни, и старые люди здесь зачастую говорят: «Мы все еще ненавидим зайца за ложную весть, которую он сообщил нам, и не хотим есть его мясо». Поэтому, когда молодой человек вступает в зрелый возраст, ему запрещается употреблять в пищу заячье мясо и даже пользоваться огнем, на котором оно варилось. Если кто-нибудь нарушает это правило, то его нередко изгоняют за это из деревни. Впрочем, после уплаты денежного штрафа он может вновь стать членом общины.

Аналогичный рассказ, с некоторыми незначительными вариациями, существует у бушменов. Луна когда-то сказала людям: «Подобно тому как я умираю и возвращаюсь к жизни, так и вы будете умирать и снова возрождаться». Однако нашелся человек, который не поверил в благую весть о бессмертии и к тому же не захотел держать язык за зубами. И когда умерла его мать, он стал ее громко оплакивать и ни за что не соглашался поверить, что она вновь оживет. Горячий спор произошел между ним и луной по поводу этого горест-

ного события. «Твоя мать заснула», – говорила луна. «Нет, она умерла», – возражал человек. Дальше – больше, и спор разгорелся до того, что луна наконец потеряла всякое терпение и ударила человека кулаком по лицу и рассекла ему губу. А потом прокляла его, говоря: «Его губа останется такой навсегда, даже после того как он станет зайцем, ибо он превратится в зайца и будет прыгать, как заяц, и возвращаться по своим следам. Собаки будут гнаться за ним и, поймавши его, будут раздирать на куски его тело. И он умрет раз и навсегда. Да и все люди, когда наступит их время умирать, будут умирать навеки. Ибо он не послушался меня, когда я запретила ему оплакивать его мать, сказав, что она возвратится к жизни. „Нет, – говорил он мне, – моя мать не вернется больше к жизни“. За это именно он и превратится на всю жизнь в зайца. А все прочие люди – они тоже умрут раз и навсегда за то, что он явно прекословил мне, когда я ему говорила, что люди после своей смерти будут, как и я, снова возрождаться к жизни». Так скептик получил справедливое возмездие за свое неверие: он был превращен в зайца и зайцем остался с тех пор навсегда. Но в бедре его еще сохранилась человеческая плоть; вот почему бушмены, убивая зайца, вырезают его бедро, чтобы не есть человеческого мяса. И теперь еще бушмены говорят: «Это заяц был причиной того, что луна прокляла нас и мы умираем навсегда. Если бы не заяц, то мы после нашей смерти возвращались бы снова к жизни. Но он не захотел поверить словам луны и стал явно прекосло-

вить ей». В этой бушменской версии легенды заяц выступает не в роли животного, посланного богом к людям в качестве вестника, а человека-скептика, который не поверил в благую весть о вечной жизни, был за это превращен в зайца и навлек проклятие смерти на весь человеческий род. Эта версия может быть признана более древней, нежели готтентотская, в которой заяц фигурирует лишь в роли зайца, и ничего более.

У племени нанди (в Восточной Африке) существует легенда, приписывающая причину смерти оскорбленному чувству собаки, которая принесла людям весть о бессмертии. В этом торжественном случае ей не было оказано должного внимания; это привело ее в столь сильное раздражение, что она обрекла человечество на смерть, которая и остается его уделом с тех пор. Вот что повествует легенда. Когда первые люди жили на земле, к ним явилась однажды собака и объявила: «Все люди будут умирать подобно луне, но, в отличие от луны, вы не будете вновь возвращаться к жизни, если не дадите мне выпить молока из вашей тыквенной чаши и пива через вашу соломинку. Если же дадите, то я сделаю так, что, когда человеку придет время умирать, он войдет в реку и на третий день вернется к жизни». Но люди посмеялись над собакой и дали ей пить молоко и пиво из ночного горшка. Собака рассердилась, что ее не попотчевали из той же посуды, из которой люди едят сами, и хотя поборолла свое самолюбие и выпила молоко, но, уходя, объявила с гневом: «Все люди будут умирать, одна лишь луна будет возвращаться к

жизни». Вот почему люди, умирая, исчезают, тогда как луна отлучается и через три дня возвращается назад. Если бы люди дали собаке испить молока из тыквенной чаши и пососать пиво через соломинку, то мы все, как луна, воскресали бы из мертвых через три дня. В этой легенде ничего не говорится о том, кто именно послал к людям собаку с вестью о вечной жизни, но, судя по тому, что вестник упоминает о луне, а также по аналогии с параллельной готтентотской легендой мы можем с достаточным основанием заключить, что поручение было дано собаке луной и что недобросовестное животное воспользовалось удобным случаем, чтобы извлечь для себя личную выгоду, на что оно, собственно говоря, не имело права.

В изложенных легендах везде фигурирует один-единственный вестник, обязанный исполнить важное поручение, и роковой результат приписывается его беспечности или злому умыслу. Но в некоторых других рассказах о происхождении смерти посылаются два вестника, и причиной смерти является медлительность или неправильный образ действий посланца, несшего радостную весть о бессмертии. В одной готтентотской легенде о происхождении смерти дело происходит следующим образом. Луна когда-то послала людям весть через некое насекомое, сказав ему: «Ступай к людям и объяви им: подобно тому как я умираю и после смерти оживаю вновь, так и вы будете умирать и оживать после смерти». Насекомое тронулось в путь с этой вестью, но так

как оно ползло медленно, то заяц поскакал за ним и, догнав его, спросил: «Какое поручение ты взялось исполнить?» На это насекомое ответило: «Меня послала луна к людям, чтобы объявить им, что, подобно тому как она умирает и после смерти оживает, и они будут умирать и оживать после смерти». Заяц сказал: «Ты неповоротливый гонец, дай я лучше побегу». И он помчался вперед с вестью, а насекомое медленно поплелось за ним. Явившись к людям, заяц извратил известие, которое услужливо взялся передать, и сказал: «Меня послала луна объявить вам ее слова: точно так же как я умираю и после смерти исчезаю, так и вы будете умирать, вашему существованию наступит полный конец». После этого заяц вернулся к луне и рассказал ей о том, что сообщил людям. Луна сильно рассердилась на зайца и стала укорять его, говоря: «Как же ты осмелился передать людям слова, которых я не говорила». Потом взяла палку и ударила его по губе. Вот отчего заяц до сих пор остается с расщепленной губой.

Такая же легенда с некоторыми несущественными изменениями распространена среди бушменов племени тати (или масарва), населяющих землю бечуанов в Южной Африке (Бечуаналенд), пустыню Калахари и отчасти Южную Родезию. Старые люди, говорят эти бушмены, передают такую историю. Луна пожелала послать гонца к людям, чтобы сообщить им, что точно так же, как она умирает и вновь возвращается к жизни, люди тоже будут умирать и вновь оживать. Подозвав черепаху, луна сказала ей: «Ступай к тем людям

и скажи им от моего имени следующее: точно так же, как я после смерти вновь оживаю, так и они после смерти будут вновь оживать». Но черепаха была очень неповоротлива и неустанно повторяла про себя слова поручения, боясь, как бы их не запамятовать. Между тем луну очень раздражала ее медлительность и забывчивость, и она призвала зайца и сказала ему: «Ты – резвый бегун, передай вон тем людям весть от меня: как я сама после смерти оживаю, так и они будут оживать после смерти». Заяц тут же помчался, но по своей чрезвычайной торопливости забыл переданное ему сообщение; однако, не желая признаться в этом луне, явился к людям и сообщил им весть в таком виде: «Я умираю и снова оживаю, а вы будете умирать навсегда». Вот какую весть передал людям заяц. Тем временем черепаха вспомнила поручение и опять пустилась в путь. «На этот раз, – подумала она про себя, – я уже не забуду». Явившись на место, где жили люди, она передала то, что ей было поручено. Услышав слова черепахи, люди чрезвычайно рассердились на зайца, который тут же в стороне жевал траву по заячьему обычаю. Кто-то из людей поднял камень и запустил им в зайца. Камень попал тому прямо в рот и рассек ему верхнюю губу, которая с тех пор осталась рассеченной навсегда. Вот почему у всех зайцев по сей день верхняя губа рассечена. Таков конец всей этой истории.

Предание о двух вестниках существует также и у негров Золотого Берега, причем в роли вестников выступают здесь

овца и коза. Предание это было рассказано туземцем одному швейцарскому миссионеру в Акропонге в следующем виде. Вначале, когда небо и земля уже существовали, но людей еще не было на земле, выпал сильный дождь, и вскоре после того, как он прекратился, с неба на землю спустилась большая цепь, на которой висело семь человек. То были люди, созданные богом, и при помощи цепи они сошли с неба на землю. Они принесли с собою огонь, на котором варили себе пищу. Вслед за тем бог послал с неба козу, чтобы передать этим семи людям следующую весть: «Существует нечто, называемое смертью; придет некогда день, когда она поразит вас одного за другим; хотя вы и умрете, однако не погибнете совершенно, а придете ко мне сюда, на небо». Коза пошла своей дорогой, но, находясь уже недалеко от людей, случайно набрела на куст, листья которого показались ей съедобными, и стала их ощипывать. Увидев, что коза замешкалась в пути, бог послал овцу передать людям ту же самую весть. Овца явилась к людям, но объявила им не то, что бог велел объявить, а, исказив его слова, сказала им: «Когда придет вам время умирать, то вы исчезнете и перестанете существовать». Потом пришла коза и сказала: «Бог говорит: вы умрете, но смерть не будет концом вашего существования, ибо вы придете ко мне». Но люди возразили: «Неправда, коза, бог не говорил тебе так, мы будем считать за правду то, что сказала овца». По другой версии этого предания, сохранившейся у племени ашанти, двумя вестниками являются те же

овца и коза, но искажение вести о бессмертии приписывается то одной из них, то другой. Ашанти говорят, что когда-то в незапамятные времена люди были счастливы, потому что бог жил среди них и разговаривал с ними лицом к лицу. Но этому блаженному времени не суждено было длиться вечно. В один злосчастный день несколько женщин толкли пестиками в ступе какие-то зерна для еды, а бог стоял тут же и смотрел на их работу. Почему-то присутствие бога надоело женщинам, и они предложили ему уйти, а так как он не спешил уходить, как им хотелось, то они стали бить его своими пестиками. Тогда разгневанный бог ушел совсем из мира, предоставив идолам управлять им. И вот до сих пор еще народ говорит: «Ах, кабы не та старая баба, как бы мы были счастливы!» Однако бог был очень добродушен и даже, уйдя к себе наверх, послал людям на землю милостивую весть через козу, велев ей передать им: «Существует нечто, так называемая смерть; она убьет вас одного за другим, но и после смерти вы не погибнете совершенно, а придете ко мне на небо». Тотчас же коза ушла с этой радостной вестью. Но, не дойдя до города, она заметила на краю дороги соблазнительный куст, остановилась и стала ошипывать листья. Когда бог с неба увидел такую беспечность козы, то послал овцу с тем же самым поручением передать людям благую весть без малейшего замедления. Но овца переврала его слова и сказала: «Бог шлет вам такую весть: вы умрете, смерть будет вашим концом». Коза между тем наелась досыта и тоже побежала

в город, где исполнила свое поручение, сказав людям: «Бог шлет вам такую весть: хотя вы и умрете, но смерть не будет вашим концом, вы вернетесь к богу». Однако люди сказали козе: «Нет, коза, бог не так сказал; и мы верим, что овца правильно передала нам поручение бога». Вот какое печальное недоразумение послужило причиной людской смерти. Но есть у племени ашанти и другая версия этой легенды, где роли между овцой и козой распределены в обратном порядке: овца приносит людям от бога весть о бессмертии, но коза опередила ее и возвестила людям смерть. Люди в своей первобытной невинности приняли известие с восторгом, не зная, что такое смерть, и они, конечно, стали смертными с тех пор навсегда.

Во всех предыдущих версиях легенды мы имеем дело с посланием бога к людям, но в версии, которая распространена в бывшей немецкой колонии Того, в Западной Африке, рассказывается о послании людей к богу. Люди некогда отправили к богу собаку с поручением сообщить ему, что они хотели бы после смерти снова вернуться к жизни. Собака тотчас же побежала передать поручение. Но в дороге она проголодалась и зашла в дом, где человек варил какое-то снадобье. Собака присела, подумав про себя: «Наверное, он готовит себе пищу». Тем временем лягушка отправилась к богу, чтобы сказать ему, что люди предпочитают не возвращаться к жизни после смерти. Никто не давал ей подобного поручения; это была с ее стороны только дерзость и назой-

ливость; но она все же побежала во всю прыть. Собака, которая все еще сидела и с вожделением смотрела на колдовское варево, заметила лягушку, прошмыгнувшую мимо двери, но решила, что, подкрепившись пищей, еще успеет догнать ее. Однако лягушка пришла первая и сказала богу: «Люди предпочли бы не возвращаться к жизни после смерти». Вслед за ней является собака и говорит: «Люди хотели бы после смерти вновь возрождаться к жизни». Бог, естественно, растерялся и обратился к собаке: «Я, право, не понимаю, что значат эти два известия; но так как лягушка заявила свою просьбу раньше тебя, то я поступлю по ее желанию, а не по твоему». Вот причина того, что люди умирают и не возрождаются более к жизни. Если бы лягушка думала только о себе самой и не стала бы вмешиваться в чужие дела, то все люди после смерти оживали бы до сих пор. Лягушки же умирают на все сухое время года, когда дует жаркий гарматтан, и оживают при первом громе, с наступлением дождливого сезона. Именно тогда, когда с неба падает дождь и гремит гром, можно услышать лягушечье кваканье в болотах. Итак, мы видим, что лягушка имела в виду свой собственный интерес, когда искажила смысл данного ей поручения. Она лишила человеческий род бессмертия, которое обрела для себя самой.

В этих преданиях причина смерти приписывается ошибке либо преднамеренному обману одного из двух посланцев. Но по смыслу другой версии того же предания, широко рас-

пространенной среди племен банту в Африке, смерть появилась на земле не по вине посланного, а вследствие колебания самого божества, которое, предположив сперва дать людям бессмертие, изменило потом свое намерение и решило сделать или оставить их смертными; причем, на горе человеческого рода, второй посланец, отнесший весть о смерти, обогнал первого, которому было поручено возвестить о вечной жизни. В этой версии легенды хамелеон играет роль вестника жизни, а ящерица – вестника смерти. Так, зулусы рассказывают, что в начале веков Ункулункулу, т. е. «некий старый-престарый», послал к людям хамелеона с поручением, сказав ему: «Ступай, хамелеон, ступай и скажи: пусть люди не умирают». Хамелеон пошел, но полз очень медленно и лакомился по дороге тутовыми ягодами или другими плодами куста *ubukwebezane*, а по словам других, он взобрался на дерево, чтобы погреться на солнце, набил себе там брюхо мухами и тотчас же крепко заснул. Тем временем «старый-престарый» передумал и послал к людям ящерицу вдогонку за хамелеоном с срочным и совершенно противоположным известием, приказав животному: «Как только ты, ящерица, придешь на место, скажи: пускай люди умирают». И ящерица побежала, обогнала ротозея-хамелеона и, явившись первой к людям, передала им весть о смерти: «Пускай люди умирают», затем повернулась и возвратилась к пославшему ее божеству. Но вслед за нею хамелеон наконец явился к людям с радостной вестью о вечной жизни и воскликнул:

«Сказано вам: пускай люди не умирают». Но люди возразили: «О, мы слышали слова ящерицы; она объявила: сказано вам, пускай люди умирают; мы не верим твоим словам, а верим ящерице, что люди будут умирать». И с тех самых пор до настоящего дня люди все время умирают. Поэтому-то зулусы терпеть не могут ящерицу и при всяком удобном случае убивают ее. Они говорят про нее: «Вот эта самая уродина прибежала в начале веков объявить нам, что люди будут умирать». Другие же ненавидят и отталкивают либо убивают хамелеона, говоря: «Вот она, эта мерзкая тварь, которая не успела объявить людям, что они не будут умирать; скажи она нам это вовремя, мы тоже не умирали бы, наши предки также жили бы еще с нами, не было бы никаких болезней здесь, на земле; все это произошло из-за медлительности хамелеона».

Ту же самую легенду почти в том же виде рассказывают другие племена банту, такие, как, например, бечуаны, басуто, баронга, нгони и, по-видимому, еще ва-сена в Восточной Тропической Африке. Ее же мы находим в несколько измененном виде даже среди племени хауса, которое не принадлежит к группе племен банту. До сих пор баронга и нгони ненавидят хамелеона за то, что он своей медлительностью принес людям смерть. Поэтому когда они замечают хамелеона, медленно ползущего по дереву, то начинают дразнить его до тех пор, пока он не откроет свой рот, и тогда они бросают ему на язык щепотку табаку и с удовольствием смотрят, как животное корчится в муках и меняет свой цвет от оранже-

вого до зеленого и от зеленого до черного, пока не погибает. Так они мстят хамелеону за то великое зло, которое он причинил человечеству.

Таким образом, в Африке широко распространено поверье, что бог некогда предполагал даровать людям бессмертие, но что это доброе намерение его не увенчалось успехом по вине вестника, которому бог поручил передать людям благую весть.

Легенда о сбрасываемой коже

Многие дикари верят, что благодаря своей способности периодически сбрасывать кожу некоторые животные, в особенности змеи, возвращают себе молодость и никогда не умирают. Пытаясь обосновать свое поверье, они рассказывают разные легенды, объясняющие, почему именно эти животные обладают даром бессмертия, а человек лишен такового.

Так, например, племена вафипа и вабенде (в Восточной Африке) утверждают, что однажды бог, которого они называют Леза, спустился на землю и, обратившись ко всем живым существам, спросил: «Кто из вас не хочет умирать?» К несчастью, человек и другие животные в это время спали: один только змей бодрствовал и тотчас же откликнулся: «Я». Поэтому-то люди и другие животные умирают; лишь змеи одни не умирают своею смертью, а умирают только тогда, ко-

гда их убивают. Ежегодно они меняют свою кожу и благодаря этому восстанавливают свою молодость и силу. Подобным же образом дусуны (в северной части Борнео) рассказывают, что создатель после сотворения мира спросил: «Кто из вас умеет сбрасывать с себя кожу? Тот, кто умеет это делать, не будет умирать». Один лишь змей услышал голос бога и ответил: «Я умею». По этой причине змей до сего дня не умирает, разве только человек его убьет. Дусуны не расслышали вопроса создателя, иначе они также стали бы сбрасывать свою кожу, и не было бы смерти среди них. Точно так же у племени тод-жо-тораджа (в центральной части Целебеса) существует предание, что некогда бог создал людей и животных для того, чтобы определить их судьбу. Среди различных предложений, сделанных божеством, было и такое: «Мы будем снимать с себя нашу старую кожу». К несчастью, человечество на этом важном собрании было представлено одной выжившей из ума старухой, которая не расслышала слов божества. Но животные, сбрасывающие свою кожу, такие, как, например, змеи и креветки, услышали и согласились. Туземцы острова Ваутом, принадлежащего к архипелагу Бисмарка, передают, что некое божество по имени То-Конокономиндже приказало Двум юношам принести огонь, обещая им в награду бессмертие и предупредив, что в случае отказа тела их погибнут, но тени или души сохранятся. Однако юноши не послушались, и божество прокляло их, сказав: «Как! Ведь вы сохранили бы жизнь, а теперь вы умрете, хотя ду-

ши ваши останутся жить. Зато игуана (*Goniocephalus*), ящерица (*Varanus indicus*) и змея (*Enygrus*) будут жить; они будут сбрасывать свою кожу и жить вечной жизнью». Услышав эти слова, юноши заплакали, ибо горько раскаялись в своем безумии, послушавшись приказания принести огонь для божества.

Араваки (в Британской Гвиане) передают, что создатель некогда сошел с неба на землю, чтобы посмотреть, каково живется его творению – человеку, но люди оказались настолько злыми, что пытались убить его. Тогда он лишил их вечной жизни, предоставив таковую животным, меняющим свою кожу, – змеям, ящерицам и жукам. Другая, несколько измененная версия этой легенды существует у племени таманак, живущего на реке Ориноко. Создатель, прожив некоторое время среди этого племени, сел в лодку, чтобы переправиться на другой берег великой соленой воды, из-за которой он прибыл; отталкиваясь от берега, он крикнул народу громко, измененным голосом: «Вы будете менять свою кожу», что, по его мысли, означало: «Вы будете возвращать себе молодость подобно змеям и жукам». Но, к несчастью, какая-то старуха, услышав эти слова, тоном не то сомнения, не то насмешки воскликнула: «О, вот как!» Тогда раздосадованный этим восклицанием создатель сердито произнес: «Вы будете умирать». Вот почему мы все стали смертными.

Туземцы острова Ниас, лежащего к западу от Суматры, рассказывают, что после сотворения земли на нее спустилось

с неба некое существо, чтобы довершить творение. Небожителю полагалось поститься, но, испытывая муки голода, он съел несколько бананов, и выбор именно этой пищи оказался роковым: если бы он стал есть крабов, то люди меняли бы свою кожу, подобно крабам, и, восстанавливая таким образом свою молодость из года в год, жили бы вечной жизнью; но так как он избрал бананы, то все мы подвержены смерти. Другая версия этой ниасской легенды прибавляет к этому, что змеи, «напротив, питаются крабами, которые, по мнению ниасского населения, сбрасывают кожу, но никогда не умирают; оттого и змеи не умирают, а только меняют свою кожу».

По этой последней версии бессмертие змей объясняется тем, что они питаются крабами, которые, линяя, возвращают себе молодость и потому живут вечно. Такое поверье о бессмертии ракообразных мы находим у туземцев островов Самоа, имеющих свою легенду о происхождении смерти. По их словам, боги собрались для совещания о том, какая участь должна быть уготована человеку. Было сделано предложение, чтобы люди меняли свою кожу, подобно ракообразным, и таким образом постоянно возвращали себе молодость. Со своей стороны, бог Пальси предложил другое: ракообразные будут сбрасывать кожу, а люди будут умирать. Но в то время, когда собрание обсуждало это предложение, на беду человеческого рода, разразился ливень; совещание было прервано, и спеша укрыться от дождя, боги приняли единогласно

предложение Пальси. Вот откуда произошло то, что ракообразные линяют, а люди умирают.

Таким образом, есть немало племен, представляющих себе, что завидный дар бессмертия, достигаемого путем периодического сбрасывания кожи, был некогда доступен человеческому роду, но по несчастливой случайности дар этот перешел к некоторым низшим созданиям, таким, как змеи, крабы, ящерицы и жуки. По мнению других, люди некогда уже обладали этим бесценным даром, но лишились его из-за глупости одной старой женщины. Так, меланезийские племена островов Банкс и Новые Гебриды рассказывают, что вначале люди никогда не умирали, но, достигнув преклонных лет, сбрасывали свою кожу, как змеи и крабы, и снова становились молодыми. По прошествии некоторого времени одна женщина, состарившись, пошла к реке, чтобы сбросить свою кожу. По словам некоторых, это была мать мифического или легендарного героя Ката, по словам других, это была Уль-тамарама, «обновительница мира». Она сбросила свою старую кожу в воду и заметила, что кожа, унесенная течением, зацепилась и повисла на сучке. После этого женщина вернулась домой, где оставила своего ребенка. Но ребенок не узнал ее, заплакал и все твердил, что его мать – старуха, совсем непохожая на эту молодую и чужую женщину. Тогда мать, чтобы успокоить ребенка, пошла за своей старой кожей и надела ее. И с этих самых пор люди перестали сбрасывать свою кожу и стали умирать. Аналогичное предание о происхож-

дении смерти существует на Шортлендских островах и у папуасского племени каи в северо-восточной части Новой Гвинеи. Каи рассказывают, что первоначально люди не умирали, а возвращались к молодости. Когда их кожа становилась сморщенной и безобразной, они входили в реку, сдирали с себя старую кожу и выходили из воды в новой, молодой и белой коже. В то время жила на свете некая старуха со своим внуком. Тяготясь своим преклонным возрастом, старуха однажды выкупалась в реке, стряхнула с себя свою старую, дряблую кожу и вернулась в деревню в прекрасной, новой коже, молодая и свежая. В таком преображенном виде она поднялась по лестнице и вошла в свой дом. Но когда внук ее увидел, то стал плакать, кричать и ни за что не хотел поверить, что видит перед собою свою бабушку, и так как никакими средствами нельзя было его успокоить, то раздосадованная женщина вернулась наконец к реке, достала из воды свою старую, безобразную кожу и пришла вновь домой прежней отвратительной ведьмой. Ребенок очень обрадовался ей, но она сказала ему: «Саранча меняет свою кожу, а вот вы, люди, отныне будете умирать». И действительно, так с тех пор и бывает. Ту же легенду, но с некоторыми незначительными вариациями передают туземцы островов Адмиралтейства. Жила-была некогда женщина, старая, дряхлая, с двумя сыновьями. Однажды сыновья вышли из дома ловить рыбу, а старуха пошла купаться. Она сбросила с себя ветхую сморщенную кожу и вышла из воды такой же молодой, какой была

в прежние времена. Сыновья, вернувшись с рыбной ловли и увидя ее, были крайне изумлены. Один из них сказал: «Это наша мать», а другой сказал: «Возможно, что она твоя мать, а мне она будет женой». Мать подслушала этот разговор и спросила: «О чем вы между собою говорили?» Сыновья ответили: «Ни о чем, мы только сказали, что ты – наша мать». Но мать возразила: «Вы лжете, я слышала ваш разговор; если бы вы не помешали мне, то все мы, мужчины и женщины, жили бы до старости, а затем сбрасывали бы с себя кожу и становились бы снова молодыми; но вы помешали мне, потому мы все состаримся и потом умрем». И с этими словами она схватила свою старую кожу, надела ее на себя и вновь превратилась в старуху. А мы, ее потомки, чем больше живем, тем больше стареем, но если бы не те два бездельника, то не было бы конца нашему существованию, мы жили бы вечной жизнью.

Далеко от Банксовых островов у горного племени току-лави в центральной части острова Целебес мы находим ту же, весьма распространенную легенду. По словам голландских миссионеров, целебесская версия такова. В стародавние времена люди, подобно змеям и креветкам, обладали способностью менять кожу, благодаря чему становились вновь молодыми. Жила тогда старуха со своим внуком. Однажды она пошла к реке купаться и, выкупавшись, сняла с себя свою старую кожу и повесила ее на дерево. Но когда она вернулась домой совершенно молодой, то внук не узнал ее и, не желая

иметь с ней никакого дела, твердил все одно и то же: «Ты не моя бабушка, моя бабушка старая, а ты молодая». Тогда женщина вернулась к реке и вновь надела на себя свою старую кожу. С тех пор люди потеряли способность молодеть и обречены на смерть.

Итак, одни народы считают, что в стародавние времена люди были бессмертны благодаря периодической смене своей кожи; другие объясняют этот счастливый дар влиянием луны, вследствие которого человечество беспрерывно проходит через одни и те же регулярно чередующиеся стадии развития и упадка, жизни и смерти. Согласно этому воззрению, очень скоро после смерти наступало воскресение, обыкновенно спустя три дня, в соответствии с трехдневным сроком, протекающим между исчезновением старой луны и появлением новой. Так, ментра, или мантра, племя нелюдимых дикарей в джунглях Малайского полуострова, утверждают, что в первые века существования мира люди не умирали, а только худели с началом ущерба луны и затем по мере приближения к полнолунию полнели. Таким образом, ничто не задерживало роста народонаселения, и человечество размножилось до угрожающих размеров. Тогда сын первого на земле человека обратил внимание своего отца на такое положение вещей и спросил, что делать. Но первый человек, будучи существом весьма добродушным, ответил: «Пускай все останется по-старому». Однако его младший брат, относившийся к вопросу с более мальтузианской точки зрения,

сказал: «Нет, пусть люди умирают, но пусть они, подобно бананам, оставляют отпрыск на земле». Вопрос был оставлен на усмотрение властителя подземного мира и разрешен в пользу смерти. С тех пор люди не возвращаются больше к молодости, подобно луне, а умирают совершенно так же, как бананы. На Каролинских островах существует предание, что некогда люди не знали смерти или, точнее, смерть была лишь кратким сном. Люди умирали вместе с исчезновением луны и возрождались к жизни с новым появлением ее, как бы просыпаясь после освежающего сна. Но некий злой гений сумел как-то превратить этот легкий сон в непробудный сон смерти. У племени вотьобалук (в Юго-Восточной Австралии) существует поверье, что в давние времена, когда все животные были мужчинами и женщинами ⁶, некоторые из них умирали, но луна обращалась к умершим с призывом: «Вставайте!» – и они вновь оживали. И вот однажды какой-то старик изрек: «Пусть они остаются мертвыми». С тех пор никто из них не возвращается больше к жизни, одна лишь луна продолжает возрождаться и в наше время. Унматчера и кайтиш, два племени в Центральной Австралии, рассказывают, что у них был некогда обычай хоронить мертвецов в дуплах де-

⁶ Легенда эта является отражением первобытной формы религиозного мышления – поклонения животным (так называемая зоолатрия): различие между человеком и животным – только кажущееся; облик животного – только видимая оболочка, под которой скрывается настоящий человек. На стадии этого культа все объекты и явления природы представлялись человеку антропоморфными существами в образе животных. – *Прим. пер.*

ревьев или закапывать их в землю и что через три дня покойники неизменно оживали. Конец этому счастливому времени, по словам племени кайтиш, наступил по вине одного человека тотема «кулик» ⁷, который набрел на нескольких человек тотема «маленький кенгуру», хоронивших своего сородича. Неизвестно почему человек рода «кулик» рассердился и столкнул труп в море. Конечно, после этого покойник уже не мог вновь обрести жизнь, и вот почему с тех пор ни один человек уже не может восстать из мертвых по прошествии трех дней, как это бывало когда-то. Хотя в этом рассказе о происхождении смерти ничего не говорится о луне, но по аналогии с вышеизложенными легендами можно заключить, что три дня, в течение которых мертвый был погребен, составляют именно то время, когда месяц покоился «скрытый в своей пустой межлунной пещере». Туземцы островов Фиджи также связывают возможность бессмертия, если не действительное бессмертие человека, с фазами луны. По их словам, два божества, луна и крыса, некогда заспорили о подобающей человеку участи. Луна говорила: «Пусть он существует, как я, которая исчезает на время, потом опять оживает». А крыса говорила: «Пусть человек умирает так же,

⁷ Тотем – класс (а не особь) объектов или явлений природы, которому первобытная социальная группа людей, род, племя, иногда отдельный человек оказывают специальное поклонение, с которым считают себя родственно связанным и по имени которого себя называют. В качестве тотема чаще всего встречаются животные и растения, но также и ветер, солнце, дождь, гром, вода и т. п. – *Прим. пер.*

как умирает крыса». И крыса победила в споре.

Племя упото, живущее в Конго, хранит легенду о том, как луна обрела дар бессмертия, а люди лишились его. Однажды бог, который на языке этого племени называется Либанза, призвал к себе население земли и луну. Луна немедленно поспешила явиться к божеству и получила награду за свое рвение. «За то, – сказал бог, обращаясь к ней, – что ты сейчас же явилась ко мне по зову моему, ты никогда не умрешь; ты будешь умирать только на два дня в месяц, и то для того лишь, чтобы отдохнуть и потом засиять ярче прежнего». Но когда население земли явилось наконец к Либанзе, он сказал ему в гневе: «За то, что вы не сразу явились ко мне по моему призыву, вы умрете, когда наступит ваш день, и не вернетесь больше к жизни, а придете ко мне».

Племя банар (в Восточной Кохинхине) объясняет бессмертие первобытных людей не фазами луны и не обычаем сбрасывания кожи, а, по-видимому, животворной силой некоего дерева.

Первоначально людей после смерти хоронили под деревом, носившим название лонг-бло, и через некоторое время покойники всегда воскресали, притом не младенцами, а взрослыми людьми. Поэтому земля была очень густо населена и представляла собою один огромный сплошной город, управляемый нашими прародителями. Со временем люди до того размножились, что какая-то ящерица не могла свободно ползти по земле без того, чтобы какой-нибудь человек не

наступил ей на хвост. Это выводило ее из терпения, и злобное животное подало могильщикам коварный совет: «Зачем вы хороните мертвецов под деревом лонг-бло? — сказала она им. — Хороните их лучше под деревом лонг-хунг, и они не будут оживать, пусть они умирают навсегда и делу конец». Совет был принят, и с тех пор люди после смерти не возвращаются больше к жизни.

В этой последней легенде, как и во многих африканских легендах, виновником человеческой смерти является ящерица. Почему столь неприглядная роль приписана именно ящерице? Причину надо искать, по-видимому, в том факте, что это животное, так же как и змея, сбрасывает периодически кожу; из этого примитивный человек делал заключение, что ящерица, как и змея, возвращает себе молодость и живет вечно. Таким образом, все мифы, в которых рассказывается о том, как ящерица или змея стали виновниками человеческой смерти, быть может, сводятся к древнему представлению о зависти, которую испытывали люди к существам, меняющим свою кожу, в особенности к змеям и ящерицам. Можно предположить, что в основе всех этих мифов лежит спор между человеком и животными за обладание бессмертием, спор, в котором вследствие обмана или ошибки победа досталась животным, успевшим обрести вечную жизнь, тогда как человек был обречен на смерть.

Легенды, объединяющие оба мотива

Некоторые легенды о происхождении смерти содержат в себе оба мотива – извращенного известия и сбрасывания кожи. Так, племя галла (в Восточной Африке) приписывает смерть человека и бессмертие змей ошибке или злему умыслу некой птицы, которая искадила порученную ей богом весть о вечной жизни. Эта роковая для всего рода человеческого птица – черного или темно-синего цвета, с хохлом на голове и с одним белым пятном на каждом крыле. Она садится на верхушки деревьев и издает жалобный крик наподобие бляения овцы; галла называют ее поэтому holawaka, т. е. «божья овечка», и объясняют ее тоску следующей легендой. Однажды бог послал эту птицу объявить людям, что они не будут умирать и, становясь старыми и слабыми, будут сбрасывать с себя свою кожу и таким образом возвращать молодость. В подтверждение своего поручения бог дал птице хохолок как знак ее высокого назначения. И вот птица улетела, чтобы передать человеку радостную весть о бессмертии; но не успела отлететь, как встретила змею, которая ела пададь на дороге. Птица жадно посмотрела на пададь и сказала змее: «Дай мне немного мяса и крови, и я расскажу тебе о послании бога». – «Мне нет никакой надобности знать об этом», – ответила сердито змея, продолжая есть. Но птица так настаивала, что змея наконец довольно

неохотно согласилась. Тогда птица сказала: «Вот в чем состоит послание: люди, состарившись, будут умирать, а вы, змеи, состарившись, будете сбрасывать свою кожу и вновь молодеть». Вот почему люди, достигнув старости, умирают, змеи же выползают из своей старой кожи и становятся молодыми. А нерадивую или злонамеренную птицу за грубое искажение данного ей поручения бог наказал мучительной болезнью, от которой она страдает и поныне; поэтому-то она и кричит так жалобно на верхушках деревьев. Меланезийцы, живущие по берегам полуострова Газель на Новой Британии, рассказывают, что добрый дух То-Камбинана любил людей и хотел сделать их бессмертными. Поэтому он позвал своего брата То-Корвуу и сказал ему: «Ступай к людям и открой им тайну бессмертия; вели им сбрасывать ежегодно свою кожу; таким путем они будут ограждены от смерти, жизнь их будет постоянно возобновляться; а змеям скажи, что они отныне должны умирать». Но То-Корвуу плохо исполнил поручение, ибо приказал людям умирать, а змеям передал секрет вечной жизни. С этого времени все люди стали смертными, а змеи стали ежегодно сбрасывать с себя кожу и никогда не умирают. Подобная же легенда о происхождении смерти существует в Аннаме. Некий Нгок-Хоанг послал с неба вестника к людям сообщить им, чтобы они, когда состарятся, меняли кожу, после чего будут жить вечно, а змеям объявить, что, состарившись, они будут умирать. Вестник явился на землю и объявил довольно правильно: «Когда че-

ловек становится старым, он должен сбрасывать свою кожу, но, когда змеи становятся старыми, они должны умереть и быть положены в гроб». Все шло благополучно, но, к несчастью, случилось так, что поблизости оказался выводок змей, и когда они услышали произнесенный над их родом приговор, то пришли в бешенство и сказали вестнику: «Ты должен повторить эти слова наоборот, не то мы тебя укусим». И испуганный вестник сказал: «Когда змея состарится, она будет сбрасывать свою кожу; когда же человек состарится, он умрет и будет положен в гроб». Вот почему ныне все создания подвержены смерти, одна лишь змея, доживши до старости, сбрасывает свою кожу и живет вечно.

Заключение

Итак, исходя из аналогии с луной или с линяющими животными, первобытный философ пришел к заключению, что первоначально некое благожелательное существо предназначило в удел человеческому роду вечную юность, что человек даже действительно наслаждался таковой и что, если бы не какое-то преступление, несчастье или просто ошибка, человек никогда бы не расстался с этим счастливым даром. Люди, которые связывают свою веру в бессмертие со сменой кожи у змей, ящериц, жуков и прочих животных, естественно, смотрят на них как на своих ненавистных соперников, лишивших человечество великого блага, предоставленного ему

богом или природой. Отсюда легенды о том, как могло случиться, что столь несовершенные создания сумели отнять у нас этот бесценный дар. Подобные легенды широко распространены по всему миру, и было бы удивительно не встретить их среди семитов. Предание о грехопадении человека в III главе книги Бытие есть, по-видимому, сокращенная версия мифа дикарей. Лишь немного не хватает для довершения сходства библейского предания с аналогичными мифами, встречающимися у дикарей во многих местах земного шара. Главный, почти единственный пробел – это умолчание библейского автора о том, что змея вкусила плоды от древа жизни и что следствием этого для нее явилось бессмертие. Нетрудно объяснить причину такого пробела. Рационализм, характерный для всего еврейского рассказа о сотворении мира, лишил вавилонскую традицию ее гротесковых черт – и тех, что украшали, и тех, что уродовали ее, – и, конечно, не мог согласиться с утверждением о якобы бессмертии змей; редактор окончательного варианта этого рассказа решил избавиться от такой обидной для верующего подробности, просто стерев в легенде все места, связанные с ней. Однако зияющий пробел, который остался после его правки, не ускользнул от внимания комментаторов, безуспешно пытающихся понять ту роль, которая отводилась в этом рассказе древу жизни. Если я не ошибся в своей интерпретации этой легенды, значит, благодаря сравнительному методу тысячелетия спустя удалось отреставрировать древний холст,

восстановив во всей примитивной грубости те варварски-яркие краски рисунка, которые были смягчены или стерты искусной рукой еврейского художника.

Глава III. «КАИНОВА ПЕЧАТЬ»

В книге Бытие мы читаем, что Каину после убийства своего брата Авеля было запрещено общаться с людьми. Это обрекало его на жизнь изгнанника и скитальца. Боясь, что всякий встречный может отныне убить его, Каин стал жаловаться богу на свою горькую судьбу; и, сжавившись над ним, «сделал господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его». Что же это за знак или клеймо, которым бог отметил первого убийцу?

Весьма вероятно, что здесь мы имеем дело с каким-то пережитком древнего обычая, соблюдаемого убийцами; хотя мы не имеем возможности установить положительно, в чем именно состоял этот знак или клеймо, но сравнение с обычаями, соблюдаемыми человекоубийцами в других местах земного шара, поможет нам понять по крайней мере общее

значение этого знака. Робертсон-Смит ⁸ высказал предположение, что знак этот не что иное, как племенной отличительный признак или примета, которую каждый член племени имел на своем теле; эта примета служила ему средством защиты, свидетельствуя о принадлежности его к той или иной общине, могущей в случае надобности отомстить за его убийство.

Достоверно известно, что подобные отличительные знаки практикуются среди народов, сохранивших племенную организацию. Например, у бедуинов одним из главных племенных признаков служит особая прическа. Во многих местах земного шара, особенно в Африке, знаком племени является рисунок на теле человека, сделанный путем татуировки. Вполне вероятно, что подобные знаки действительно служат средством защиты для человека того или иного племени, как думает Робертсон-Смит, хотя, с другой стороны, следует иметь в виду, что они могут оказаться и опасными для человека, живущего во враждебной стране, поскольку облегчают возможность распознать в нем врага. Но если мы даже и согласимся с Робертсоном-Смитом в вопросе о предохранительном значении племенного знака, едва ли подобное объяснение приложимо к данному случаю, т. е. к «Каиновой печати». Объяснение это имеет слишком общий характер, ибо

⁸ Робертсон-Смит Уильям (1846 – 1894) – английский ориенталист, занимавшийся вопросами религии семитов, ближайший друг и учитель Фрэзера. – *Прим. пер.*

относится к каждому человеку того или иного племени, нуждающемуся в защите, а не к одному лишь убийце. Весь смысл библейского рассказа заставляет нас думать, что знак, о котором идет речь, не был присвоен каждому члену общины, а составлял исключительную особенность убийцы. А потому мы вынуждены искать объяснения в другом направлении.

Из самого рассказа мы усматриваем, что Каина подстерегала не только опасность быть убитым любым встречным. Бог говорит Каину: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Очевидно, что здесь кровь убитого брата рассматривается как нечто представляющее реальную опасность для убийцы; она оскверняет землю и не дает ей родить. Получается, что убийца отравил источник жизни и тем самым создал опасность лишиться питания и себя, и, возможно, других. Отсюда понятно, что убийца должен быть изгнан из своей страны, для которой его присутствие составляет постоянную угрозу. Убийца – человек зачумленный, окруженный ядовитой атмосферой, зараженный дыханием смерти; одно лишь прикосновение его губит землю. Такой взгляд на убийцу дает ключ к пониманию известного закона древней Аттики. Убийца, подвергнутый изгнанию, против которого в его отсутствие было возбуждено новое обвинение, имел пра-

во вернуться в Аттику для защиты, но не мог ступить ногой на землю, а должен был говорить с корабля, даже кораблю нельзя было бросить якорь или спустить трап на берег. Судьи избегали всякого соприкосновения с обвиняемым и разбирали дело, оставаясь на берегу. Ясно, что закон имел в виду совершенно изолировать убийцу, который одним лишь прикосновением к земле Аттики, хотя бы и косвенным, через якорь или трап, мог причинить ей порчу. По той же самой причине существовало правило, что если такой человек после кораблекрушения был выброшен морем на берег той страны, где он совершил преступление, то ему разрешалось оставаться на берегу, пока не подоспеет на помощь другой корабль. Но от него требовалось держать все время ноги в морской воде, – очевидно, чтобы исключить или ослабить проникновение яда в землю, который, как считалось, исходит от человекоубийцы.

Явление, вполне аналогичное карантину, установленному для убийц законом древней Аттики, представляет собой практикуемая в настоящее время изоляция убийц у дикарей острова Добу, расположенного у юго-восточной оконечности Новой Гвинеи. Вот что пишет об этом миссионер, проживший на этом острове семнадцать лет. «Война с родственниками жены допускается, но нельзя поедать тела убитых. Человек, убивший родственника своей жены, никогда впредь не может есть какую бы то ни было пищу или плоды из деревни своей жены. Только жена его может варить ему пищу.

Если у нее потух огонь, то ей не позволено брать головню из какого-нибудь дома в ее деревне. За нарушение этого табу мужа ожидает смерть от отравления. Убийство кровного родственника налагает на убийцу еще более строгое табу. Когда вождь Гагануморе убил своего двоюродного брата, ему было запрещено вернуться в свою деревню, он был вынужден построить новую. Он должен был завести себе отдельную тыквенную бутылку и лопаточку, а также особую бутылку для воды, чашку и горшки для варки пищи; кокосовые орехи и фрукты он должен был добывать для себя сам; свой огонь ему приходилось поддерживать как можно дольше, когда огонь потухал, он не мог зажечь его от чужого огня, а должен был вновь добывать его трением. Если бы вождь нарушил это табу, кровь брата отравила бы его собственную кровь, тело распухло бы, он умер бы мучительной смертью».

Наблюдения, сделанные на острове Добу, показывают, что кровь убитого человека, по поверью туземцев, действовала как настоящий яд на убийцу, если он решался войти в деревню своей жертвы или хотя бы косвенно связаться с ней. Его изоляция имела, стало быть, значение предохранительной меры скорее в отношении его самого, чем относительно избегаемой им общины; возможно, что такая же мысль лежала и в основе вышеприведенного закона Аттики. Однако представляется более вероятным, что здесь предполагалась взаимная опасность, т. е., иначе говоря, как убийца, так и люди, с которыми он вступал в сношения, подвергались

опасности заражения отравленной кровью. Идея о том, что убийца может заразить других людей болезнетворным вирусом, существует, несомненно, у племени акикуйю в Восточной Африке. Люди этого племени верят, что если убийца приходит ночевать в какую-нибудь деревню и ест вместе с чужой семьей в ее хижине, то люди, с которыми он вместе ел, оскверняются опасной заразой (тхаху), которая может оказаться для них роковой, если она не будет вовремя удалена. Даже шкура, на которой спал убийца, пропитана порчей и может заразить всякого, кто станет спать на ней. Поэтому в таких случаях призывают знахаря для очищения хижины и ее обитателей.

У мавров в Марокко убийца точно так же считается в некотором роде нечистым существом на всю свою жизнь. Из-под его ногтей сочится яд, а потому всякий, кто пьет воду, в которой он мыл свои руки, заболеет опасной болезнью. Нельзя есть мясо убитого им животного, как и вообще есть что-нибудь в его обществе. Когда он появляется на месте, где люди роют колодец, вода тут же уходит. В Гиайне, говорят, ему возбраняется входить в фруктовый сад или огород, а также появляться у тока или закромов, либо проходить среди стада овец. По распространенному, хотя и не везде принятому, обычаю, он не может во время «великого праздника» собственноручно совершить жертвоприношение; а у некоторых племен, преимущественно говорящих на берберийских наречиях, такой же запрет существует по отношению к чело-

веку, убившему собаку, которая считается нечистым животным. Всякая кровь, вытекающая из тела, считается нечистой и привлекает к себе злых духов.

Но в библейском рассказе об убийстве Авеля кровь убитого человека является не единственным неодушевленным предметом, которое ведет себя как живое существо. Если кровь представлена здесь вопиющей, то о земле сказано, что она отверзла уста свои, чтобы принять кровь жертвы. Параллель такому образу земли мы встречаем у Эсхила, в одной из трагедий которого земля пьет кровь убитого Агамемнона. Но в книге Бытие сделан дальнейший шаг в олицетворении земли, ибо здесь сказано, что Каин был «проклят от земли» и что, когда он станет возделывать землю, она «не станет более давать силы своей», а сам он будет изгнанником и скитальцем на земле. Здесь, очевидно, подразумевается, что земля, оскверненная кровью и оскорбленная преступлением, не дает семенам, посеянным рукой убийцы, прорасти и дать плоды; мало того, сам убийца будет изгнан с обработанной земли, на которой он до сих пор жил благополучно, и будет вынужден скитаться в бесплодной пустыне голодным и бездомным бродягой. Образ земли, действующей как живое существо, возмущенной грехами своих обитателей и отталкивающей их от своей груди, не чужд Ветхому завету. В книге Левит мы читаем, что, опозоренная людской неправдой, «свергнула с себя земля живущих на ней», евреи торжественно предупреждаются о необходимости соблюдать божественно предписанные законы.

ственные законы и постановления, «чтоб и вас не свергнула с себя земля, когда вы станете осквернять ее, как она свергнула народы, бывшие прежде вас».

Древние греки, по-видимому, также считали, что пролитие человеческой крови – или, во всяком случае, крови родственников – оскверняет землю. Так, по преданию, Алкмеон, убивший свою мать Эрифилу и преследуемый духом убитой, долго скитался по миру, нигде не находя себе покоя; когда он обратился наконец к дельфийскому оракулу, жрица сказала ему, что «единственная страна, где мятежный дух Эрифилы не будет преследовать его, – это новая земля, обнаженная морем после осквернения, причиненного пролитием кровью матери»; или, как выразился Фукидид, «он нигде не найдет успокоения от своих страданий, пока не придет в такую страну, над которой еще не сияло солнце в то время, когда он убил свою мать, и которая тогда еще не была сушей, ибо вся остальная земля осквернена им». Следуя указаниям оракула, Алкмеон открыл у устья Ахелоя небольшие и бесплодные Эхинадские острова; по мнению греков, они образовались из береговой земли, снесенной течением реки, после того как Алкмеон совершил свое преступление; на этих-то островах он нашел себе пристанище. По другой версии, убийца обрел временный приют в мрачной долине Псофис, среди суровых гор Аркадии; но и здесь земля отказалась приносить плоды убийце своей матери, и он, подобно Каину, вынужден был возвратиться к прежней тяжелой жиз-

ни скитальца.

Представление о земле как о могущественном божестве, которому пролитие человеческой крови причиняет оскорбление и которое должно быть умилоствлено жертвоприношением, распространено среди некоторых племен Верхнего Сенегала. Земля требует искупления не только за убийство, но и за причинение кровавых ран. Так, в местности Ларо, в стране племени бобо, «убийца отдавал двух коз, одну собаку и одного петуха старейшине деревни, который приносил их в жертву земле. Все жители деревни, в том числе и старейшина, ели потом мясо принесенного в жертву животного, но семьи убийцы и убитого участия в пиршестве не принимали. Если речь шла просто о драке без пролития крови, то этому не придавалось значения. Но вид пролитой крови вызывал гнев у земли, и ее необходимо было поэтому умилоствить жертвой. Виновный отдавал одну козу и тысячу раковин старейшине, который приносил козу в жертву земле, а раковины распределял между наиболее уважаемыми лицами. Коза, принесенная в жертву земле, также делилась между ними же. Но о потерпевшей стороне никто не думал в течение всей процедуры, и она ничего не получала. Оно и понятно: задача состояла не в том, чтобы возместить потерпевшим их ущерб за счет обидчика, а в том, чтобы успокоить землю, это великое и грозное божество, которое было разгневано видом пролитой крови. В таком случае потерпевшему ничего не полагалось. Достаточно, чтобы земля успокоилась, съев душу

козы, принесенной ей в жертву, ибо у племени бобо, как и у других чернокожих, земля почитается как великая богиня справедливости».

Подобные же обычаи и поверья существовали у нунума, другого племени Верхнего Сенегала. Убийца подвергался изгнанию на три года и должен был платить крупный штраф раковинами и скотом не в виде вознаграждения в пользу семьи убитого, но для того, чтобы умиловать землю и другие местные божества, оскорбленные видом пролитой крови. Один из волов приносился в жертву разгневанной земле жрецом, носившим титул «вождь земли»; мясо, как и раковины, делилось между самыми почетными лицами, но семья убитого не принимала участия в дележе или получала такую же долю мяса и денег, как и другие. В случае ссоры, сопровождавшейся кровопролитием, но без убийства, нападавший отдавал одного вола, овцу, козу и четыре курицы, которые все приносились в жертву, чтобы умиловать местных богов, возмущенных пролитием крови. Вол приносился в жертву земле ее «вождем» в присутствии старейшин деревни; овца посвящалась реке, а курицы – скалам и лесу; коза же приносилась вождем деревни в жертву его личному фетишу. Если эти очистительные жертвы не были принесены, то, по мнению нунума, виновника и семью его ожидала смерть от руки разъяренного бога.

Изложенные факты заставляют предполагать, что наложенный на убийцу знак первоначально служил средством

защиты не самого убийцы, а других людей, которые могли оскверниться от соприкосновения с ним и навлечь на себя гнев оскорбленного им божества или преследующего его духа; иначе говоря, знак служил сигналом, предупреждающим людей о необходимости посторониться, подобно полагавшейся в Израиле особой одежде для прокаженных.

Однако же имеются налицо другие факты, позволяющие, как то следует из легенды о Каине, думать, что отметина предназначалась именно самому убийце и что опасность, против которой она служила ему защитой, была месть не со стороны родственников убитого, а со стороны его разгневанного духа. Это суеверие было сильно распространено в древней Аттике. Так, Платон говорит, что, по старинному греческому поверью, дух недавно убитого человека преследует убийцу, ибо его возмущает вид преступника, свободно расхаживающего по родной земле. Поэтому убийце необходимо удалиться на один год из своей родной страны, пока тем временем не остынет гнев негодующего духа, и, прежде чем вернуться на родину, очистить себя жертвоприношениями и установленными обрядами. Если жертвой убийцы был чужестранец, то убийца должен избегать родины убитого, как и своей собственной Родины, и, отправляясь в изгнание, идти дорогой, предписанной обычаем; ибо ничего хорошего не будет, если он станет бродить по своей стране, преследуемый разгневанным Духом.

Выше мы видели, что у племени акикуйю убийца счита-

ется носителем какой-то опасной скверны, которой он может заразить других людей путем соприкосновения с ними. На то, что между таким заражением и духом убитого человека существует определенная связь, указывает одна из церемоний, практикуемых для искупления совершенного преступления. Старейшины деревни приносят в жертву свинью возле одного из священных фиговых деревьев, которые играют важную роль в религиозных обрядах племени. Здесь они устраивают пиршество и съедают самые лакомые части животного, а сало, кишки и несколько костей оставляют для духа, который, как они уверены, в ту же самую ночь явится в образе дикой кошки и съест все это. После этого, утолив свой голод, он успокоится и не будет больше приходить в деревню и тревожить ее жителей. Следует заметить, что у этого племени только убийство человека своего клана влечет за собой осквернение и соответствующие обряды; убийство же человека из другого клана или племени таких последствий не имеет.

По обычаям племени багишу в местности Элгон, в Восточной Африке, человек, виновный в убийстве жителя той же деревни, принадлежавшего к тому же клану, должен покинуть свою деревню и переселиться в другое место, даже в случае примирения его с родственниками убитого. Затем он должен зарезать козу, смазать себе грудь содержимым ее желудка, а остальное выбросить на крышу дома убитого, «чтобы умиловать духа» (убитого). Аналогичный обряд очи-

щения установлен у этого племени для воина, убившего человека в сражении, причем можно с уверенностью сказать, что смысл обряда – успокоение духа убитого. Воин возвращается в свою деревню, но не вправе провести первую ночь в своем доме, а должен остановиться в доме одного из своих друзей. Вечером он убивает козу или овцу, кладет в горшок содержимое ее желудка и смазывает себе жиром голову, грудь и руки. Если у него есть дети, то их также смазывают подобным образом. Обезопасив таким способом себя и детей, воин смело отправляется в свой дом, смазывает все дверные косяки, а остающуюся часть содержимого козьего желудка бросает на крышу, по-видимому, на съедение притаившемуся там духу. В течение целого дня убийца не смеет коснуться пищи своими руками и должен есть при помощи двух палочек, изготовленных для этой цели. На следующий день он может уже свободно вернуться к себе в дом и к своей обычной жизни. Все эти ограничения не относятся к его жене; она даже может идти оплакивать убитого и принимать участие в его похоронах. Такое проявление печали даже способствует смягчению недобрых чувств духа и может склонить его к тому, чтобы простить ее мужа.

У нилотов Кавирондо убийца изолируется от других жителей деревни и живет в отдельной хижине со старухой, которая прислуживает ему, варит пищу, а также кормит его, потому что ему возбраняется дотрагиваться руками до пищи. Такая изоляция продолжается три дня. На четвертый

день другой человек, который сам совершил некогда убийство или умертвил человека в сражении, отводит убийцу к реке, где обмывает его с головы до ног; затем он режет козу, варит ее мясо и кладет на четыре палки по куску мяса; убийца съедает из его рук поочередно все четыре куска, после чего тот же человек кладет на палки четыре кома густой каши, которые убийца также должен проглотить. Наконец, козья шкура разрезается на три полосы, из которых одна надевается убийце на шею, а две другие обматываются вокруг кистей рук. Весь обряд совершается только двумя лицами на берегу реки. По окончании обряда убийца может свободно вернуться домой. Считается, что до тех пор, пока такой обряд не исполнен, дух покойного не может отправиться в землю мертвых и витает над убийцей.

У племени балоко, живущего в Верхнем Конго, убившему человека из какого-нибудь соседнего селения не приходится бояться духа убитого, потому что духи бродят здесь лишь на весьма ограниченной территории; но зато нельзя безбоязненно убить человека из своего же селения, где убийцу от духа отделяет небольшое расстояние, что заставляет его постоянно бояться мести духа. Здесь, на беду убийцы, не существует ритуала, избавляющего его от страха, и убийца вынужден оплакивать свою жертву так, как если бы это был его родной брат, он перестает заботиться о своей внешности, бреет голову, постится и проливает потоки крокодиловых слез. Все эти внешние проявления горя, которые про-

стодушный европеец может принять за признаки искреннего раскаяния и угрызения совести, на самом деле рассчитаны лишь на то, чтобы обмануть духа.

Подобным образом у североамериканских индейцев племени омаха убийца, чью жизнь пощадили родственники убитого, вынужден соблюдать определенные строгие правила в течение известного периода времени, обычно от двух до четырех лет. Он должен ходить босиком, не есть горячей пищи, не возвышать голоса, не оглядываться по сторонам. Одежда его всегда, даже в теплую погоду, должна быть запахнута, ворот – наглухо закрыт. Ему запрещено размахивать руками, он должен держать их прижатыми к телу; ему нельзя расчесывать волосы и давать им развеяться по ветру. Никто не должен есть вместе с ним, и только одному из родственников разрешается жить с ним в его шатре. Когда все племя уходит на охоту, он обязан поставить свое жилье на расстоянии четверти мили от остальных, «дабы дух убитого не поднял сильного ветра, могущего причинить вред». Указанная здесь причина изоляции убийцы от общего лагеря дает, по-видимому, ключ к объяснению всех вообще ограничений, которым подвергаются у первобытных народов люди, совершившие убийство, преднамеренное или непреднамеренное. Изоляция таких людей диктуется не моральным чувством отвращения к их преступлению, а исключительно практическими мотивами осторожности или попросту страхом перед опасным духом, который гонится по пятам за убийцей.

На северо-восточном берегу Новой Гвинеи у племени ябим родственники убитого, согласившиеся вместо кровной мести получить денежное вознаграждение, заставляют родственников убийцы вымазать им лоб мелом, «чтобы дух не стал их тревожить, не уводил бы свиней из их стада и не расшатал бы зубы за то, что они не отомстили за убийство». Здесь мы видим, что не сам убийца, а родственники жертвы преступления отмечают себя знаком, но принцип остается тот же самый. Дух убитого, естественно, возмущается поведением бессердечных родственников, не потребовавших крови убийцы за кровь убитого. И вот, когда дух уже готов броситься на них и расшатать им зубы, либо утащить свинью из их стада, либо причинить им другую беду, он вдруг останавливается при виде белого знака на их черном или темно-коричневом лбу. Этот знак как бы служит распиской в получении сполна всей причитающейся с убийцы суммы денег, доказательством того, что родственники добились если не кровного, то денежного вознаграждения за убийство. И дух должен удовлетвориться этим слабым утешением и избавить в будущем семью убитого от всякого преследования. Тот же знак и с той же целью может быть, конечно, наложен и на лоб убийцы как доказательство того, что он за свое преступление уплатил полностью наличными деньгами или обычным у племени денежным эквивалентом и что, стало быть, дух не может иметь к нему никаких претензий. Не была ли «Каинова печать» подобным знаком? Не служила ли

и она доказательством уплаченной им компенсации за пролитую кровь, своего рода распиской в получении от него денежной суммы?

Вероятно, что это так и было, но есть и другая возможность, которую также нельзя оставить без внимания. Очевидно, что по только что изложенной мной теории «Каинова печать» могла быть наложена на человека, убившего своего соплеменника или односельчанина, потому что компенсация за убийство выплачивалась лишь людям, принадлежавшим к одному и тому же племени или к той же общине, что и убийца. Но духи убитых врагов, наверное, не менее опасны, чем духи убитых друзей, и если представляется невозможным умиловить их уплатой родственникам денежной суммы, то что же другое остается делать с ними? Существовало несколько способов для ограждения воинов против духов людей которых они отправили на тот свет раньше времени. Одно из средств заключалось, очевидно, в том, что убийца наряжался так, чтобы дух не мог узнать его; другое – в том, чтобы придать себе такой воинственный и страшный вид, чтобы дух не решился тягаться с ним. Один из этих двух мотивов лежит в основании следующих обычаев, которые я беру на выбор из числа многих им подобных.

У баякка, одного из племен банту в Свободном государстве Конго, «существует поверье, что человек, убитый в сражении, посылает свою душу к убившему его человеку, чтобы отомстить ему за убийство; но последний может избежать

смерти, если воткнет себе в волосы красное перо из хвоста попугая и выкрасит себе лоб в красный цвет». Тонга (в Юго-Восточной Африке) верят, что человек, убивший в сражении врага, подвержен большой опасности со стороны духа убитого, который преследует его и может довести до сумасшествия. Чтобы предохранить себя от мести духа, убийца должен оставаться в главном селении племени несколько дней, в течение которых он не может являться домой к своей жене, должен носить старую одежду и есть из особой посуды при помощи особой ложки. В прежнее время такому человеку между бровями делали надрезы и втирали в них специальную мазь, которая вызывала появление прыщей, придававших человеку вид рассвирепевшего буйвола. У племени басуто «воины, убившие врага, подвергаются очищению. Вождь племени должен обмыть их и принести в жертву вола в присутствии всего войска. Им также натирают тело желчью животного, чем предотвращается преследование их со стороны духа».

Среди племен банту в Кавирондо существует обычай, по которому человек, убивший в сражении врага, по возвращении домой бреет себе голову, а друзья натирают ему тело мазью, приготовляемой обыкновенно из коровьего помета, чтобы дух убитого не стал мстить ему. У балухья из Кавирондо «воин, убивший человека в сражении, изолируется от своей деревни и около четырех дней живет в отдельной хижине, где старая женщина варит ему пищу и кормит, как ребенка,

потому что ему не полагается притрагиваться к пище. На пятый день он отправляется к реке в сопровождении другого человека, который сперва обмывает его, а потом убивает белую козу и, сварив ее мясо, кормит им воина. Шкура козы режется на куски, которыми обматываются кисти рук и голова воина, после чего он возвращается на ночь в свою временную хижину. На следующий день его опять отводят к реке и умывают, затем ему дают в руки белую курицу, которую он сам убивает, а сопровождающий человек снова кормит его куриным мясом. Тогда наконец он провозглашается чистым и может вернуться в свой дом. Иногда случается, что воин в сражении прокалывает копьем другого человека, последний умирает от ран спустя некоторое время. Тогда родственники убитого приходят к воину и сообщают ему о смерти раненого, и воин тут же изолируется от общины на все время, пока не будут совершены все вышеописанные обряды. Туземцы говорят, что обряды эти необходимы для того, чтобы освободить дух покойника, остающийся привязанным к воину до тех пор, пока не будет выполнен весь ритуал. Если воин вздумает отказаться от выполнения обряда, то дух спросит его: „Почему ты не выполняешь обряда и не отпускаешь меня на свободу?“ Если и после этого воин будет упорствовать в своем отказе, то дух схватит его за горло и задушит».

Выше мы видели, что у нилотов из Кавирондо в отношении убийц сохранился вполне аналогичный обычай, преследующий цель освободиться от мести со стороны духа уби-

того. Это совершенное сходство ритуала в обоих случаях вместе с явно выраженными мотивами его проливает яркий свет на основной смысл очистительных обрядов, соблюдаемых человекоубийцей, будь то воин или преступник: и в том и в другом случае цель одна — избавить человека от мстительного духа жертвы. Обматывание головы и кистей обеих рук кусками козьей шкуры, по-видимому, имеет целью сделать человека неузнаваемым для духа. Даже в тех случаях, когда в наших источниках ничего не говорится о духе убитого, мы можем все же с уверенностью сказать, что совершаемые пролившими человеческую кровь воинами или другими лицами в интересах воинов очистительные действия направлены на то, чтобы успокоить разгневанного духа, прогнать или обмануть его. Так, у племени ичопи (в Центральной Африке), когда победоносное войско, возвращаясь из похода, приближается к своей деревне, оно делает привал на берегу реки, все воины, убившие врагов в сражении, вымазывают себе руки и тело белой глиной, а те из них, которые сами не прокололи копьем врага, а лишь помогли добить его, покрывают глиной только свою правую руку. В эту ночь человекоубийцы спят в загоне для скота и боятся близко подойти к своим домам. На следующее утро они смывают с себя глину в реке. Шаман подает им чудодейственное питье и смазывает им тело свежим слоем глины. Эта процедура повторяется шесть дней подряд, и очищение считается оконченным. Остается только обрить голову, после чего воины объявля-

ются чистыми и могут вернуться в свои дома. У борана, одного из группы племен галла, при возвращении военного отряда в деревню женщины обмывают победителей, убивших в сражении людей из неприятельского лагеря, составом из сала и масла, а лица их окрашивают в красный и белый цвет. У племени масаи воины, убившие во время сражения иноплеменников, окрашивают правую половину своего тела в красный, а левую половину – в белый цвет. Подобным же образом туземцы из племени нанди, убившие человека из другого племени, выкрашивают себе тело с одного бока в красный, а с другого – в белый цвет. В течение четырех дней после убийства убийца почитается нечистым и не может явиться к себе домой; он строит себе небольшой шатер на берегу реки, где и живет. Все эти дни он не должен иметь сношений с женой или любовницей, а есть может только овсяную кашу, говядину и козье мясо. К концу четвертого дня он должен очистить себя сильнодействующим слабительным, приготовленным из сока дерева сегетет и козьего молока, смешанного с кровью теленка. У племени вагого человек, убивший в сражении врага, обводит себе правый глаз красной краской, а левый глаз – черной.

По обычаю индейцев, живущих у реки Томсон в Британской Колумбии, люди, убившие своих врагов, окрашивают себе лицо в черный цвет. Без такой предосторожности, по их поверью, дух убитого ослепит убийцу. Индеец племени пима, убивший одного из своих традиционных врагов – апачей,

в продолжение шести дней подвергался строгой изоляции и очищению. Все это время он не имел права прикасаться к мясу и соли, смотреть на огонь или заговаривать с кем-либо. Он жил одиноко в лесу, где ему прислуживала старая женщина, приносившая скудную пищу. Почти все это время голова его была обмазана слоем глины, к которой он не имел права прикасаться. Группа индейцев тинне, уничтожившая отряд «медных» эскимосов у реки Коппермайн, считала себя после этого оскверненной и долгое время, чтобы очиститься, соблюдала ряд любопытных ограничений. Тем из них, кто убил врага, строго запрещалось варить пищу для себя и для других. Им запрещалось пить из чужой посуды и курить чужую трубку, есть вареное мясо, а только сырое, поджаренное на огне или высушенное на солнце. И всякий раз перед едой, прежде чем положить первый кусок в рот, они должны были красить себе лицо красной охрой от носа к подбородку и через щеки от одного уха к другому.

У индейского племени чинук (в штатах Орегон и Вашингтон) убийца красил себе лицо древесным углем с топленным салом и надевал на голову, лодыжки ног и кисти рук кольца из кедровой коры. По прошествии пяти дней черная краска смывалась и заменялась красной. В течение всех пяти дней ему не полагалось спать и даже ложиться, а также смотреть на грудных детей и чужую трапезу. К концу очистительного периода он вешал на дерево свое, головное кольцо из кедровой коры, и дерево это, по существовавшему поверью,

должно было засохнуть. Среди эскимосов, живших у залива Лангтон, убийство индейца и убой кита считались одинаково славными подвигами. Человек, убивший индейца, татуировался от носа до ушей, а убивший кита — от рта до ушей. И тот и другой должны были воздерживаться от всякой работы в течение пяти дней и от некоторых видов пищи — в течение целого года; в частности, запрещалось есть голову и кишки животных. Когда отряд дикарей из племени арунта (в Центральной Австралии) возвращается домой после кровавого набега, отомстив врагу за обиду, они страшатся духа убитого, будучи в полной уверенности, что он преследует их в образе маленькой птички, издающей жалобный крик. В течение нескольких дней после возвращения они ничего не говорят о набеге, разрисовывают свое тело угольным порошком и украшают лоб и ноздри зелеными ветвями. Наконец, они раскрашивают все тело и лицо яркими красками и уже после этого начинают рассказывать о случившемся; однако по ночам они все еще не могут заснуть, прислушиваясь к жалобному крику птицы, в котором им чудится голос их жертвы.

На островах Фиджи всякий туземец, убивший своей дубинкой человека на войне, освящался или подвергался табу. Местный вождь окрашивал ему тело куркумой в красный цвет с головы до пят. Строилась особая хижина, где он должен был провести первые три ночи, причем ему запрещалось лежать, и он мог спать только сидя. В течение первых трех дней он не мог менять свою одежду, снимать краску с

тела и входить в дом, где находилась женщина. То, что этими предписаниями имелось в виду защитить воина от духа убитого им человека, вполне подтверждается другим обычаем тех же островитян. Когда, как это часто случалось у этих дикарей, они закапывали человека живым в землю, то при наступлении ночи поднимали страшный шум ударами бамбуковых палок, трубными звуками особого рода раковин и тому подобными средствами, чтобы прогнать прочь дух убитого и не дать ему возможности вернуться в свой старый дом. А чтобы сделать дом этот непривлекательным для духа, они снимали со стен дома всякие украшения и обвешивали их разными наиболее, по их мнению, отталкивающими предметами. Подобный же обычай существовал и у североамериканских индейцев: чтобы прогнать дух только что замученного ими до смерти врага, они бегали по деревне с ужасающими воплями и били палками по разной домашней утвари, по стенам и крышам хижин. Такого же рода обычаи наблюдаются еще и ныне в разных частях Новой Гвинеи и архипелага Бисмарка.

Итак, возможно, что «Каинова печать» использовалась для того, чтобы сделать человекоубийцу неузнаваемым для духа убитого или же с целью придать его внешности настолько отталкивающий или устрашающий вид, чтобы у духа по крайней мере отпала всякая охота приближаться к нему. В различных работах я высказывал предположение, что траурное одеяние вообще служило для защиты оставшихся в жи-

вых родственников от страшившего их духа погибшего человека. Независимо от правильности моего утверждения, можно с уверенностью сказать, что люди иногда стараются преобразиться настолько, чтобы остаться неузнанными покойником. Так, в западных округах Тимора, большого острова Малайского архипелага, прежде чем покойника положат в гроб, его жены стоят кругом и оплакивают его; тут же находятся их подружки, все с распущенными волосами, чтобы «ниту» (дух) умершего не мог узнать их. У гереро (в Юго-Западной Африке) бывает, что умирающий обращается к человеку, которого не любит, со словами: «Откуда ты взялся? Я не хочу тебя видеть здесь» – и при этом показывает ему кукиш левой рукой. Услышав такие слова, человек уже знает, что умирающий решил сжить его со света после своей смерти и что, стало быть, его ожидает вскоре смерть. Однако во многих случаях он может избежать угрожающей опасности. Для этого он быстро покидает умирающего и ищет себе «онган-га», т. е. врачевателя или колдуна, который его раздевает, умывает, натирает маслом и переодевает в другую одежду. Тогда он совершенно успокаивается, говоря: «Ну, теперь отец наш не узнает меня». И ему нечего больше бояться умершего.

Возможно также, что, после того как бог отметил Каина особой печатью, последний вполне успокоился, уверенный, что дух убитого брата не узнает его и не станет тревожить. Сказать в точности, каким именно знаком отметил бог пер-

вого убийцу, мы не можем; в лучшем случае мы только можем сделать то или иное предположение на этот счет. Если судить по аналогичным обычаям современных нам дикарей, то бог мог окрасить Каина в красный, черный или белый цвет, а может быть, художественный вкус подсказал ему ту или иную комбинацию из всех этих цветов. Например, он мог окрасить его в однородный красный цвет, как это принято у дикарей островов Фиджи, или в белый, как у дикарей ичопи, или в черный, как у племени арунта; но мог также одну половину тела покрыть красной, а другую – белой краской, как это в обычае у племен масаи и нанди. Возможно также, что бог ограничил поле своих художественных усилий одним лишь лицом Каина и обвел ему правый глаз красной краской, а левый – черной, в стиле вагого, или же разукрасил ему физиономию нежными тонами киновари от носа к подбородку и от рта к ушам, на манер индейского племени тинне. Он мог также покрыть голову Каина пластом глины, как делают пима, или же вымазать все его тело коровьим пометом, по обычаю банту. Наконец, он мог татуировать его, как у эскимосов, от носа к ушам или между бровями, как у тонга, от чего вскакивали волдыри, придававшие человеку вид разъяренного буйвола. Разукрашенный таким образом до неузнаваемости, первый мистер Смит (ибо Каин значит по-английски Смит ⁹) мог свободно шагать по широкому ли-

⁹ Тувалкаин, потомок Каина, был, по Библии, первым кузнецом (Быт., 4, 22). По-арабски и по-сирийски «каин» значит «кузнец». У автора игра слов: smith

ку земли, нисколько не боясь встречи с духом убитого брата. Такое истолкование «Каиновой печати» имеет то преимущество, что устраняет из библейского рассказа явную нелепость. Ибо, по обычному толкованию, бог наложил на Каина знак для того, чтобы обезопасить его от возможного нападения со стороны людей, но при этом совершенно забыл, очевидно, что, в сущности, на Каина некому было нападать, ибо все население земли состояло тогда из самого убийцы и его родителей. А потому, предполагая, что враг, перед которым испытывал страх первый убийца, был не живой человек, а дух, мы тем самым избегаем непочтительного отношения к богу и не приписываем ему столь грубой забывчивости, которая совершенно не вяжется с божественным всеведением. Здесь опять оказывается, что сравнительный метод выступает в роли могущественного *advocatus dei* ¹⁰.

означает по-английски «кузнец», а также является распространенной фамилией. – *Прим. пер.*

¹⁰ *Advocatus dei* (адвокат бога) – в католицизме лицо, которому при канонизации поручалось защищать святость канонизируемого против доводов адвоката дьявола (*advocatus diaboli*), оспаривавшего его святость. – *Прим. пер.*

Глава IV. ВЕЛИКИЙ ПОТОП

Введение

Когда совет Королевского антропологического института предложил мне произнести обычную ежегодную речь, посвященную памяти Гексли¹¹, я с благодарностью принял предложение, считая для себя высокой честью ощутить себя причастным к тому, к кому я как к мыслителю и человеку питаю глубокое уважение и чьи взгляды на великие проблемы жизни целиком разделяю.

В поисках подходящей темы я вспомнил, что в последние

¹¹ Гексли Томас Генри (1825 – 1895) – английский естествоиспытатель, соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения, отстаивал дарвинизм от нападок со стороны клерикалов. – С. Т.

годы своей жизни Гексли посвящал часть своего заслуженного досуга исследованию преданий, дошедших до нас от древнейших времен и изложенных в книге Бытие, и я счел поэтому целесообразным взять одно из них темой для своей речи. Мой выбор остановился на общеизвестной легенде о великом потопе. Сам Гексли рассмотрел эту тему в интересном очерке, в котором чувствуется вся прелесть его прозрачного и выразительного стиля. Он задался целью показать, что легенда эта, если на нее смотреть как на историческое свидетельство о потопе, залившим некогда весь мир и истребившем почти всех людей и животных, противоречит неопровержимым данным геологии и должна быть решительно отвергнута как басня. Я не собираюсь ни защищать, ни критиковать его аргументы и выводы по той простой причине, что я не геолог и что поэтому с моей стороны было бы просто дерзостью высказывать то или иное мнение по этому вопросу. Я подхожу к нему с совершенно другой стороны, а именно как к преданию. Давно уже известно, что легенды о великом потопе, в котором погибло почти все человечество, широко распространены по всему миру; все, что я попытался сделать, – это собрать и сравнить эти легенды, а также показать, к каким выводам приводит это сравнение. Короче говоря, я рассматриваю эти легенды с точки зрения сравнительного фольклора. Моя задача – раскрыть, как возникли эти рассказы и как они получили столь широкое распространение на земном шаре; я не касаюсь вопроса об их достовер-

ности, хотя, конечно, вопрос этот нельзя совершенно игнорировать, поскольку речь идет о происхождении рассказов. Поставленное в такие рамки, исследование этого вопроса не является чем-то новым. Попытки подобного рода делались часто, особенно в последние годы, и я широко воспользовался трудами моих предшественников, тем более что некоторые из них разрабатывали этот вопрос с большой эрудицией и талантом. Особенно многим я обязан немецкому географу и антропологу Рихарду Андре, чья монография «Легенды о потопе», как и вообще все его труды, представляет собой образец трезвой научности и здравого смысла, соединенных с чрезвычайной ясностью и сжатостью изложения.

Помимо интереса, какой эти легенды представляют сами по себе как источник сведений о великой катастрофе, которая некогда в одно мгновение уничтожила почти весь человеческий род, они заслуживают изучения еще и потому, что касаются вопроса, который в настоящее время широко обсуждается антропологами. Вопрос этот таков: чем можно объяснить те многочисленные и поразительные черты сходства, которые обнаруживают верования и обычаи народов, живущих в разных местах земного шара? Следует ли рассматривать эту общность обычаев и верований как следствие заимствования их одним народом от другого благодаря непосредственному контакту между ними либо через посредство других народов? Или же они возникли у каждой расы самостоятельно как следствие одинаковой работы человеческой

мысли под влиянием одних и тех же обстоятельств? И вот если мне позволено высказать свое мнение по этому горячо обсуждаемому вопросу, то я должен со своей стороны прямо заявить, что сама постановка вопроса в форме противопоставления двух взаимно исключающих друг друга точек зрения представляется мне в корне неправильной. Насколько я в состоянии судить, весь накопленный запас наблюдений и все соображения говорят за то, что обе причины оказывали свое широкое и могущественное воздействие на процесс образования сходных обычаев и верований у различных народов. Иначе говоря, во многих случаях сходство объясняется простым заимствованием, с некоторыми более или менее значительными видоизменениями, но немало бывает и таких случаев, когда сходные у разных народов обычаи и верования возникают независимо друг от друга, в результате одинаковой работы человеческой мысли под влиянием аналогичных условий жизни. Но если так (а я думаю, что это единственно правильная и приемлемая точка зрения), то отсюда следует, что, пытаясь в каждом отдельном случае объяснить замеченное нами сходство между обычаями и верованиями у разных народов, мы отнюдь не должны исходить из одной какой-нибудь общей теории, будь то теория заимствования или теория самобытного образования. В каждом отдельном случае нужно учитывать конкретные особенности, подвергая факты беспристрастному анализу, и тщательно взвешивать все доказательства, говорящие в пользу той или иной

причины. В случае же равноценности доказательств обоого рода приписать сходство совокупному действию обеих причин.

Этот общий вывод о приемлемости обеих теорий – теории заимствования и теории самостоятельного образования, как одинаково правильных и в известных пределах соответствующих действительности, подтверждается, в частности, исследованием легенд о потопе. Известно, что легенды о великом потопе распространены среди многих различных народов в отдаленных друг от друга странах; и, насколько возможно говорить в подобных случаях о доказательствах, можно считать доказанным, что сходство, несомненно существующее между многими из этих легенд, отчасти является результатом прямого заимствования одним народом у другого, а отчасти следствием совпадающих, но вполне самостоятельных наблюдений, сделанных в различных местах земного шара и относящихся к великим наводнениям или другим чрезвычайным явлениям природы, вызывающим представления о потопе. Таким образом, изучение этих легенд, независимо от нашего мнения относительно их исторической достоверности, может оказаться полезным, если мне удастся смягчить остроту существующего спора и убедить крайних сторонников обеих теорий, что в этом споре, как и во многих других, истина оказывается не на чьей-либо стороне, а где-то посередине.

Вавилонское сказание о великом потопе

Из всех имеющихся в литературе легенд о великом потопе наиболее древняя – вавилонская или, правильнее, шумерийская: известно, что, как ни стара сама по себе вавилонская версия этой легенды, она была заимствована вавилонянами от их еще более древних предшественников – шумерийцев, от которых семитические обитатели Вавилонии, по-видимому, переняли основные элементы своей цивилизации. Вавилонское предание о великом потопе известно благодаря вавилонскому историку Беросу, который в первой половине III в. до н. э. составил историю своей страны. Берос писал по-гречески, и хотя его труд до нас не дошел, но некоторые фрагменты сохранились благодаря позднейшим греческим историкам. Среди этих фрагментов оказался, к счастью, рассказ о потопе. Вот он. Великий потоп произошел в царствование Ксисутруса, десятого царя Вавилонии. Бог Кронус явился к нему во сне и предупредил его о том, что все люди будут уничтожены потопом в пятнадцатый день месяца, который был восьмым месяцем по македонскому календарю. А потому бог велел ему написать историю мира от начала и закопать ее для сохранности в Сиппаре, городе солнца. Кроме того, он велел ему построить корабль и сесть туда вместе со своими родственниками и друзьями, взять с собой запас пищи и питья, а также домашних птиц и четверо-

ногих животных и, когда все будет готово, отплыть. На вопрос царя: «Куда же мне отплыть?» – бог ответил: «Ты поплывешь к богам, но до отплытия ты должен молиться о ниспослании добра людям». Царь послушался бога и построил корабль; длина корабля была пять стадий, а ширина – два стадия ¹². Собрав все, что было нужно, и сложив в корабль, он посадил туда своих родственников и друзей. Когда потоп стал убывать, Ксисутрус выпустил на волю несколько птиц. Но, не найдя себе нигде пищи и приюта, птицы вернулись на корабль. Через несколько дней Ксисутрус снова выпустил птиц, и они вернулись на корабль со следами глины на ногах. В третий раз он их выпустил, и они больше на корабль не вернулись. Тогда Ксисутрус понял, что земля показалась из воды, и, раздвинув несколько досок в борту корабля, выглянул наружу и увидел берег. Тут он направил судно к суше и высадился на горе вместе со своей женой, дочерью и кормчим. Он воздал почести земле, построил алтарь и принес жертву богам, а потом исчез вместе с теми, кто высадился с ним из корабля. Оставшиеся на корабле, увидев, что ни он, ни сопровождающие его люди не возвращаются, тоже высадились на берег и стали искать его, выкликая его имя, но нигде не могли найти Ксисутруса. Тогда раздался голос с неба, который приказал им чтить богов, призвавших к себе Ксисутруса за его благочестие и оказавших такую же милость его жене, дочери и кормчему. И еще велел им тот го-

¹² Вавилонский стадий равнялся 194 метрам. – *Ред.*

лос отправиться в Вавилон, разыскать спрятанное писание и распространить его среди людей. Голос также возвестил им, что страна, в которой они находятся, — Армения. Услышав все это, они принесли жертву богам и отправились пешком в Вавилон. А обломки корабля, приставшего к горам Армении, существуют до сих пор, и многие люди снимают с них смолу для талисманов. Вернувшись в Вавилон, люди откопали в Сиппаре писание, построили много городов, восстановили святилища и вновь населили Вавилон.

По словам греческого историка Николая Дамасского, современника и друга Августа и Ирода Великого, «в Армении находится большая гора, называемая Барис, на которой, как гласит предание, спаслось много людей, бежавших от потопа; говорят также, что какой-то человек, плывший в ковчеге, высадился на вершине этой горы и что деревянные остатки того судна сохранялись еще долгое время. Человек этот, вероятно, был тот самый, о котором упоминается у Моисея, законодателя иудеев». Сомнительно, чтобы Николай Дамасский почерпнул эти сведения из вавилонского или еврейского предания; ссылка на Моисея показывает, что он был, по видимому, знаком с рассказом книги Бытие, который мог стать ему известным со слов его покровителя Ирода.

В нашу эпоху суждено было извлечь из давно утерянных архивов Ассирии подлинную вавилонскую версию легенды. При раскопках Ниневии, составляющих славу и гордость XIX в. и имеющих чрезвычайное значение для истории древ-

него мира, английским исследователям удалось обнаружить значительную часть библиотеки великого царя Ашшурбанипала, царствовавшего в 669 – 633 гг. до н. э., во время блестящего заката Ассирийской державы. Этот царь, наводивший ужас на соседние народы вплоть до берегов Нила, украсил свою столицу великолепными сооружениями и собрал в ее стенах из ближних и дальних стран многочисленные тексты по истории, естествознанию, грамматике и религии для просвещения своего народа. Тексты эти, в значительной части заимствованные из вавилонских источников, представляют собой клинописные таблицы из мягкой глины, впоследствии обожженные и сложенные в библиотеке. Библиотека была, по-видимому, расположена в верхнем этаже дворца, который во время последнего разграбления города рухнул от пожара, причем большинство таблиц разбилось вдребезги. Сохранившиеся потрескались и опалены огнем пылавших развалин. В последнее время к развалинам приложили свою руку кладоискатели, которые искали здесь для себя не научные сокровища, а настоящий золотой клад, чем немало содействовали еще большей разрозненности этих драгоценных памятников. В довершение всех бед богатая солями вода, каждую весну проникающая в почву, пропитывает таблицы. Соли кристаллизуются по линиям трещин, и по мере роста кристаллы расщепляют и без того разбитые таблицы на более мелкие фрагменты. Все же благодаря кропотливому труду Джорджа Смита, хранителя Британского музея,

множество фрагментов было восстановлено, ему удалось реставрировать знаменитую эпическую поэму о Гильгамеше в двенадцати песнях, вернее, таблицах, из которых одиннадцатая содержит вавилонскую легенду о потопе. Это великое открытие было обнародовано Смитом на собрании Общества библейской археологии 3 декабря 1872 г.

По остроумной догадке Генри Раулинсона, двенадцать песен поэмы о Гильгамеше соответствуют двенадцати знакам зодиака, так что движение рассказа в поэме как бы следует за движением солнца в течение всех двенадцати месяцев года. Эта теория до некоторой степени оправдывается местом, какое занимает в поэме легенда о потопе, изложенная в одиннадцатой песне, потому что вавилонский одиннадцатый месяц в году приходился как раз на дождливый сезон, был посвящен богу ветров Рамману и, как говорят, назывался «проклятый месяц дождей». Как бы то ни было, легенда здесь является отдельным эпизодом или отступлением, лишенным всякой связи со всем остальным содержанием поэмы. Вот как она начинается.

Герой поэмы Гильгамеш потерял своего дорогого друга Энкиду, похищенного смертью, и сам тяжело заболел. Опечаленный происшедшим и в страхе перед грядущим, он решил разыскать своего отдаленного предка Утнапиштима, сына Убара-Гуту, и узнать от него, как смертный человек может обрести вечную жизнь.

Утнапиштим, думал он про себя, наверное, знает этот сек-

рет, так как сам стал подобен богам и живет теперь где-то далеко в блаженном бессмертии. Тяжелый и опасный путь пришлось совершить Гильгамешу, чтобы дойти до него. Он должен был перейти через гору, охраняемую двуполым скорпионом, там, где заходит солнце; он шел по темной и страшной дороге, где ни разу не ступала нога смертного; он переправился на лодке через обширное море, перебрался по узкому мосту через реку смерти и наконец предстал перед лицом Утнапиштима. Но когда Гильгамеш задал своему великому предку вопрос, как человеку достигнуть бессмертия, то получил неутешительный ответ: мудрец сказал ему, что для человека не существует бессмертия. Удивленный таким ответом со стороны того, кто некогда сам был человеком, а теперь сделался бессмертным, Гильгамеш, естественно, спросил своего высокочтимого родственника, каким образом ему удалось избежать общей участи. На этот вопрос Утнапиштим поведал следующий рассказ о великом потопе.

Утнапиштим сказал Гильгамешу: «Я хочу открыть тебе, о Гильгамеш, сокровенное слово; умысел богов я хочу повесть тебе. Ты знаешь город Шуруппак, что лежит на берегу Евфрата; это город старинный, и боги его внушили великим богам мысль послать на землю потоп. Там был отец богов Ану, их советник и воитель Энлиль, их вестник Ниниб, их властитель Эннуги. Бог мудрости Эа также сидел вместе с ними; он передал их слова тростниковой хижине, говоря: „О, тростниковая хижина, тростниковая хижина! О, стена,

стена! О, слушай, тростниковая хижина! О, внимай, стена! О, человек из Шуруппака, сын Убара-Туту, ломай свой дом, построй корабль, оставь свои богатства, бойся своей гибели! Бросай своих богов, спасай свою жизнь, возьми с собою в корабль всякие семена жизни! А корабль, который ты соорудишь, должен быть хорошо соразмерен; его ширина и длина должны соответствовать друг другу, и ты его спустишь в открытое море“. Я внял словам его и сказал богу моему Эа так: „О, господин мой, я преклоняюсь пред твоим велением и исполню его. Но что я отвечу городу и народу и его старейшинам?“ Эа открыл свои уста и так сказал мне, слуге своему: „Вот что ты ответишь им: так как Энлиль возненавидел меня, то я не могу больше оставаться в вашем городе и не могу преклонить голову на земле Энлиля; я должен спуститься в глубокое море и буду жить у господина моего Эа“. Утнапиштим послушался бога Эа, собрал лес и все, что было нужно для постройки судна, и на пятый день остов был готов. Он построил его в форме баржи, на которую поставил дом в сто двадцать локтей высотой, и разделил дом на шесть ярусов, а в каждом ярусе сделал девять комнат. Он сделал в нем отверстия для спуска воды, обмазал снаружи горной смолой и древесной смолой изнутри. Затем он велел принести масло, зарезал волов и ягнят, наполнил кувшины кунжутным вином, маслом и виноградным вином. Он созвал народ на пир, как в день новогодний; народ пировал, и вино лилось рекой. А когда корабль был готов, он наполнил его всем, что имел

из серебра, и всем, что имел из золота, и всем, что имел из семян жизни. Он также посадил на корабль всю свою семью и всех домочадцев; собрал домашний скот, зверей полевых и всяких ремесленников и всех поместил на корабль. Бог-солнце Шамаш назначил время, объявив: „С наступлением вечера властитель тьмы пошлет разрушительный ливень; тогда войди в ковчег и запри за собой дверь“. Пришел урочный час, и с наступлением вечера властитель тьмы послал разрушительный ливень. „Я видел начало бури, но дальше смотреть на нее побоялся. Я вошел в ковчег и запер за собою дверь. Кормчему корабля, а также Пузур-Амурри, мореходу, поручил я (плавучий) дворец и все, что в нем было. Когда стало рассветать, появилось на горизонте черное облако. Рамман гремел среди небес, а боги Мужати и Лугаль предшествовали ему. Подобно гонцам, шли они по горам и равнинам; Иррагал сорвал с корабля мачту. Явился Ниниб и разразился бурей. Боги Ануннаки вздымали кверху пылающие факелы, бросавшие яркий свет на землю. Смерч бога Раммана поднимался к небесам, и дневной свет потух во мраке“. Весь день бушевала гроза, и воды вздулись до горных вершин. „Один не видел другого, люди не узнавали друг друга. Боги в небесах испугались потопа и пятились назад, карабкались по небосклону к обители Ану. Боги припадали к земле, как собаки, жались у стен. Иштар надрывалась от крика, как женщина в родовых муках; царица богов обливалась слезами и восклицала своим дивным голосом: „Да об-

ратится в прах тот день, когда я в собрании богов накликала горе! Увы, это я накликала горе в собрании богов! Это я накликала смерть для уничтожения моих людей! Где они теперь – те, которых я призвала к жизни? Как рыбьей икрой, кишит ими море“. Боги Ануннаки плакали вместе с ней; боги в изнеможении садились и плакали с плотно сжатыми губами. Шесть дней и шесть ночей свирепствовал ветер; потоп и гроза опустошили землю. На седьмой день стихла гроза, и ливень, и буря, бушевавшая подобно вражескому войску. Море успокоилось, вода пошла на убыль; ураган и потоп прекратились. Я посмотрел на море: на нем лежала тишина, весь род человеческий превратился снова в глину. Там, где были поля, простиралось болото. Я открыл окно, и дневной свет упал на мое лицо. У меня подкашивались ноги, я сел и заплакал; слезы катились по щекам моим. Я смотрел на мир: везде было море. По прошествии двенадцати (дней?) показался остров. Корабль приплыл к земле Низир; он сел на гору Низир, и гора не отпускала корабль. Прошел день, другой – гора Низир все не отпускала корабль. Прошел третий день, четвертый – гора Низир все не отпускала корабль. Прошел пятый день, шестой – гора Низир все не отпускала корабль. На седьмой день я выпустил голубя и дал ему улететь. Но голубь полетал немного и, не найдя нигде приюта, вернулся назад. Тогда я выпустил ласточку и дал ей улететь. Ласточка покружилась немного, но, не найдя нигде приюта, вернулась назад. Затем я выпустил ворона и дал ему улететь. Ворон

улетел и увидел, что вода спала; он клевал пищу, пробирался по лужам, каркал, но назад не вернулся. Тогда я вывел всех из корабля и отпустил их на все четыре стороны. Я принес жертву и совершил возлияние на вершине горы. По семи в ряд я выставил жертвенные сосуды и собрал под ними в кучу тростник, кедровое и миртовое дерево. Боги вдыхали запах, боги вдыхали благоухания. Боги, как мухи, собирались вокруг того, кто принес им жертву. Тут выступила вперед мать богов. Она подняла кверху ожерелье, которое Ану сделал по ее желанию, и сказала: „О вы, боги, собравшиеся здесь“! Как верно то, что я не забуду этих лазоревых самоцветов, которые я ношу на шее, так же верно и то, что я буду помнить всегда эти дни и никогда их не забуду. Пусть все боги присутствуют при этом жертвоприношении, но пусть Энлиль не приходит, потому что он не размыслил, наслал потоп и обрек на гибель моих людей“. Тогда подошел Энлиль и, увидев корабль, рассвирепел. Полный гнева против богов, против Игиги, он воскликнул: „Кто-то, я вижу, спас свою жизнь. Нет, ни один человек не останется в живых после всеобщего истребления“. Тут Ниниб открыл свои уста и сказал, обращаясь к воителю Энлилю: „Кто, как не Эа, мог сделать подобное дело? Ведь Эа знает все, что происходит на свете“. Тогда Эа открыл свои уста и сказал, обращаясь к воителю Энлилю: „Ты, о воитель, – владыка богов, но ты не размыслил и наслал на землю потоп. На грешнике должен быть отомщен его грех, и на преступнике – его преступление. Не давай же

воли своей руке, дабы не все люди погибли; пощади, дабы не все они исчезли с лица земли. Вместо потопа пусть бы лучше пришел лев и сократил род людской! Вместо потопа пусть бы лучше пришел леопард и сократил род людской! Вместо потопа пусть бы лучше пришел голод и опустошил землю! Вместо потопа пусть бы лучше пришла богиня-чума и поразила человечество! А я не открыл умысла великих богов; я только дал Атрахазису увидеть сон, и во сне он услышал умысел богов“. После этого Энлиль принял свое решение и вошел в ковчег. Он взял меня за руку и вывел из корабля и меня и жену мою, велел ей стать на колени рядом со мной, а сам подошел к нам, стал между нами обоими и благословил нас (говоря): „До сих пор Утнапиштим был человеком, но отныне пусть Утнапиштим и жена его уподобятся богам и станут равными нам, пусть Утнапиштим живет далеко от земли, у устья рек“. И тогда меня взяли и унесли далеко от земли и оставили жить у устья рек».

Такова длинная легенда о потопе, внесенная в поэму о Гильгамеше, с которой она, по-видимому, вначале не стояла ни в какой связи. Сохранился фрагмент другой версии этой легенды на одной разбитой плитке, найденной, как и плитка поэмы о Гильгамеше, среди развалин библиотеки Ашшурбанипала в Ниневии. В этом фрагменте содержится часть беседы, происшедшей перед потопом между богом Эа и вавилонским Ноем, который здесь называется Атрахазис – имя, которое, как мы видели, случайно приписано ему в поэме

о Гильгамеше, хотя везде в этой поэме он именуется не Атрахазис, а Утнапиштим. Имя Атрахазис, как полагают, было первоначальным вавилонским именем героя, которое в греческой версии легенды о потопе у Бероса заменено именем Ксисутрус. В упомянутом фрагменте бог Эа приказывает Атрахазису: «Ступай в ковчег и закрой за собою дверь; возьми туда с собой свои запасы хлеба, свои домашние вещи и прочее имущество, свою (жену?), семью, родственников, своих ремесленников, полевой скот и всех травоядных полевых животных». Герой возражает на это, что он никогда раньше не строил корабля, и просит начертить ему на земле план корабля для руководства при постройке.

До сих пор мы видели, что вавилонские версии легенды о потопе относятся ко времени Ашшурбанипала, т. е. к VII в. до н. э., на этом основании можно было допустить более позднее происхождение их в сравнении с еврейской версией и, стало быть, предположить, что они заимствованы у евреев. Однако мы располагаем данными, несомненно свидетельствующими о значительно более древнем происхождении вавилонской легенды, благодаря еще одной разбитой плитке, найденной при раскопках, предпринятых турецким правительством в Абу-Хабба, на месте, где находился некогда древний город Сиппар. Плитка эта содержит весьма искаженное изложение легенды о потопе и снабжена точной датой, а именно: в конце текста имеется отметка о том, что табличка написана в двадцать восьмой день месяца шаба-

ту (одиннадцатый месяц у вавилонян), в одиннадцатый год правления царя Аммизадуга, т. е. около 1966 г. до н. э., К сожалению, текст настолько отрывочен, что дает мало сведений, но имя Атрахазис здесь встречается, а также говорится о большом ливне и, по-видимому, о корабле и спасшихся на нем людях.

Другая очень древняя версия легенды о потопе была обнаружена в Ниппуре во время раскопок, производившихся Пенсильванским университетом. Она написана на небольшом обломке таблицы из необожженной глины, и на основании начертания букв и места нахождения датируется открывшим ее профессором Гильпрехтом не позднее 2100 г. до н. э. В этом фрагменте бог возвещает, что пошлет на землю потоп, который сметет сразу весь людской род; бог предлагает человеку, к которому обращает свою речь, построить себе большое судно с крепкой крышей, где он сможет спасти свою жизнь, и взять туда с собою животных и птиц.

Все эти версии легенды о потопе написаны на семитическом языке Вавилонии и Ассирии. Но есть другая отрывочная версия, найденная американцами при раскопках в Ниппуре и написанная на шумерийском языке, т. е. на несемитическом языке древнего народа, который, по-видимому, предшествовал семитам в Вавилонии и основал в нижней долине Евфрата свою собственную замечательную культуру, обыкновенно именуемую вавилонской культурой. Город Ниппур, где была найдена эта шумерийская легенда о потопе, был са-

мым священным и, возможно, наиболее древним религиозным центром страны, и местный бог этого города Энлиль стоял во главе вавилонского пантеона. Судя по начертанию письма, текст таблички, на которой записана легенда, относится, вероятно, ко времени знаменитого вавилонского царя Хаммурапи, т. е. приблизительно к 2100 г. до н. э. Но сама легенда, надо полагать, гораздо древнее, потому что в конце третьего тысячелетия, когда был написан текст таблички, шумерийцы как отдельный народ перестали уже существовать, растворившись в семитическом населении страны, и язык их стал уже мертвым языком, хотя древняя литература и содержащиеся в ней священные тексты служили еще предметом изучения и переписывались семитическими жрецами и писцами. В результате открытия шумерийской версии легенды о потопе возникло предположение о том, что сама легенда ведет свое происхождение от времени, предшествовавшего занятию долины Евфрата семитами, которые, поселившись в новой стране, заимствовали легенду о потопе от своих предшественников – шумерийцев. Интересно отметить, что шумерийская версия легенды о потопе служит продолжением рассказа, к сожалению весьма отрывочного, о сотворении человека; согласно этому рассказу, люди были созданы богами раньше животных. Таким образом, шумерийская легенда сходится с библейским рассказом в книге Бытие, поскольку и здесь и там сотворение человека и великий потоп трактуются как два тесно связанных между со-

бой события первоначальной истории мира. При этом шумерийское сказание совпадает не с жреческим, а с яхвистским источником, изображая такую последовательность событий, при которой сотворение человека предшествовало сотворению животных.

Пока что опубликована только нижняя половина таблички этой «шумерийской книги Бытие», но и этой половины достаточно, чтобы представить себе в общих чертах легенду о потопе. Здесь рассказывается, что Зиугидду или, правильнее, Зиудзудду был некогда царем и жрецом бога Энки – шумерийского божества, соответствующего семитическому Эа. Изо дня в день он служил богу, смиренно повергаясь ниц перед ним и исполняя у алтаря установленные обряды. В награду за такое благочестие Энки сообщает ему, что по требованию Энлиля на совете богов решено истребить семя человеческого рода посредством ливня и бури. Прежде чем сделать святому человеку это своевременное предупреждение, божественный друг просит его отойти к стене, говоря: «Стань у стены слева от меня, и у стены я скажу тебе слово». Эти слова находятся в очевидной связи с тем странным местом в семитической версии легенды, где Эа начинает свое предупреждение Утнапиштиму в таких выражениях: «О, тростниковая хижина, тростниковая хижина! О, стена, стена! О, слушай, тростниковая хижина! О, внимай, стена!» Эти два параллельных места в обеих версиях легенды заставляют предположить, что доброжелательный бог, не желая прямо со-

общить смертному человеку тайное решение богов, прибегает к уловке и шепотом доверяет тайну стене, по другую сторону которой он предварительно поставил Зиудзудду. Таким образом праведный человек подслушал чужой разговор и узнал роковую тайну, тогда как его божественный покровитель имел возможность впоследствии утверждать, что он не открыл человеку умысла богов. Эта уловка приводит на память известную легенду о том, как слуга царя Мидаса открыл, что у его господина ослиные уши, и, не будучи в состоянии удержаться, чтобы не выболтать кому-нибудь этой тайны, шепотом рассказал ее пещере и засыпал пещеру землей, но на этом месте вырос тростник, и шелест его листьев, волнуемых ветром, разнес по всему свету секрет об уродстве царя. Та часть таблицы, в которой, вероятно, содержалось описание того, как строился ковчег и как сел в него Зиудзудду, потеряна, а сохранившаяся часть сразу захлестывает нас волнами потопа. Бушующая буря и ливень описываются как явления одновременные. Затем текст продолжается так: «После того как ливень и буря свирепствовали на земле целых семь дней и семь ночей, а огромный ковчег силой вихря носился все время по могучим волнам, появился бог-солнце, проливая дневной свет на небо и землю». Когда свет солнца засиял над ковчегом, Зиудзудду пал ниц перед богом-солнцем и принес в жертву вола и овцу. Здесь опять пробел в тексте, а вслед за тем мы читаем, что царь Зиудзудду пал ниц перед богами Ану и Энлилем. Гнев Энлиля против людей

теперь как будто смягчился, как можно понять из его слов, относящихся к Зиудзудду: «Жизнь, подобную жизни бога, я дарую ему». И дальше: «Вечную душу, подобную душе бога, я сотворю для него». А это значит, что герой легенды о потопе, шумерийский Ной, обрел дар бессмертия или даже превратился в бога. Дальше ему преподносится титул «хранителя семени человеческого рода», и боги отводят ему обитель на горе, быть может на горе Дильмун, хотя такое чтение имени не вполне достоверно. Конец легенды до нас не дошел.

Итак, мы видим, что в существенных чертах шумерийская версия легенды о потопе совпадает с более длинной и обстоятельной версией, сохранившейся в поэме о Гильгамеше. В обеих версиях великий бог (Энлиль или Бэл) решил истребить человечество, затопив землю дождем. В обеих версиях бог (Энки или Эа) предупреждает человека о близкой катастрофе, и человек, получивший такое предупреждение, спасается в ковчеге. В обеих потопа в период его наибольшей силы продолжается семь дней. В обеих версиях, после того как вода начинает спадать, человек приносит жертву и под конец возводится в ранг богов. Единственное существенное различие касается имени героя, который в шумерийской версии называется Зиудзудду, а в семитической – Утнапиштим или Атрахазис. Шумерийское имя Зиудзудду напоминает другое – Ксисутрус, которое Берос дает герою, спасшемуся от потопа. Если сходство этих двух имен не случайно, то мы имеем новое основание удивляться той верности древнейшим до-

кументальным источникам, которую сохранил в своем описании вавилонский историк.

Открытие этой чрезвычайно интересной таблички, содержащей рассказ о потопе в связи с рассказом о сотворении мира, дает основание предполагать, что заключающиеся в книге Бытие сказания о первоначальной истории мира родились не у семитов, но были ими заимствованы от более древнего цивилизованного народа. Дикие орды семитов, нахлынувшие за несколько тысячелетий до нашей эры из Аравийской пустыни в плодородную долину Нижнего Евфрата, застали там уже сложившуюся цивилизацию. Потомки первобытных бедуинов постепенно переняли искусства и нравы покоренной страны точно так же, как гораздо позднее северные варвары позаимствовали известный культурный лоск от покоренного ими населения Римской империи.

Еврейское сказание о великом потопе

Критики библейского текста единодушно признают, что в древнееврейской легенде о великом потопе, в том виде, как она изложена в книге Бытие, надо различать два первоначально самостоятельных рассказа; впоследствии эти два рассказа были искусственно объединены с целью придать им подобие некой единой и однородной легенды. Но редакторская работа по слиянию двух текстов в один сделана так грубо и неуклюже, что встречающиеся там повторения и противоре-

чия бросаются в глаза даже невнимательному читателю.

Из двух первоначальных версий легенды одна происходит от Жреческого кодекса (обыкновенно обозначаемого латинской буквой Р), а другая – от так называемого Яхвиста (обозначаемого латинской буквой J). Каждому из источников свойствен особый характер и стиль, и оба относятся к различным историческим эпохам: яхвистский рассказ является, вероятно, наиболее древним, тогда как Жреческий кодекс, как в настоящее время принято думать, является позднейшим по времени из всех четырех источников, объединенных в Шестикнижие ¹³. Яхвист был, по-видимому, написан в Иудее в начальный период существования еврейского государства, по всей вероятности, в IX или VIII в. до н.э. Жреческий кодекс появился в период, последовавший за 586 г. до н. э., когда Иерусалим был завоеван вавилонским царем Навуходоносором и евреи были уведены в плен. Но если автор Яхвиста обнаруживает живой неподдельный интерес к личности и судьбе описываемых им людей, то автор Кодекса, наоборот, интересуется ими лишь постольку, поскольку он видит в них орудие божественного промысла, предназначенное для передачи Израилю знаний о боге и всех тех религиозных и социальных институтах, которые по милости бога должны были регулировать жизнь «избранного народа». Он пишет историю не столько светскую и гражданскую, сколько священную и церковную. История Израиля для него скорее ис-

¹³ См. примечание 2.

тория церкви, нежели народа. Поэтому он подробно останавливается на жизнеописании патриархов и пророков, которых бог удостоил своим откровением, и торопится пройти мимо ряда поколений обыкновенных смертных, упоминая только их имена, точно они служат лишь звеньями, соединяющими одну религиозную эпоху с другой, или ниткой, на которую с редкими промежутками нанизаны драгоценные жемчужины откровения. Его отношение к историческому прошлому предопределяется современной ему политической обстановкой. Наивысший расцвет Израиля был уже в прошлом, его независимость утеряна, а с нею исчезли и надежды на мирское благоденствие и славу. Розовые мечты о могуществе, вызванные в душе народа блестящими царствованиями Давида и Соломона, мечты, которые могли еще на время сохраниться даже после падения монархии, давно померкли в темных тучах наступившего заката нации под влиянием суровой действительности чужеземного владычества. И вот когда не нашлось выхода для светских амбиций, неугасимый идеализм народа нашел для себя выход в другом направлении. Мечты народа устремились в другую сторону. Если они не могли найти себе места на земле, то небо оставалось еще открыто для них. Подобно Иакову в Вефиле, окруженному со всех сторон врагами, мечтатель увидел лестницу, упирающуюся в небо, по которой ангелы могли спуститься на землю, чтобы защитить и охранить одинокого путника. Короле говоря, вожди Израиля стремились утешить свой народ,

вознаградить его за все унижения, выпавшие на его долю в сфере материальной жизни, и поднять его на высшую ступень жизни духовной. Для этой цели они, строя и совершенствуя, создали сложный религиозный ритуал, чтобы с его помощью присвоить себе всю божественную благодать и сделать Сион святым городом, красой и центром царства божия на земле. Подобные стремления и идеалы придавали общественной жизни все более и более клерикальный характер, выдвигая на первый план интересы церкви и делая жреческое влияние доминирующим. Царь был заменен первосвященником, унаследовавшим даже пурпурные одежды и золотую корону своего предшественника. Переворот, состоявшийся в том, что на смену светским властителям в Иерусалиме пришли первосвященники, аналогичен тому, который превратил Рим цезарей в Рим средневековых пап.

Такое умонастроение, такая струя религиозных чувств, направленная всецело в сторону церковности, нашли свое отражение или, лучше сказать, вполне выкристаллизовались в Жреческом кодексе. Некоторая ограниченность этого умонастроения интеллектуального и морального свойства сказалась соответственным образом и на авторе источника. Он интересуется исключительно формальной стороной религии, упивается отдельными церковными обрядами и мелочами ритуала, предметами церковной утвари и облачения. Более глубокая сторона религии для него – книга за семью печатями, ее моральных и духовных идей он почти не касается,

никогда не рассматривает фундаментальные проблемы бессмертия и происхождения зла, волновавшие во все времена пытливые умы.

Равнодушный к земным делам, поглощенный целиком мельчайшими подробностями ритуала, со своим пристрастием к хронологии и генеалогии, к датам и цифрам, вообще ко всему, что составляет скелет, а не плоть и кровь истории, этот жрец-историк напоминает нам тех средневековых летописцев-монахов, которые обозревали широкий мир через узкое окошечко своей монашеской кельи или через цветные витражи церкви. Его умственный горизонт был чрезвычайно ограничен; атмосфера, в которой ему представлялись события, была окрашена той средой, сквозь которую он наблюдал их. Так, скиния в пустыне в его пылком воображении принимала размеры великолепного храма, как если бы он смотрел на нее сквозь цветные стекла готической церкви. Даже те медленные процессы или внезапные катаклизмы, которые формировали или преображали материальный мир, он представлял себе лишь как знамения и чудеса, ниспосланные богом, чтобы возвестить новые эпохи божьего промысла.

Сотворение мира было для него не чем иным, как великой прелюдией к установлению субботы. Самый свод небесный с его величественными светилами представлялся ему великолепным циферблатом, на котором божий перст предрекал навеки точные сроки праздников церковного календаря. Потоп, которым почти все человечество было сметено с лица

земли, был лишь поводом к установлению договора между богом и оставшейся после потопа в живых жалкой кучкой людей, а радуга, пылающая в темных грозовых тучах, была всего-навсего печатью, приложенной к этому договору и удостоверяющей его подлинность и незыблемость.

Ибо этот жрец и историк был в такой же мере законовед, как и церковник. В качестве такового он прилагает много труда, чтобы доказать, что благожелательное отношение бога к его народу покоится на строго юридическом фундаменте, как об этом свидетельствует ряд договоров, заключенных обеими сторонами с соблюдением всех необходимых формальностей. И когда он занимается толкованием этих договоров, он чувствует себя в родной стихии и без усталости перечисляет длинный ряд документов, в которых изложены все выданные Израилем обязательства. И никогда этот строгий формалист, этот сухой, как пергамент, любитель древностей не расстаётся в такой мере с своей обычной суровостью, не оживает так душой, доходя чуть ли не до сердечной теплоты, как в те моменты, когда он начинает распространяться о любезных его сердцу контрактах и нотариальных сделках.

Шедевром его исторического стиля признается рассказ о торговых переговорах овдовевшего Авраама с «сынами Хета», у которых Авраам купил фамильный склеп для погребения умершей жены. Печальное обстоятельство, послужившее причиной сделки, не повлияло нисколько на тон рассказа, и в нарисованной автором картине черты недюжинного

художника соединяются с скрупулезностью опытного нотариуса. Несмотря на тысячелетия, отделяющие нас от описываемого события, вся сцена оживает перед нами в том же самом виде, в каком подобные сцены происходили в свое время на глазах автора; такие же сцены, пожалуй, и сейчас еще происходят на Востоке, когда два почтенных арабских шейха с большим искусством вступают в торг, строго соблюдая при этом все условности этикета восточной дипломатии. Правда, такие картины у автора Жреческого кодекса попадаются редко. Ландшафты он едва пытается изобразить, а портреты его — это мазня, лишенная всякой индивидуальности, жизни и красок. Моисей, которым он так много занимается, превращается у него из великого вождя чуть ли не в безжизненный манекен, в человека, занятого преимущественно вопросами церковного благолепия и жреческих уборов.

Совсем другие картины патриархального быта оставил нам автор Яхвиста. По чистоте линий, по легкости и изяществу кисти, теплоте красок они являются непревзойденными, быть может, единственными во всей литературе. Тончайшие эффекты произведены несколькими мазками, потому что каждый из них сделан мастером, который инстинктивно угадал, что именно просится в картину, а что надо отбросить. Так, отдавая все свое внимание человеческим фигурам, выдвинутым на передний план и выступающим из рамы во всей их живой правдивости и осязательности, он в то же самое время двумя-тремя еле заметными мазками обо-

значает на заднем плане ландшафт, и в результате перед нами стройная композиция, неизгладимо врезающаяся в нашу память. Например, сцена Иакова и Рахили у колодца с расположенным вокруг стадом овец в жаркий полдень передана словами автора не менее живо, чем красками Рафаэля.

С изяществом и красочностью в изображении человеческой жизни автор соединяет очаровательную наивность и античную простоту в описании божества. Он возвращает нас назад к стародавним временам, когда между человеком и богом еще не зияла такая глубокая пропасть. Мы читаем здесь о том, как бог, подобно ребенку, который делает себе куклу из земли, вылепил первого человека из глины; как он прогуливался по саду, наслаждаясь вечерней прохладой, и позвал к себе сконфуженных Адама и Еву, спрятавшихся за деревьями; как он сделал им одежду из звериных шкур вместо слишком легкого и прозрачного покрова из фиговых листьев; как запер дверь за Ноем, вошедшим в ковчег; как он вдыхал аромат сжигаемой жертвы; как он спустился на землю, чтобы посмотреть вавилонскую башню, очевидно, потому, что с небесной высоты ее нельзя было различить; как он беседовал с Авраамом на пороге его шатра в дневную жару, под тенью шелестящих дубов. Словом, все произведение этого восхитительного автора дышит поэзией, свежестью и благоуханием первобытных времен, которые придают ему какую-то необыкновенную и неувядаемую прелесть.

Две отдельные составные части – Яхвист и Жреческий ко-

декс, образовавшие вместе рассказ о великом потопе в книге Бытие, отличаются друг от друга как по форме, так и по своему содержанию. Из формальных отличительных признаков, состоящих в различном выборе слов того и другого источника, самым важным является различное наименование божества в еврейском тексте: в Яхвисте оно неизменно называется Яхве, а в Жреческом кодексе – Элохим. В английском переводе (да и в русском синодальном переводе Библии. — *Прим. пер.*) названия эти передаются соответственно словами «господь» и «бог». Замена еврейского Яхве словом «господь» основана на подражании евреям, которые при чтении писания вслух всегда заменяют священное слово «Яхве», где бы оно ни встречалось в тексте, словом «адонай», что значит «господин». Но в рассказе о потопе, да и вообще во всей книге Бытие автор Кодекса избегает называть бога Яхве, заменяя его словом «элохим», которое в еврейском языке служит для обозначения бога, на том основании, что, по его пониманию, божественное имя Яхве было впервые открыто богом Моисею, а потому не может быть применяемо к богу в первые века существования мира. Автор же Яхвиста не разделяет этого взгляда на происхождение имени Яхве и поэтому свободно применяет его к божеству начиная с самого сотворения мира.

Независимо от этого главного различия между обоими источниками, существуют и другие словесные отличительные признаки их, которые не отражаются в переводе Библии

на другие языки. Так, например, сочетание слов «мужчина и женщина» передается различными выражениями в том и другом источнике. Точно так же английскому слову «истребить» соответствуют два разных слова в обоих источниках.

Еще более, чем словесные различия, бросаются в глаза различия в содержании яхвистского и жреческого рассказов, доходящие иногда до прямого противоречия, что является лучшим доказательством наличия разных источников легенды о потопе. Так, у автора Яхвиста отличаются чистые животные от нечистых, причем первые вводятся в ковчег в количестве семи от каждого вида животных, а последние – только в количестве двух. Между тем автор Кодекса не делает никакого различия между животными, допуская для них полное равенство, но зато ограничивает число спасаемых в ковчеге животных одной парой от каждого вида. Объяснить это противоречие можно тем, что, по его представлению, различие между чистыми и нечистыми животными было впервые открыто богом Моисею, так что Ной ничего об этом не мог знать; автор же Яхвиста наивно полагал, что человеческому роду уже в самые ранние времена было свойственно отличать чистых животных от нечистых, считая, что такое различие основано на очевидном для каждого естественном законе природы.

Другое серьезное разногласие между двумя писателями относится к вопросу о продолжительности потопа. По яхвистскому рассказу, ливень продолжался сорок дней и сорок

ночей, после этого Ной оставался в ковчеге еще три недели, пока не спала вода и не показалась земля. Таким образом, потоп продолжался всего шестьдесят один день. Из жреческого же источника явствует, что до спада воды прошло сто пятьдесят дней, а самый потоп длился всего двенадцать месяцев и десять дней. Принимая во внимание, что у евреев был принят лунный календарь, двенадцать месяцев составляют триста пятьдесят четыре дня; прибавляя сюда еще десять дней, получаем солнечный год в триста шестьдесят четыре дня. Так как автор Кодекса определяет, таким образом, продолжительность потопа приблизительно в один солнечный год, то мы можем безошибочно утверждать, что он жил в такое время, когда евреи уже научились исправлять ошибку лунного календаря, наблюдая за солнцем.

Далее, источники обнаруживают разницу в указании причин потопа: по Яхвисту, единственной причиной катастрофы был ливень, а в Кодексе говорится, что вода хлынула одновременно с неба и из-под земли.

Наконец, автор Яхвиста заставляет Ноя строить алтарь, на котором Ной принес богу жертву в благодарность за спасение от гибели во время потопа. В Кодексе ничего не говорится об алтаре и жертвоприношении, без сомнения, потому, что по левитскому закону, которому автор остается верен, не может быть и речи о каком-либо алтаре вне Иерусалимского храма, и еще потому, что для Ноя, как для простого мирянина, было бы неслыханной дерзостью совершить самому

жертвоприношение и таким образом присвоить себе prerogative духовенства. А этого автор Жреческого кодекса ни на одну минуту не мог допустить со стороны столь уважаемого патриарха.

Итак, сравнение обоих рассказов дает основание утверждать, что первоначально тот и другой имели самостоятельное существование и что яхвистский рассказ был значительно старше жреческого. Учитывая, что автору его, очевидно, не был известен закон о едином святилище, запрещавший жертвоприношение везде, кроме Иерусалима, и принимая во внимание, что закон этот был впервые ясно сформулирован и претворен в жизнь при царе Иосии в 621 г. до н. э., следует заключить, что яхвистский текст был составлен раньше, и, быть может, намного раньше этой даты. По той же причине надо полагать, что жреческий текст появился спустя некоторое, по-видимому, довольно долгое время после этой даты, так как его автор знает закон о едином святилище и не допускает мысли о нарушении его Ноем. Если автор Яхвиста в некотором смысле изменяет архаичной простоте, наивно возводя религиозные институты и фразеологию своего собственного времени к самым первым дням с сотворения мира, то Жреческий кодекс отражает более поздний период, с установившимся взглядом на теорию религиозной эволюции, которую он со всей строгостью применяет к историческому прошлому.

Достаточно сравнить еврейское сказание о потопе с ва-

вилонским, чтобы убедиться, что оба сказания не являются независимыми и что либо одно из них произошло от другого, либо оба имеют один общий источник. Черты сходства в них слишком многочисленны и детальны, чтобы признать их случайными. В обоих рассказах божественные силы решают истребить человеческий род посредством великого потопа; в обоих это тайное решение открывает человеку бог, который велит ему построить большое судно, чтобы спастись в нем самому и спасти всякое «семя жизни». Едва ли можно объяснить случайным совпадением, что, по вавилонской легенде, в версии, приводимой Беросом, спасшийся от потопа герой был десятым царем Вавилона, а Ной в еврейской легенде был потомком Адама в десятом колене. В обоих случаях избранник бога, предупрежденный об опасности, строит огромное судно, в несколько ярусов, осмаливает его древесной и горной смолой, чтобы сделать его непроницаемым для воды, и берет с собой в ковчег свою семью и животных всякого рода; в обоих – потоп вызван в значительной мере ливнем и продолжается в течение многих дней; в обоих – от потопа гибнет все человечество, за исключением героя и его семьи; в обоих – герой выпускает ворона и голубя, чтобы узнать, не спала ли вода, причем голубь через некоторое время возвращается в ковчег, не найдя себе нигде места для отдыха, а ворон не возвращается; в обоих – ковчег пристал наконец к горе; в обоих – герой приносит на вершине горы благодарственную жертву за свое спасение; в обоих – боги

вдыхают аромат жертвы, гнев их смягчается.

До сих пор мы говорили об общем сходстве вавилонской и еврейской легенд в целом. Если мы теперь обратимся к отдельным элементам этой последней, то увидим, что яхвистский рассказ ближе примыкает к вавилонскому, чем жреческий рассказ. Как в вавилонском, так и в яхвистском рассказе особое значение приобретает число семь. По яхвистской версии, Ной был предупрежден о потопе за семь дней; он берет с собой в ковчег по семи чистых животных каждого вида; он выпускает из ковчега голубя на разведку через каждые семь дней. По вавилонской версии, наиболее разрушительный период потопа продолжается семь дней; герой выставил жертвенные сосуды на горе по семи в ряд. Далее, в обеих этих версиях специально упоминается о том, что, как только человек со своей семьей и животными вступил на корабль или в ковчег, бог запер за ними дверь; в обеих версиях содержится также живописный эпизод о том, как были посланы ворон и голубь, о жертвоприношении и о том, что боги вдыхали аромат жертвы и что после этого гнев их смягчился. Однако в некоторых своих подробностях жреческий рассказ книги Бытие более приближается к вавилонскому, нежели яхвистский. Так, в обеих версиях, жреческой и вавилонской, даются точные указания о постройке судна; в обеих – оно выстроено в несколько ярусов с большим числом кают в каждом; в обеих – осмолено древесной или горной смолой; в обеих – пристало к горе; и в обеих – герой по выходе из

судна получает божье благословение.

Но если между еврейским и вавилонским рассказами обнаруживается такое близкое родство, то спрашивается, где причина этого родства? Нельзя утверждать, что вавилонский рассказ произошел от еврейского, потому что он старше еврейского по крайней мере на одиннадцать или двенадцать веков. Кроме того, как правильно заметил Циммерн ¹⁴, библейский рассказ по самому существу своему предполагает страну, подверженную, подобно Вавилонии, наводнениям, так что не подлежит сомнению, что легенда родилась на вавилонской почве и оттуда была перенесена в Палестину. Если же евреи заимствовали легенду о великом потопе от Вавилонии, то возникает вопрос: когда и как это произошло? Мы не имеем никаких сведений на этот счет, и вопрос может быть разрешен только предположительно. Некоторые известные ученые думают, что евреи впервые познакомились с легендой во время вавилонского пленения и что, следовательно, библейский рассказ восходит к эпохе не ранее VI в. до н. э. Такой взгляд был бы вполне приемлем, если бы мы обладали только жреческим текстом еврейской легенды о потопе, потому что Жреческий кодекс, как мы видели, был составлен, вероятнее всего, во время пленения или после него.

Возможно, что составители его узнали о вавилонском пре-

¹⁴ Циммерн Генрих (1862 – 1931) – немецкий ассириолог. Занимался изучением шумерских и вавилонских литературных и культовых текстов, сравнительной грамматикой семитских языков. – *Ред.*

дании либо со слов вавилонян, либо из вавилонской литературы во время изгнания или по возвращении в Палестину. Весьма вероятно, что близкие сношения, установившиеся в результате завоевания между обеими странами, могли вызвать распространение вавилонской литературы в Палестине и еврейской литературы в Вавилонии. С этой точки зрения некоторые пункты расхождения жреческого рассказа с яхвистским и совпадение с вавилонским могут быть объяснены прямым заимствованием его авторов из вавилонских источников. Таковы подробности о сооружении ковчега и, в частности, о том, что он был покрыт смолой, составляющей специальный продукт Вавилонии. Однако тот факт, что евреи были знакомы с легендой о великом потопе, и притом в форме весьма близкой к вавилонской, еще задолго до их пленения, в достаточной мере подтверждается яхвистским рассказом в книге Бытие, который возник, вероятно, в IX в. до н. э. и, во всяком случае, едва ли позднее чем в VIII в.

Но если мы предположим, что евреи в Палестине уже в раннюю эпоху познакомились с вавилонской легендой о потопе, то спрашивается, когда и как это могло произойти? Ответ на этот вопрос дается двоякий. По мнению одних исследователей, евреи принесли с собою эту легенду в Палестину во время переселения в эту страну из Вавилонии, т. е. приблизительно за две тысячи лет до новой эры. По мнению других, они заимствовали легенду уже после их переселения в Палестину от ее туземных жителей — ханаанеев, которые в

свою очередь могли познакомиться с легендой через посредство вавилонской литературы во втором тысячелетии до новой эры. Какой из этих двух взглядов следует признать правильным и правилен ли хотя бы один из них – этот вопрос в настоящее время не может быть разрешен.

В позднейшие времена еврейская фантазия разукрасила легенду о потопе многими новыми и часто нелепыми деталями. Эти подробности, очевидно, должны были удовлетворить любопытство или польстить вкусам выродившихся поколений, неспособных оценить благородную простоту библейского рассказа. Среди этих ярких и вычурных дополнений к древней легенде мы читаем о том, как легко жилось человеку в допотопные времена, когда урожаем от одного посева люди кормились сорок лет подряд и когда они могли колдовскими средствами заставить служить себе солнце и луну. Вместо девяти месяцев младенцы находились в утробе матери всего несколько дней и тотчас же после рождения начинали ходить и говорить и не боялись самого дьявола. Но эта привольная и роскошная жизнь отвратила людей с пути истинного и вовлекла в грехи, больше всего в грех алчности и распутства, чем был вызван гнев бога, решившего истребить грешников посредством великого потопа. Однако в милосердии своем он сделал им своевременное предупреждение. Ной по велению бога поучал их и взывал к исправлению, угрожая им потопом в наказание за бесчестие, причем делал он это в течение целых ста двадцати лет. Но и по прошествии

этого времени бог дал человечеству еще недельный срок, в продолжение которого солнце каждое утро восходило на западе и заходило каждый вечер на востоке. Но ничто не могло привести к раскаянию нечестивцев. Они не переставали издеваться над праведным Ноем, видя, что он строит себе ковчег. Как надо строить ковчег, его научила одна священная книга, которую некогда дал Адаму ангел Разнел и которая содержала в себе все знание человеческое и божественное. Она была сделана из сапфиров, и Ной заключил ее в золотой ларец, когда взял с собою в ковчег, где она заменяла ему часы, чтобы отличать день от ночи, потому что, пока длился потоп, ни солнце, ни луна не посылали света на землю. Потоп же произошел от встречи мужских вод, падавших с неба, с женскими водами, поднимавшимися от земли. Для стока верхних вод бог сделал в небе два отверстия, сдвинув с места две звезды из созвездия Плеяды; а для того чтобы впоследствии приостановить потоки дождя, бог заткнул отверстия парой звезд из созвездия Медведицы. Вот почему Медведица до сих пор гонится за Плеядами: она требует обратно своих детей, но никогда не получит их до скончания веков.

Когда ковчег был уже готов, Ной стал собирать животных. Они подходили к нему стадами в таком большом количестве, что он не мог забрать всех, сел у порога ковчега, чтобы сделать выбор между ними. Животных, которые ложились у порога, он брал с собой, а те, которые стояли на ногах, отвергались. Даже после такого строго проведенного «естествен-

ного отбора» число разного рода пресмыкающихся, принятых на борт судна, оказалось не менее трехсот шестидесяти пяти, а число птиц всякого рода – тридцать две. Подсчет количества взятых в ковчег млекопитающих не был сделан; по крайней мере, количество это не зарегистрировано, но, во всяком случае, было велико, как о том можно судить в настоящее время.

До потопа нечистых животных было гораздо больше, чем чистых, а после потопа соотношение стало обратным, потому что от каждого вида чистых животных было взято в ковчег по семи пар, а от каждого вида нечистых – только по две пары. Одно создание, носившее название «реем», оказалось столь громадных размеров, что для него не нашлось места в ковчеге, а потому оно было привязано Ноем снаружи к ковчегу и все время бежало за ним рысью. Великан Ог, царь Башанский, также не мог поместиться внутри судна и сел на крышу, спасшись таким образом от потопа. Вместе с Ноем расположились в ковчеге его жена Наама, дочь Эноша и три сына его со своими женами. Одна странная пара, Ложь и Злосчастье, также нашла себе убежище в ковчеге. Сначала Ложь подошла одна к ковчегу, но ее не пустили в ковчег на том основании, что вход туда допускался только для супружеских пар. Тогда она ушла и, встретившись со Злосчастьем, уговорила его присоединиться к ней, после чего их пустили обоих. Когда все были уже на борту и потоп начался, грешники – в числе около семисот тысяч – собрались и окружи-

ли ковчег, умоляя взять их с собой. Ной наотрез отказался впустить их. Тогда они принялись силой напирать на дверь, стараясь взломать ее, но дикие звери, охранявшие судно, напали на них и многих сожрали; остальные, спасшиеся от их когтей, потонули в поднявшейся воде.

Целый год плыл ковчег; огромные волны бросали его из стороны в сторону; все находившиеся внутри тряслись, как чечевица в горшке. Львы рычали, быки ревели, волки выли и все прочие животные вопили, каждое на свой манер. Больше всего хлопот доставлял Ною вопрос о съестных припасах. Спустя много времени после потопа сын его Сим рассказывал Елиезеру, слуге Авраама, как трудно было его отцу прокормить весь зверинец. Несчастный все время был на ногах, бегал взад и вперед днем и ночью. Ибо дневных животных надо было кормить днем, а ночных – ночью; великану же Огу пища подавалась через отверстие на крышу. Хотя лев все время страдал от лихорадки, которая заставляла его оставаться более или менее спокойным, но все же был угрюм и готов был вспылить при малейшем раздражении. Однажды, когда Ной не так скоро принес ему обед, благородное животное с такой силой ударило лапой патриарха, что он остался с тех пор хромым на всю свою земную жизнь и не был даже в состоянии исполнять обязанности жреца.

В десятый день месяца таммуз Ной выпустил ворона посмотреть и сообщить ему, не прекратился ли потоп. Но ворон нашел плавающий в воде труп и принялся его пожирать;

увлекшись этим делом, он забыл вернуться к Ною с докладом. Спустя неделю Ной выпустил голубя, который после третьего полета вернулся наконец, держа в клюве оливковый лист, сорванный им на Масличной горе в Иерусалиме, ибо святая земля была пощажена от потопа. Вышедший из ковчега на берег Ной заплакал при виде всеобщего опустошения, причиненного потопом. Сын его Сим принес богу благодарственную жертву за спасение, так как сам патриарх еще не оправился от удара львиной лапы и не мог лично служить богу.

Из другого рассказа можно почерпнуть некоторые интересные сведения о внутреннем устройстве ковчега и распределении пассажиров. Скот и звери помещались отдельно в трюме; средняя палуба была занята птицами, а на верхней палубе расположился Ной с семейством. Мужчины были строго отделены от женщин. Патриарх и сыновья его заняли восточную часть ковчега, а жена Ноя и жены его сыновей – западную часть; между теми и другими в виде барьера лежало мертвое тело Адама, которое таким образом избежало гибели в водной стихии. Этот рассказ, в котором сообщаются еще сведения о точных размерах ковчега в локтях, а также точный день недели и месяца, когда спасшиеся вышли на берег, заимствован из арабского манускрипта, найденного в библиотеке монастыря св. Екатерины на горе Синай. Автором рассказа был, по-видимому, араб-христианин, живший в эпоху мусульманского завоевания, хотя самый манускрипт

относится к более позднему времени.

Древнегреческие сказания о великом потопе

Легенды о разрушительном потопе, в котором погибла большая часть человеческого рода, имеются и в древнегреческой литературе. У Аполлодора, автора мифологического сочинения, мы находим следующее сказание: «Девкалион был сыном Прометея. Он царствовал в стране Фтия (в Фессалии) и был женат на Пирре, дочери Эпимитея и Пандоры, первой женщины, сотворенной богами. Когда Зевс решил истребить людей бронзового века, то Девкалион по совету Прометея построил ящик или ковчег и, сложив туда всякие запасы, вошел в ковчег вместе со своей женой. Зевс пролил с неба на землю большой дождь, который затопил большую часть Греции, так что все люди погибли, за исключением немногих, столпившихся на ближайших высоких горах. Тогда разделились горы в Фессалии, и вся земля по ту сторону Истма и Пелопоннеса была залита водой. Но Девкалион в своем ковчеге плыл по морю девять дней и девять ночей; наконец, пристав к Парнасу, он высадился здесь после прекращения ливня и принес жертву Зевсу, богу спасения. И Зевс послал к нему Гермеса с предложением исполнить любое желание Девкалиона. Девкалион пожелал, чтобы появились люди на земле. Тогда по приказанию Зевса он стал со-

бирать камни и бросать их через свою голову. Камни, которые бросал Девкалион, превратились в мужчин, а камни, которые бросала Пирра, превратились в женщин. Вот почему люди по-гречески называются *laoi* – от слова *laas* – камень».

В такой форме греческая легенда относится ко времени не ранее середины II в. до н. э. Но в действительности она гораздо старше, потому что мы находим ее уже у Гелланика, греческого историка V в. до н. э., который рассказывает, что ветер пригнал судно Девкалиона не к Парнасу, а к горе Отрис в Фессалии. Другая версия принадлежит Пиндару, писавшему ранее Гелланика, в том же веке; поэт говорит, что Девкалион и Пирра спустились с Парнаса и вновь создали человеческий род из камней. Некоторые полагают, что первый основанный ими после потопа город был Опус, расположенный в плодородной Локрейской равнине, между горами и Эвбейским заливом, и что Девкалион жил в Цинусе, служившем гаванью для Опуса и находившемся в нескольких милях от него на равнине. Здесь вплоть до начала новой эры показывали путешественникам могилу его жены. Прах ее мужа, как говорят, покоился в Афинах. По мнению Аристотеля, писавшего в IV в. до н. э., наибольшие опустошения были произведены потоком во время Девкалиона «в древней Элладе, т. е. в стране, где находится Додона и река Ахелой, потому что эта река во многих местах изменила свое русло. В то время земля эта была населена народом селли и другим народом по имени греки (*graikoi*), которых теперь называют эллинами».

По мнению некоторых писателей, святилище Зевса в Додоне было основано Девкалионом и Пиррой, жившими среди молоссов в этой стране. В IV в. до н. э. Платон также упоминает о потопе во времена Девкалиона и Пирры, но не описывает его. При этом он говорит, что египетские жрецы смеялись над наивностью греков, полагавших, что потоп произошел только однажды, тогда как на самом деле было несколько потопов. Паросский летописец, составивший свою хронологическую таблицу в 265 г. до н. э.¹⁵, считал, что потоп при Девкалионе произошел за 1265 лет до времени составления таблицы. По этому расчету, потоп происходил в 1530 г. до н. э.

Многие местности в Греции притязали на ту или иную почетную роль в связи с легендой о Девкалионе и великом потопе. Не захотели, разумеется, оставаться в стороне и афиняне, гордившиеся своим древним поселением в Аттике. Они связали имя своей страны с Девкалионом, утверждая, что когда над Парнасом собрались темные тучи и дождь хлынул потоками на Ликорею, где царствовал Девкалион, то он, спасая свою жизнь, бежал в Афины и, прибыв туда, основал святилище богу дождя Зевсу, принеся ему благодарственную жертву за свое спасение. Так как в этой коротенькой легенде ничего не говорится о судне, то надо, очевидно, полагать, что герой совершил свой путь пешком. Но, так или иначе, преда-

¹⁵ Паросская хроника (Chronicum или Marmor Partum) – мраморная доска, найденная в 1627 г. на острове Парос, содержит краткое описание политической и литературной истории эллинов; находится теперь в Оксфордском университете. – *Прим. пер.*

ние говорит, что он основал древний храм Зевса-олимпийца и был похоронен в Афинах. Вплоть до II в. н. э. афиняне с патриотической гордостью показывали иноземцам могилу греческого Ноя, неподалеку от позднейшего и гораздо более великолепного храма Зевса-олимпийца, чьи разрушенные, но величественные колонны и теперь еще одиноко вздымаются к небу над современным городом, привлекая наши взоры еще издали как безмолвное, но красноречивое свидетельство о славе Древней Греции.

Но это не все, что древние афиняне показывали как память об ужасном потопе. Под сенью обширного храма Зевса-олимпийца они подводили любознательного путешественника к небольшому участку «олимпийской земли», где обращали его внимание на расселину в земле шириной в один локоть. В эту расселину, как уверяли они, стекала вода потопа, и сюда ежегодно бросали они лепешки из пшеничной муки, замешанной на меду, в пищу душам погибших от великого наводнения; известно, что в Афинах ежегодно совершались по ним поминки или заупокойная служба. Это был так называемый «праздник возлияния воды» и, судя по этому названию, благочестивые люди не только бросали лепешки, но еще лили воду в расселину, чтобы утолить кроме голода также и жажду духов, обитавших в подземном мире.

Другим местом, где поминали великий потоп посредством подобных обрядов, был город Гиераполис на Евфрате. Здесь до II в. н.э. сохранился культ семитических богов.

Главным божеством была здесь великая сирийская богиня Астарта, которой греки поклонялись под именем Геры. Лукиан оставил нам весьма ценное описание самого храма и совершавшихся в нем странных обрядов. Он говорит, что, по господствующему мнению, храм был основан Девкалионом, при жизни которого происходил потоп.

По этому поводу Лукиан излагает греческое сказание о потопе следующим образом. Человеческий род, говорит он, существует на земле не впервые; ему предшествовал некогда другой, погибший бесследно. Мы являемся вторичной породой, которая размножилась после Девкалиона. До потопа люди были крайне нечестивы и не повиновались законам, не соблюдали данной клятвы, не оказывали гостеприимства чужестранцам, не внимали просьбам своих ближних. За это их постигло великое бедствие. Отверзлись источники бездны, дождь хлынул потоками, вздулись все реки, море разлилось по земле, и везде была вода, ничего кроме воды; все люди погибли. Девкалион был единственным человеком, который благодаря своему разуму и благочестию остался в живых и явился звеном, связывающим первую породу людей с последующей.

А способ, которым он спас свою жизнь, был таков. У него был большой ковчег, и он вошел туда с своими женами и детьми; вслед за тем к нему пришли свиньи, и лошади, и львы, и змеи, и всякие другие земные животные, все попарно. Он принял всех их к себе в ковчег, и они ему никакого

вреда не причинили; напротив, с божьей помощью они жили в большой дружбе между собой и все вместе плыли в одном ковчеге все время, пока продолжался потоп на земле. Таково, говорит Лукиан, греческое предание о Девкалионовом потопе; но жители Гиераполиса, продолжает он, рассказывают удивительную вещь: откуда-то появилась там огромная пещера, вся вода от потопа стекла в эту пещеру. После этого Девкалион построил на том месте жертвенники и заложил святой храм в честь богини Геры.

«Я видел пещеру под тем храмом, – рассказывает далее Лукиан, – но очень маленькую; быть может, в старину она была больше, а потом с течением времени уменьшилась до нынешних размеров, я этого не знаю; но та, которую я видел, была небольшая пещера. В память о потопе там совершается следующий обряд: два раза в году в храм приносится с моря вода; приносят ее не одни только жрецы; отовсюду, из Сирии и Аравии, даже из-за Евфрата, толпы народа отправляются к морю и приносят с собою воду. Воду эту льют в пещеру, и как ни мала пещера, а все же вмещает в себе огромное количество воды. И люди говорят, что этот обычай был установлен в храме самим Девкалионом в память о великом бедствии и в знак благодарности». Кроме того, у северных ворот великого храма стояли две высокие колонны, вернее, два обелиска, каждый в 360 футов вышины. Дважды в году на один из них взбирался человек и семь дней подряд оставался на вершине обелиска. Зачем он туда поднимался и что

делал там – это объясняют по-разному. Большинство полагает, что с такой высоты голос его был слышен небожителям и они могли внимать молитвам, которые он возносил богам за весь сирийский народ. Другие же думают, что он взбирался на обелиск для того, чтобы показать, как некогда люди взлезали на горные вершины и на высокие деревья, чтобы спастись от Девкалионова потопа.

Уже в этой позднейшей версии греческая легенда о потопе обнаруживает достаточное сходство с вавилонской версией. Но сходство это довершается благодаря еще одной черте, привнесенной Плутархом, который говорит, что Девкалион выпустил из ковчега голубя, чтобы посмотреть, вернется ли он или улетит совсем, и таким образом узнать, улеглась ли уже буря или еще продолжается. В этой своей форме греческая легенда о великом потопе есть, несомненно, копия или, вернее, слепок с семитического образца – все равно, заимствованы ли краски и формы от Израиля или от Вавилона.

Другим городом в Малой Азии, который гордился своей связью с великим потопом, была Апамея Киботос во Фригии. Прозвище Киботос, присвоенное этому городу, по-гречески означает «ящик» или «ковчег». На монетах города, отчеканенных в царствование Севера, Макрина и Филиппа Старшего, изображен ковчег, плывущий по воде, с двумя пассажирами в нем, представленными по пояс. Рядом с ковчегом показаны стоящие во весь рост другие две человеческие фигуры, мужская и женская; наконец, на верху ковчега

пригнездились две птицы, как объясняют, ворон и голубь, с оливковой веткой в клюве. Как бы для того, чтобы устранить малейшее сомнение в точном соответствии легенде, имя Ноз – греческое обозначение Ноя – начертано на ковчеге. Не подлежит сомнению, что две человеческие фигуры в ковчеге и рядом с ним изображают Ноя и его жену. Монеты эти доказывают неопровержимо, что в III в. н.э. населению Апамеи было известно еврейское сказание о потопе в той его форме, в которой оно изложено в книге Бытие. Возможно, что оно узнало об этом сказании от своих еврейских сограждан, которые в I в. до н. э. были так многочисленны или так богаты, что в одном случае оказались в состоянии послать в Иерусалим в виде дара не менее 100 фунтов золота. Было ли в Апаmee сказание целиком заимствовано от евреев, или же оно явилось наслоением на туземной старинной легенде о великом потопе – это вопрос, на который ученые дают различные ответы.

Потоп, связываемый с именем Девкалиона, является наиболее известным и прославленным, но не единственным в греческих преданиях потопом. Древние ученые различали три великие катастрофы этого рода, которым в различные эпохи подвергалась земля. Первая произошла при Огигесе, вторая при Девкалионе, третья при Дардане. Огигес или, в другом произношении, Огигус считался основателем Фив в Беотии и царем этого, по словам римского писателя Варрона, древнейшего города в Греции, который был построен еще

до первого потопа на земле. Связь Огигеса с Беотией вообще и с Фивами в частности подтверждается также тем, что именем его называлась вся страна, город и одни из его ворот. Варрон рассказывает, что Фивы в Беотии были построены приблизительно за 2100 лет до того, как он писал свой труд, что было в 36 г. до н. э. или около этого времени; а так как потоп, по Варрону, произошел при жизни Огигеса, после того как он построил Фивы, то отсюда следует заключить, что, по мнению Варрона, великий потоп произошел в 2136 г. до н. э. или вскоре после того.

По словам историка церкви Евсевия, великий потоп при Огигесе случился спустя около 2200 лет после Ноева потопа и за 250 лет до повторной катастрофы при Девкалионе. Вообще, писатели первых веков христианства, по-видимому, считали вопросом чести утверждать, что потоп, описанный в священных книгах, относится к гораздо более древнему времени, нежели потопа, о которых повествуется в других, чисто светских книгах. Христианский летописец Юлий Африканский переносит Огигеса из эпохи Ноя в эпоху Моисея, а Исидор, ученый епископ севильский, живший в начале VII в., начинает свой список потоков с Ноева потопа, второе и третье места по времени отводит потокам при Огигесе и Девкалионе, причем Огигес оказывается современником патриарха Иакова, а Девкалион – Моисея. Епископ этот был, насколько мне известно, первым в ряду многих писателей, ссылавшихся на найденные в отдаленных горах ископаемые

раковины как на доказательство истинности предания о Ное.

Если Огигес был первоначально не аттическим, а беотийским героем, то сказание о потопе в его время объясняется, вероятно, теми превратностями, которые испытало Копайское озеро, занимавшее некогда значительную часть Центральной Беотии. Так как озеро это не имело вытекающих из него рек, то сток воды в нем зависел от подземных проходов или пещер, которые вода пробила постепенно в течение веков в твердом известняке, по мере того как эти проходы закупоривались или освобождались, уровень воды в озере поднимался или падал. Ни в одном другом озере, быть может, ежегодные сезонные изменения не были столь регулярны и резки: зимой оно сплошь зарастало камышом и привлекало к себе тысячи диких птиц, а летом представляло более или менее болотистую равнину, где пасся скот и сеяли хлеб. Но во всякое время года можно было ожидать то подъема, то спада воды в озере в зависимости от недостатка или обилия зимних дождей, а также от засорения или очищения подземных пещер. Подобно древним авторам, писавшим о затопленных городах по берегам этого озера, один современный путешественник рассказывает о поселянах, вынужденных бежать от наводнения из своих деревень, и о виноградарях и нивах, затопленных водой. Одно из таких наводнений, более сильное и разрушительное, чем все предшествовавшие, могло быть впоследствии связано с именем Огигеса.

Подобное объяснение причины великого потопа при Оги-

гесе необыкновенным разливом Копайского озера подтверждается в известной мере аналогичным явлением в Аркадии. Мы видели, что третий великий потоп греческая легенда связывает с именем Дардана. По словам одного предания, Дардан был сначала царем Аркадии, но потом вынужден был бежать оттуда, спасаясь от великого потопа, наводнившего низменности и сделавшего их на долгое время непригодными для земледелия. Жители отступили к горам и некоторое время перебивались той скудной пищей, какую могли себе здесь отыскать, но, убедившись потом, что земля, освобожденная от воды, не могла их всех прокормить, они решили разделиться: часть населения осталась в стране со своим царем Димасом, сыном Дардана, а другая часть под предводительством самого Дардана переселилась на остров Самофракия.

Согласно греческому преданию, принимаемому на веру римским писателем Варроном, родиной Дардана был город Феней в северной Аркадии – место весьма знаменитое, ибо, за исключением Копайского озера, ни одна другая долина в Греции с древнейших времен не славится так своими обширными и продолжительными наводнениями, как Фенейская долина. Естественные условия в обеих местностях, по существу, одинаковы. Та и другая представляют собою бассейны в известковом грунте, лишенные поверхностного стока; обе принимают в себя дождевую воду с окружающих гор; в обеих сток воды происходит по подземным каналам, образован-

ным действием воды или землетрясениями в каменных породах, и каждый раз, когда эти каналы забиваются тиной или как-нибудь иначе засоряются, место, которое до того было равниной, превращается в озеро.

Но наряду с этими существенными чертами сходства оба ландшафта имеют свои резко выраженные отличия. Ибо в то время как Копайский бассейн представляет собой обширную гладкую поверхность, немного возвышающуюся над уровнем моря и ограниченную только низкими скалами или отлогими склонами, Фенейский бассейн есть узкая горная долина, замкнутая со всех сторон крутыми мрачными горами, верхние склоны которых одеты темными сосновыми лесами, а высокие вершины несколько месяцев в году бывают покрыты снегом. Река Ладон, питаемая этим бассейном через подземный проток, по своей романтической красоте превосходит все реки Греции. Песчаные берега Ладона, поросшие лилиями, вдохновляли Мильтона. Даже прозаик Павсаний воскликнул, что нет более прекрасной реки ни в Греции, ни в чужих странах.

И среди моих личных воспоминаний, которые я сохранил о Греции, ни одно не возбуждает во мне такого восторга, как воспоминание о проведенных здесь днях, когда я прошел по течению этой реки от ее истока в прелестном озере до родников на правом склоне горы и дальше до глубокого, покрытого лесом ущелья, через которое она шумно бежит, перескакивая со скалы на скалу и выбрасывая зеленовато-белую пену,

чтобы догнать священный Алфей. Через Фенейскую долину река Ладон пробила себе путь под землей, который время от времени засыпался землетрясениями, вследствие чего приостанавливалось течение реки. Когда я находился у родников Ладона в 1895 г., один местный крестьянин рассказал мне, что три года назад после сильного землетрясения вода в реке исчезла на три часа, дно ее обнажилось, и на сухой земле показались рыбы. Через три часа возобновилось слабое течение воды, а спустя три дня после шумного взрыва хлынули бурные потоки.

Подобные перерывы в течении реки отмечались и в древности, и в наше время, и всякий раз, когда завалы оказывались длительными, в Фенейской долине появлялось озеро различной величины и глубины в зависимости от степени засорения подземного прохода. По словам Плиния, таких перемен в состоянии долины, т. е. переходов от мокрого состояния к сухому и обратно, до его времени насчитывалось всего пять, все эти перемены объяснялись землетрясениями. Во времена Плутарха произошло столь сильное наводнение, что вся долина очутилась под водой. Набожные люди приписывали это наводнение несколько запоздалому гневу Аполлона против Геркулеса, который около тысячи лет тому назад украл пророческий треножник бога из Дельф и перенес его в город Феней. Но несколько позже, в том же столетии, вода в озере снова иссякла; это видно из того, что греческий путешественник Павсаний нашел дно долины совершенно сухим

и о прежнем существовании озера знал только по рассказам. В долине, испытавшей столько переходов от воды к суше, от широкого озера с голубой, как в море, водой к обширным полям с желтыми колосьями хлеба, предания о великом потопе не могут быть легко отвергнуты; напротив, здесь все говорит об их достоверности. Поэтому сказание о Дардане, уроженце Фенейской долины, который был вынужден бежать от большого наводнения, затопившего поля и низменности и прогнавшего жителей на высокие горы, по-видимому, имеет под собой реальные факты. То же самое следует сказать и об упоминаемом Павсанием потопе, которым был затоплен древний город Феней, у северного края озера.

Покинув свою родину в гористой Аркадии, Дардан, по преданию, переселился на остров Самофракия. По одной версии легенды, он переправился туда на плоту, по другой, великий потоп застиг его не в Аркадии, а на острове Самофракия. Он спасся от гибели на надутом кожаном мешке, который нес его по волнам, пока он не приплыл к горе Ида, где и основал город Дарданию, или Трою. Известно, что жители Самофракии, гордившиеся своим древним происхождением, утверждали, что первый в мире потоп произошел на их земле. Они рассказывали, что море выступило из берегов и затопило много равнин на их острове и что спасшиеся от потопа люди нашли убежище на высоких горах, которые и теперь еще делают Самофракию одним из наиболее заметных издалека островов в северной части Эгейского моря, так

что в ясную погоду их можно хорошо различить из Трои.

Так как море продолжало преследовать людей в их убежище, то они стали молить богов о спасении, а когда избавились от опасности, то поставили по берегу вокруг всего острова памятники о своем спасении и построили алтари, на которых продолжали и впоследствии совершать жертвоприношения. И еще спустя много веков после великого потопа рыбаки то и дело вылавливали в своих сетях каменные капители колонн, которые свидетельствовали о городах, погибших в морской бездне. Заслуживают внимания причины, которыми самофракийцы объясняли происхождение наводнения. По их словам, катастрофа случилась не от ливня, а вследствие внезапного и чрезвычайно высокого подъема воды в море, вызванного прорывом барьеров, которыми до того времени Черное море отделялось от Средиземного. Огромные массы воды, запруженные этими барьерами, прорвали преграду и пробили себе путь через сушу, образовав таким образом проливы, известные теперь как Босфор и Дарданеллы, через которые с тех пор Черное море сообщается со Средиземным. Когда вода со страшной силой впервые хлынула через вновь образовавшиеся проливы, то она залила большую часть азиатского берега, а также и низменности Самофракии.

Это самофракийское предание подтверждается до некоторой степени новейшими данными геологии. «В не очень отдаленную от нас эпоху, — говорит Гексли, — Малая Азия была

неразрывно соединена с Европой посредством полосы земли на месте теперешнего Босфора, которая служила барьером в несколько сот футов высоты, запиравшим воды Черного моря. Обширные пространства Восточной Европы и западной части Средней Азии представляли, таким образом, огромный резервуар, причем самая низкая часть его берегов, возвышавшаяся, вероятно, более чем на 200 футов над уровнем моря, совпадала с теперешним южным водоразделом Оби, впадающей в Северный Ледовитый океан. В этот бассейн вливали свои воды величайшие реки Европы – Дунай и Волга и тогдашние большие азиатские реки – Окс и Яксарт со всеми промежуточными реками.

Сверх того, он принимал в себя избытки вод озера Балхаш, которое тогда было гораздо больше, чем теперь, а также внутреннего моря Монголии. В то время уровень Аральского моря был по крайней мере на 60 футов выше, чем теперь. Вместо отдельных теперешних Черного, Каспийского и Аральского морей было одно обширное Понто-Аральское Средиземное море, которое, по-видимому, имело своим продолжением заливы и фиорды в низовьях Дуная, Волги (где каспийские раковины и теперь еще попадаютя вплоть до Камы), Урала и других впадающих в это море рек, а избыток своих вод оно, вероятно, отдавало на север через нынешний бассейн Оби».

Этот огромный резервуар, или обширное внутреннее море, прегражденное естественной дамбой, соединяющей Ма-

люю Азию с Балканским полуостровом, очевидно, существовал до плейстоценового периода; а пролив Дарданеллы, через который сдерживаемые ранее воды пробили себе наконец дорогу в Средиземное море, образовался, вероятно, к концу плейстоценового периода или позже. Человек же, как теперь достоверно установлено, появился в Европе уже в плейстоценовом периоде; некоторые полагают, что он существовал здесь уже в плиоценовом или даже в миоценовом периоде. Поэтому следует признать вполне возможным, что жители Восточной Европы сохранили память об обширном внутреннем Понто-Аральском море и о его частичном усыхании благодаря прорыву дамбы, отделявшей его от Средиземного моря, иначе говоря, благодаря образованию Босфора и Дарданелл. Если это так, то самофракийское предание, пожалуй, содержит в себе немалую долю исторической правды относительно причин, вызвавших катастрофу.

С другой стороны, предание о самой катастрофе не находит себе подтверждения в данных геологии. Имеются доказательства того, что образование Дарданелльского пролива произошло не вдруг, подобно прорыву дамбы под напором воды или вследствие землетрясения, но что, наоборот, мы здесь имеем дело с постепенным и медленным процессом размывания, продолжавшимся, вероятно, целые века или даже тысячелетия. Дарданеллы «ограждены непрерывными плейстоценовыми пластами толщиной в сорок футов, в которых, по всей видимости, мало-помалу образовался проход».

Таким образом, понижение уровня Понто-Аральского моря до уровня Средиземного едва ли произошло внезапно и сопровождалось катастрофическим наводнением азиатских и европейских берегов; гораздо правдоподобнее, что оно совершалось весьма медленно и постепенно, результат, достигнутый в течение одного человеческого поколения, оставался бы незаметным не только для обыкновенных наблюдателей, но даже для исследователей, вооруженных точными инструментами. А потому неправильно будет допустить, что самофракийское сказание основано на прямом воспоминании об огромном наводнении, вызванном образованием Дарданелл.

Можно предположить, что эта легенда о великом потопе есть не что иное, как гипотеза какого-нибудь древнего ученого, который правильно угадал способ образования проливов, не представляя себе при этом крайней медленности, с какой природа совершала процесс их прорытия. Известно, что выдающийся древний философ-натуралист Стратон, сменивший Теофраста в качестве главы перипатетической школы в 287 г. до н. э., действительно держался такого взгляда по чисто теоретическим основаниям, не ссылаясь при этом на какое-либо старинное предание, а исходя из собственных наблюдений над некоторыми особенностями Черного моря. Он указывал на огромные массы ила, ежегодно наносимого большими реками в Понт Эвксинский, утверждая при этом, что, не будь выхода через Босфор, все море с течением времени оказалось бы запружено илом. Далее, он предположил,

что в прежние времена те же самые реки пробили себе путь через Босфор, дав выход скоплению своих вод сперва в Пропондиту, а затем из нее через Дарданеллы в Средиземное море. Равным образом он считал, что Средиземное море некогда было озером и что с Атлантическим океаном оно соединилось впоследствии, когда запруженная вода пробила выход через Гибралтар. Поэтому мы вправе заключить, что причина, которой самофракийцы объясняли великий потоп, вытекала скорее из остроумной догадки, а не из древнего предания.

Есть некоторое основание думать, что сказание о потопе, которое греки связывали с именем Девкалиона и Пирры, точно так же было не столько воспоминанием о действительном происшествии, сколько выводом, основанным на наблюдении известных явлений природы. Выше мы видели, что, по одной легенде, потоп во времена Девкалиона разделил горы Фессалии, а по другому рассказу, ковчег, на котором плыл Девкалион, пригнало течением к горе Отрис в Фессалии. Эти указания, казалось бы, позволяют нам считать Фессалию первоначальной родиной легенды; к тому же это подтверждается мнением древних о причинах формирования ландшафта этой страны. Так, Геродот приводит предание о том, что некогда Фессалия была большим озером, или внутренним морем, запертым со всех сторон высокими горами – Оссой и Пелионом, Олимпом, Пиндом и Отрисом, между которыми еще не существовало прохода для стока воды.

Впоследствии, по словам фессалийцев, бог моря Посейдон, причиняющий землетрясения, дал озеру выход, пробив в горах узкое Темпейское ущелье, по которому с тех пор потекла река Пеней, осушая Фессалийскую равнину.

Благочестивый историк как будто признает, что это местное предание соответствует истине. Он говорит: «Всякий, кто верит, что Посейдон потрясает землю и что образованные землетрясениями бездны – дело его рук, при взгляде на ущелье, где протекает Пеней, наверное, скажет, что Посейдон его сделал; ибо разъединение гор, мне думается, непременно произошло вследствие землетрясения». Этот взгляд «отца истории», по существу, разделяли позднейшие древние писатели, хотя один из них приписывал создание ущелья и осушение озера герою Геркулесу, которому в числе многих других благодетельных для человечества подвигов, по господствовавшему мнению, принадлежало устройство водоемов. Более осторожные или более научно мыслявшие писатели ограничивались тем, что объясняли образование ущелья землетрясением, не делая ссылок на богов или героев как на причину этого великого катаклизма.

Неудивительно, что народ склонен был объяснять эти явления природы сверхъестественным вмешательством богов или героев: природные особенности Темпейского ущелья как нельзя более способны вызвать в душе человека суеверный страх, представление о каких-то могучих изначальных силах, которые по гигантским размерам своей деятельности

представляют разительный контраст с ничтожными делами людей. Путешественник, спускающийся утром с западной стороны в этот глубокий проход, видит высоко над собой снега Олимпа, окрашенные золотым румянцем восходящего солнца. Но, спустившись ниже по тропинке, он теряет из виду горные вершины, справа и слева перед его глазами встают стеной громадные, уходящие ввысь величественные утесы. Местами они настолько сближаются, что кажется, будто сейчас совсем столкнутся вплотную, и едва оставляют место у подножия для дороги и реки да еще для узенькой полосы голубого неба над головой. Лишь только дорога сворачивает на южный или правый берег реки, перед глазами путешественника открываются скалы на склоне Олимпа, самые великолепные и самые удивительные во всей Греции. В дождливую погоду они поражают еще более своими низвергающимися водопадами, вздувающими ровную и спокойную поверхность реки.

Наиболее величественный вид открывается в середине ущелья, где вздымается гигантская скала с парящей в небе вершиной, увенчанной развалинами римской крепости. Но грандиозность картины несколько смягчается обилием и зеленью растительности. В некоторых местах ущелья утесы расступаются, давая место у своего подножия лужайкам с вечнозелеными зарослями лавра, мирта, дикой оливы, земляничного дерева и целомудренника, увитых плющом и диким виноградом; зелень пестреет пурпуром олеандров, зо-

лотом жасмина и альпийского ракитника. Воздух насыщен сладким ароматом бесчисленного множества деревьев и цветов. Даже в самых узких местах берег реки скрыт в тени платанов, их корни и свисающие ветви купаются в потоке, а густая листва образует крону, едва пропускающую солнечные лучи. Сами скалы, изрезанные рубцами и трещинами, покрыты карликовыми дубами и кустарником всюду, где можно было пустить корни, и их зелень ложится яркими пятнами на обнаженной белой поверхности известковых громад; а сквозь расщелины в скалистой стене то здесь, то там открывается панорама дубовых и хвойный лесов, карабкающихся по крутым склонам.

Тенистые своды и нежная растительность особенно поражают своей неожиданностью путешественника, если он приходит в эту лошину в жаркий летний день, оставив только что пыльные и знойные равнины Фессалии, без единого дерева для защиты от палящих лучей южного солнца, без малейшего освежающего ветерка, с редкими переходами от холмов к низинам, несколько ослабляющими скучное однообразие ландшафта. Не приходится поэтому удивляться, что человек стал рано задумываться над происхождением этого величественного и прекрасного ущелья, что первобытная религия и наука одинаково приписывали его происхождение какому-то великому катаклизму в незапамятные времена, какому-то внезапному и страшному извержению вулканических сил, а не настоящей причине – медленно, веками

происходящей под действием воды эрозии пород.

Отсюда мы можем с некоторой уверенностью заключить, что трещина в фессалийских горах, которая, по преданию, образовалась вследствие Девкалионова потопа, есть не что иное, как Темпейское ущелье. Не будет легкомыслием с нашей стороны, если мы пойдем еще дальше и предположим, что сама легенда о потопе была подсказана желанием объяснить происхождение глубокого и узкого ущелья. Ибо раз люди знали о существовании большого озера, окаймленного кольцом фессалийских гор, то у них, естественно, могла возникнуть мысль о том, какое огромное наводнение должно было последовать за прорывом перемычки, когда вода, получившая свободный выход, хлынула потоком через только что образованный проход, затопляя прилегающие низменности и оставляя на своем пути опустошение и гибель. Если в таком предположении есть хоть некоторая доля истины, то фессалийское сказание о Девкалионовом потопе и самофракийское сказание о Дардановом потопе имеют под собою одну и ту же почву: оба они явились выводами из фактов, относящихся к области физической географии; ни одно из них не содержит в себе каких-либо воспоминаний о действительных событиях. Короче говоря, оба сказания представляют собою то, что Эдуард Тайлор называет «мифом наблюдения», а не историческую традицию.

Древнеиндийское сказание о великом потопе

Никакой легенды о великом потопе мы не находим в Ведах, этом древнейшем литературном памятнике Индии, составленном, по-видимому, между 1500 г. и 1000 г. до н. э., когда арии жили в Пенджабе и еще не проникли на восток, в долину Ганга. Но в позднейшей санскритской литературе неоднократно встречаются различные версии сказания о потопе, причем каждая из них при общем сходстве сохраняет свои особенные детали. Здесь достаточно будет привести древнейшее из известных нам преданий, содержащееся в так называемом Сатапатха Брахмана, важном прозаическом сочинении по вопросам священного ритуала, написанном, как полагают, незадолго до появления буддизма, т. е. не позднее VI в. до н. э. Арийцы в это время занимали верхнюю часть долины Ганга, а также долину Инда, но, вероятно, почти не испытывали воздействия со стороны культур Западной Азии и Греции. Мощное влияние греческих идей и греческого искусства, бесспорно, началось спустя несколько веков, с нашествием Александра Великого в 326 г. до н. э. Содержание легенды о великом потопе таково. «Утром принесли Ману воду для умывания, совершенно так же, как теперь ему всегда приносят воду для омовения рук. Когда он умывался, ему попала в руки рыба. Она сказала ему такое слово: „Взрасти

меня, и я спасу тебя!“ – „От чего ты спасешь меня?“ – „Потоп снесет все земные создания; я спасу тебя от потопа!“ – „Как же мне взрастить тебя?“ Рыба ответила: „Пока мы малы, нам не миновать гибели: одна рыба пожирает другую. Сперва ты будешь держать меня в кувшине; когда я перерасту кувшин, ты выроешь колодезь и там будешь держать меня. Когда я перерасту колодезь, тыпустишь меня в море, ибо тогда мне уже нечего бояться гибели“. Скоро рыба стала гхашей (ghasha – большая рыба), а эта порода – самая крупная среди рыб. После этого она сказала: „В таком-то и таком-то году произойдет потоп. Ты должен тогда вспомнить обо мне и построить судно, а когда начнется потоп, взойди на него, и я спасу тебя от потопа“. Взрастив рыбу так, как она просила, Ману пустил ее в море. И в том самом году, который предсказала рыба, он вспомнил ее совет и построил судно, а когда начался потоп, он взошел на него. Тогда рыба подплыла к нему, и он привязал канат от своего судна к ее плавнику и таким образом скоро приплыл к той далекой горе, что на севере. Тут рыба сказала ему: „Я спасла тебя; привяжи теперь судно к дереву, но смотри, чтобы вода не снесла тебя, пока ты будешь оставаться на горе; когда же вода спадет, ты можешь понемногу спуститься вниз“. И он понемногу спустился с горы. Вот почему тот склон северной горы называется „спуск Ману“. Потопом были уничтожены все создания; один лишь Ману уцелел...

Желая иметь потомство, он стал вести благочестивую и

строгую жизнь. Он также совершил жертвоприношение «пака»: стоя в воде, принес жертву из осветленного масла, кислого молока, сыворотки и творога. От этого через год произошла женщина. Когда она стала совсем плотной, то поднялась на ноги, и, где она ни ступала, следы ее оставляли чистое масло. Митра и Варуна, повстречавшись с ней, спросили: «Кто ты такая?» – «Я дочь Ману», – отвечала она. «Скажи, что ты наша дочь», – сказали они. «Нет, – настаивала она, – я дочь того, кто произвел меня». Тогда они пожелали иметь в ней долю, но она, не сказав ни «да» ни «нет», прошла мимо. Она пришла к Ману, и он спросил ее: «Кто ты такая?» – «Твоя дочь», – отвечала она. «Как, ты, слава творения, ты – моя дочь?» – спросил он. «Да!» – сказала она. «Теми жертвами из чистого масла, кислого молока, сыворотки и творога, которые ты принес в воде, ты произвел меня. Я – благодать; используй меня, когда будешь приносить жертвы. И если ты используешь меня, когда будешь приносить жертвы, то станешь богат потомством и скотом. Всякое благо, какое ты вздумаешь просить через меня, будет дано тебе». И вот он стал пользоваться ею во славу бога в середине жертвоприношения, а середина жертвоприношения – это все, происходящее между вступительной и заключительной жертвой. Вместе с ней он продолжал вести благочестивую и строгую жизнь, желая иметь потомство. Через нее он произвел человеческий род, род Ману, и всякое благо, которое он просил через нее, было дано ему».

Современные индийские сказания о великом потопе

Бхилы, дикое племя, живущее в джунглях Центральной Индии, рассказывают, что однажды некий благочестивый человек (dhobi), стиравший обыкновенно свою одежду в реке, был предупрежден рыбой о том, что предстоит великий потоп. Рыба сказала ему, что из благодарности за доброе к ней отношение и за то, что он кормил ее, она пришла с этим предостережением и советует ему сделать большой ящик, в котором он мог бы спастись. Благочестивый человек послушался ее, сделал ящик и поместился в нем вместе с сестрой своей и с петухом.

После потопа Рама ¹⁶ послал гонца узнать о положении вещей. Гонец услышал пение петуха и таким образом обнаружил ящик. После этого Рама велел принести ящик и спросил человека, кто он такой и как ему удалось спастись. Человек рассказал все, как было. Тогда Рама заставил его стать лицом сперва к северу, потом к востоку и к западу и поклясться в том, что женщина действительно его сестра. Человек продолжал настаивать на своем. Но Рама повернул его лицом к югу, после чего человек отказался от своих первоначальных слов и признался, что та женщина была ему женой. Потом

¹⁶ Рама – герой древнеиндийского эпоса «Рамаяна» и «Махабхарата». В индуизме почитается как одно из земных воплощений бога Вишну. – С. Т.

Рама спросил, кто посоветовал ему спастись, и, узнав, что то была рыба, тут же велел вырезать ей язык. С тех пор у этой породы рыб нет языка. Совершив свой суд над болтливой рыбой, Рама приказал человеку заселить опустошенный мир. И вот человек женился на сестре своей и прижил с ней семеро сыновей и семеро дочерей. Первородный сын получил от Рамы в подарок лошадь, но, не умея ездить верхом, оставил лошадь в поле и пошел в лес рубить дрова. Так он стал дровосеком, и потомки его, бхилы, до сих пор остаются дровосеками.

В этом предании бхилы рассказ о том, что рыба предупредила своего благодетеля — человека о предстоящем потопе, слишком похож на аналогичный рассказ в санскритской легенде о потопе, чтобы считать его самостоятельным. Можно лишь поставить вопрос: позаимствовали ли бхилы это предание от ариев-завоевателей, или, наоборот, не переняли ли его арии от туземцев, которых они застали во время своего расселения по стране? В пользу этого последнего предположения говорит то обстоятельство, что сказание о потопе не встречается в наиболее древней санскритской литературе, а впервые появляется в книгах, написанных значительно позже того, как арии осели в Индии.

Камары, небольшое дравидское племя, живущее в округе Райпур и прилегающих к нему штатах в центральных провинциях Индии, сохранили следующее предание о великом потопе. Вначале бог сотворил мужчину и женщину, у кото-

рых на старости лет родилось двое детей, мальчик и девочка. Но бог послал на землю потоп, чтобы погубить шакала, который вызвал его гнев. Старик и старуха, прослышав о приближающемся потопе, укрыли своих детей в дупле колоды, снабдив их пищей на все время потопа, и закрыли дупло. Потоп наступил и продолжался двенадцать лет. Старик со старухой и все, что жило на земле, потонули в потоке, но колода продолжала плыть на поверхности воды. Спустя двенадцать лет бог создал двух птиц и послал их посмотреть, не потонул ли также его враг – шакал. Птицы облетели весь мир и нигде ничего не увидели, кроме плывущей по воде колоды. Они спустились на нее и вскоре услышали тихие и слабые голоса, раздававшиеся изнутри колоды. То были голоса детей, говоривших между собой о том, что у них осталось пищи не более чем на три дня. Тогда птицы улетели и рассказали обо всем богу; бог прекратил потоп, достал из колоды детей и выслушал рассказ об их приключениях. Потом бог унес их наверх, и в назначенное время они поженились. Каждому родившемуся у них ребенку бог дал имя особой касты. От всех их детей произошли живущие на земле люди. В этом сказании эпизод о двух птицах напоминает ворона и голубя библейской легенды, которая могла стать известной камарам благодаря влиянию миссионеров.

Аналы, живущие в Ассаме, рассказывают, что во время оно весь мир был затоплен. Все люди утонули, и остались в живых только мужчина и женщина, которые убежали на

самую высокую вершину горы Ленг; там они взобрались на верхушку большого дерева и спрятались в его ветвях. Дерево росло возле обширного пруда с водой, чистой, как глаза у вороны. Усевшись на дереве, они провели там всю ночь, и каково же было их удивление, когда на следующее утро они увидели, что превратились в тигра и тигрицу. Обратив внимание на печальное состояние мира, создатель по имени Патхиан, послал мужчину и женщину, живших в пещере на холме, вновь заселить потопленный мир. Но когда они выбрались из пещеры, то при виде тигра и тигрицы на них напал такой страх, что они взмолились создателю: «О, отец наш, ты послал нас вновь заселить мир, но как же мы можем исполнить твое желание, когда весь мир находится под водой, а единственное место, где мы могли бы найти приют, занято двумя жестокими зверями, которые норовят проглотить нас; подай нам силы убить этих животных». После этого они убили обоих тигров, зажили счастливо и народили много сыновей и дочерей, которые вновь заселили мир после потопа.

Сказания о великом потопе в Восточной Азии

По словам каренов, живущих в Бирме, земля была некогда залита потопом, но два брата спаслись на плоту. Когда вода поднялась до неба, младший брат заметил манговое де-

рево, свешивавшееся вниз с небесного свода. У него хватило присутствия духа, чтобы вскарабкаться на дерево, и он начал есть его плоды; но в это самое время вода потопа стала быстро спадать, и он остался висеть на дереве. На этом месте рассказ обрывается, и нам предоставляется самим строить догадки о том, как он выпутался из такого опасного положения.

У племени цзингпо, или джингпо, в Верхней Бирме существует такое предание о великом потопе. Когда начался потоп, некий Поупоу Нан-чаунг и сестра его Чанг-хко спаслись в большой лодке. Они взяли с собой девять петухов и девять иголок. После нескольких дней дождя и бури они бросили за борт одного петуха и одну иголку, чтобы узнать, не спала ли вода. Но петух не запел, и также не было слышно, как иголка упала на дно. Так они делали день за днем и все с одинаковым результатом; наконец на девятый день последний петух запел, и слышно было, как последняя иголка ударилась о скалу. Вскоре после того брат и сестра смогли уже выйти из лодки и пошли куда глаза глядят, пока не набрали на пещеру, где жили два духа в образе мужчины и женщины. Духи велели им остаться и заняться работой – расчищать джунгли, пахать землю, колоть дрова и таскать воду. Брат с сестрой послушались. Сестра вскоре родила ребенка. Пока родители находились на работе, женский дух, который был старой ведьмой, ухаживал за ребенком, и каждый раз, когда ребенок начинал плакать, эта отвратительная ведьма грозила

ребенку, что если он не перестанет кричать, то она изрубит его на мелкие кусочки на перекрестке, где сходятся девять дорог. Бедное дитя не понимало смысла этой ужасной угрозы и продолжало плакать. Наконец однажды старая ведьма, придя в ярость, схватила ребенка, побежала с ним на перекресток, где сходятся девять дорог, и здесь изрубила его на куски; после этого она разбросала их и разбрызгала кровь по всем дорогам и по всей земле вокруг, а несколько лакомых кусков принесла с собой в пещеру и приготовила из них вкусное блюдо. Кроме того, она положила обрубок дерева в пустую кроватку ребенка. Вечером, когда мать вернулась с работы и спросила про ребенка, ведьма ответила: «Ребенок спит, садись есть свой рис». Мать съела рис и блюдо, приготовленное ведьмой, а потом подошла к кроватке, но увидела в ней только обрубок дерева. Когда она затем спросила снова, где же ребенок, то ведьма ответила угрюмо: «Ты съела его». Несчастливая мать выбежала из дома и, стоя на перекрестке дорог, громко рыдала и взмолилась великому духу, чтобы он вернул ей ребенка или отомстил за его смерть. Но великий дух явился к ней и сказал: «Я не могу составить снова твоего ребенка из кусков, но зато я сделаю тебя матерью всех народов на земле». И вдруг появились все народы земли: по одной дороге шли шаны, по другой – китайцы, по остальным – бирманцы, бенгальцы и прочие, а мать, у которой был отнят ребенок, считала их всех своими детьми, потому что все они произошли от разбросанных частей ее уби-

того ребенка. Банары, первобытное племя в Кохинхине, сохранили такое предание. Коршун когда-то поссорился с крабом и так ударил его клювом по черепу, что пробил в нем дыру, которая до сих пор еще осталась видна. Чтобы отомстить за обиду, краб вздул море и реки до самого неба, и все живые существа погибли, кроме двух – брата с сестрой, которые спаслись в огромном ящике. Они взяли с собой по паре от каждого вида животных, плотно закрыли ящик крышкой и плавали по воде семь дней и семь ночей. Наконец брат услышал пение петуха, которого духи послали возвестить нашим прародителям, что потоп прекратился и что они уже могут выйти из ящика. И вот брат выпустил на волю сперва всех птиц, потом остальных животных, а затем и сам с сестрой вышел на сушу. Оба не знали, как они будут дальше жить, потому что съели уже весь рис, которым запаслись. Но черный муравей принес им два зерна риса; брат посеял их, и на следующее утро все поле было покрыто обильным урожаем. Так спаслись брат и сестра.

Люди из другого первобытного племени – бенуа-джакун, составляющие туземное население государства Джохор на полуострове Малакка, уверены, что земля под нашими ногами непрочна, так как она не более, чем кожа, протянутая над бездной вод. В стародавние времена Пирман, т. е, божество, пробил эту кожу так, что весь мир был потоплен и уничтожен великим наводнением. Но Пирман сотворил мужчину и женщину и поместил их на судне, построенном из де-

рева пулай; оно было закрыто со всех сторон и не имело никаких отверстий. На этом судне оба человека плыли некоторое время, и волны бросали их из стороны в сторону, пока наконец судно не пристало к берегу. Тогда мужчина и женщина прогрызли отверстие в борту судна и вышли на сушу. Вначале все было покрыто мраком; не было ни утра, ни вечера, потому что солнце не было еще сотворено. Когда появился свет, они увидели семь небольших кустов рододендрона и семь лужаек, поросших травой самбау. Они сказали друг другу: «Ах, как нам плохо без детей или внуков!» Но через некоторое время женщина зачала в икрах своих ног, и из правой икры вышел мальчик, а из левой икры вышла девочка. Вот почему потомство одного и того же чрева не может вступать между собою в брак. Весь род человеческий произошел от этих двух детей, первой человеческой пары.

Легенда о великом потопе играет большую роль в фольклоре племени лоло, занимающего почти неприступные горы Юньнана и других провинций Юго-Западного Китая, где племя это сумело отстоять свою независимость от захватнических посягательств китайцев. Лоло настолько далеко ушли от первобытного состояния дикарей, что даже изобрели особый род иероглифического письма, посредством которого они записали свои сказки, песни, генеалогию и религиозный ритуал. Рукописи их в списках переходили от поколения к поколению. Лоло верят в патриархов, живущих теперь на небесах, а ранее живших на земле, где они достигали глу-

бокой старости в 660 и даже в 990 лет, превзойдя, таким образом, своим долголетием самого Мафусаила. Каждая семья, охватывающая всех лиц, объединенных общим прозвищем, поклоняется своему особому патриарху. Самый известный из этих легендарных патриархов – Це-гу-дзих, которому приписываются некоторые свойства божества. Это он принес смерть в мир, открыв роковой ящик, содержащий семена смерти, он же наслал потоп. Катастрофа произошла так. Люди были нечестивы, и Це-гу-дзих отправил к ним на землю гонца, который попросил дать ему немного плоти и крови от смертного. Но никто не захотел дать, за исключением одного лишь человека по имени Ду-му. Тогда разгневанный Це-гу-дзих закрыл дождевые шлюзы, и воды поднялись до самого неба.

Но Ду-му, который исполнил требование божества, спасся вместе со своими четырьмя сыновьями в выдолбленной колоде из дерева *pieiris*. Вместе с ним в той же колоде спаслись выдры, дикие утки и миноги. От его четырех сыновей произошли такие культурные народы, умеющие писать, как китайцы и лоло. А невежественные народы произошли от тех деревянных фигур, которые Ду-му сделал после потопа, чтобы заселить обезлюдившую землю. До сих пор родословные таблицы предков, которые служат для лоло предметом культа в определенные дни года и во всех важнейших событиях жизни, делаются из того самого дерева, на котором их великий родоначальник нашел некогда спасение от потопа, и по-

что все легенды у лоло начинаются упоминанием о нем и потопе. При выяснении происхождения этой легенды следует иметь в виду, что лоло отдыхают через каждые пять дней на шестой; в этот день запрещается пахать землю, а в некоторых местах женщинам не позволено шить и стирать. Сопоставляя с этим обычаем предания племени лоло о патриархах и о потопе, мы обнаруживаем в них следы христианского влияния. По всей видимости, А. Генри правильно объясняет их влиянием несторианских миссионеров, ибо несторианские церкви существовали в Юньнани еще в XIII в., когда Марко Поло путешествовал по этой стране, а несторианец Алопен, как предполагают, посетил Китай еще в 635 г.

У камчадалов имеется предание о великом потопе, затопившем всю страну в первые дни существования мира. Немногие люди спаслись на больших плотях, составленных из стволов деревьев, связанных вместе; на эти плоты люди погрузили свое имущество и припасы и плыли по течению, бросая вместо якорей камни, обвязанные ремнями, чтобы не дать потоку унести их в море. Когда наконец вода спала, то люди и плоты очутились на суше у горных вершин.

В одной китайской энциклопедии встречается следующее место: «Восточная Татария. На пути от берега Восточного моря до Челу не встречается ни ручьев, ни прудов, хотя страна изрезана горами и долинами. Тем не менее в песке очень далеко от моря находят устричные раковины и щиты крабов. У населяющих эту страну монголов с незапамятных времен

существует предание, будто в глубокой древности потоп залил страну, а после потопа все места, находившиеся под водой, оказались покрытыми песком».

Сказания о великом потопе на островах Малайского архипелага

Батаки на Суматре рассказывают, что, когда земля стала старой и грязной, создатель, которого они называют Дебата, наслал великий потоп, чтобы истребить все живые существа. Последняя человеческая чета нашла себе убежище на вершине высочайшей горы, и воды потопа уже доходили ей до колен, когда «господин всего сущего» раскаялся в своем намерении положить конец человеческому роду. Тогда он взял ком земли, обмял его, привязал к нему нитку и бросил его на поднимающуюся воду, а человеческая пара вступила на него и таким образом спаслась. Когда ее потомство размножилось, то ком земли разросся и превратился в ту самую землю, на которой мы ныне живем.

У туземцев острова Энгано, лежащего к западу от Суматры, также имеется сказание о великом потопе. Однажды, говорят они, морской прилив поднялся так высоко, что залил весь остров, все живые существа потонули; осталась в живых только одна женщина. Своим спасением она была обязана счастливой случайности, а именно: когда она плыла по воде, уносимая течением, то волосы ее запутались в колючем де-

реве, это дало ей возможность взобраться на дерево. Когда схлынули воды потопа, она спустилась с дерева и со скорбью увидела себя одинокой во всем мире. Муки голода заставили ее бродить по земле в поисках пищи. Не найдя ничего съедобного, она в отчаянии вернулась на берег, где еще надеялась поймать рыбу. И действительно, она увидела рыбу, но, когда попыталась поймать ее, рыба скользнула к одному из мертвых тел, множество которых плавало в воде и валялось на берегу. Чтобы не упустить ее, женщина подняла камень и ловко бросила его в рыбу, но та скрылась во внутренних частях трупа. Женщина побежала к рыбе, но не успела сделать несколько шагов, как вдруг, к великому своему изумлению, увидела перед собой живого мужчину. Зная, что она была единственным человеком, пережившим потоп, она спросила мужчину, откуда он взялся; тот ответил, что кто-то ударил его мертвое тело, отчего он вернулся к жизни. Тут женщина рассказала ему о всех своих испытаниях, и оба решили попробовать, нельзя ли оживить всех других мертвецов таким же образом, т. е. бросая камни в мертвые тела. Сказано – сделано. Под ударами камней ожили утонувшие люди, и таким образом остров был вновь заселен после великого потопа.

Ибаны, или приморские даяки, из области Саравак на острове Борнео любят рассказывать о том, как нынешний человеческий род пережил великий потоп и как их прародительница открыла искусство добывать огонь. Дело происходило так. Однажды несколько даякских женщин отправились со-

бирать молодой бамбук на корм скоту. Набрав его достаточно, они пошли по джунглям и набрали на какой-то предмет, который приняли за повалившееся большое дерево. Присев на него, они принялись очищать бамбук, как вдруг с удивлением заметили, что ствол дерева под лезвием ножа роняет капли крови. Но тут как раз подошли люди, которые тотчас же догадались, что то, на чем сидели женщины, было не деревом, а громадным удавом в состоянии оцепенения. Они убили змею, разрезали ее на части и отнесли мясо домой для еды. Когда они стали жарить мясо, то услышали странный шум, исходивший от сковороды, и в то же время начался страшный ливень, который с тех пор лил, не переставая, пока все холмы, кроме самых высоких, не оказались затопленными водой. И весь мир потонул, потому что те нечестивые люди убили и зажарили змею. Все люди и животные погибли в потоке, за исключением одной женщины, собаки, крысы и нескольких маленьких созданий, которые убежали на вершину очень высокой горы. Здесь, высматривая, где бы защититься от дождя, женщина заметила, что собака нашла себе теплое местечко под ползучим растением, которое раскачивалось по ветру взад и вперед и согревалось трением о ствол дерева, вокруг которого оно вилось. Женщина поняла, в чем дело, взяла кусок дерева и стала крепко тереть его о ползучее растение, пока не появился огонь – впервые на земле. Так было открыто после великого потопа искусство добывания огня посредством сверла.

Не имея мужа, женщина избрала сверло своим другом и родила от него сына по имени Симпанг-импанг; последний, как показывает само слово, был только наполовину человеком, потому что имел только одну руку, одну ногу, один глаз, одно ухо, одну щеку, половину туловища и половину носа. Эти природные недостатки отталкивали от него его товарищей по играм – животных, и ему наконец удалось избавиться от своего уродства благодаря сделке, заключенной с духом ветра, который стащил у него немного риса, разбросанного им по земле для просушки. Сперва дух ветра на требование Симпанг-импанга о вознаграждении за ущерб прямо отвечал, что не заплатит ни гроша, но, потерпев ряд поражений в борьбе с Симпанг-импангом, предложил в конце концов вместо гонгов и других ценностей, каковых у него и не было, сделать из Симпанг-импанга целого человека, дополнив его недостающими частями тела. Симпанг-импанг охотно согласился на это предложение. Поэтому-то люди с тех пор наделены двумя руками и двумя ногами.

По другой версии даякского предания, в начале потопа некий человек по имени Троу сделал себе лодку из большой деревянной ступы, которая до того служила ему для толчения риса. В эту лодку он сел со своей женой, собакой, свиной, курицей, кошкой и другими живыми существами и пустился плыть по бездне вод. Утлая ладья справилась с бурей, и, когда, прекратился потоп, Троу с женой и животными высадился на берег. Ему теперь предстояла задача вновь засе-

лить землю, после того как был истреблен почти весь род людской. Для этой цели он стал делать себе новых жен из камней, бревен и всего прочего, что попадалось ему под руку. Так он вскоре обзавелся многочисленной счастливой семьей, которая научилась пахать землю и дала родоначальников различных даякских племен.

У племени тораджа в центральной части Целебеса, говорящего на наречии баре, существует сказание о потопе, которым некогда были залиты все высочайшие горы, за исключением вершины горы Вавомпебато, и в доказательство достоверности предания туземцы ссылаются на морские раковины, попадающиеся на вершинах холмов, высотой свыше 2 тыс. футов над уровнем моря. Никто не избег гибели, кроме одной беременной женщины и беременной мыши, которые спаслись в свином корыте, причем вместо весла гребли черпаком до тех пор, пока вода не спала и земля не стала снова обитаема. Тогда женщина начала искать рис для посева и увидела сноп риса, свесившийся с дерева, вырванного с корнем, которое приплыло к берегу в том самом месте, где стояла женщина. С помощью мыши, доставшей с дерева сноп, женщина принялась опять сеять рис. Но прежде мышь выговорила себе в виде вознаграждения за оказанную услугу право на часть урожая. Вот почему мыши ежегодно являются на поля за получением причитающейся им доли спелого риса; однако они не вправе чересчур оголять поля. А женщина, когда пришло время, родила сына, которого, за неимением

никого другого, взяла себе в мужа. С ним она прижила сына и дочь, от которых пошел весь теперешний человеческий род.

Обитатели небольшого острова Роти, лежащего к юго-западу от Тимора, рассказывают, что в стародавние времена море затопило землю, так что все люди и животные потонули, а все

С астения и травы полегли. Не осталось ни одного сухого места, даже самые высокие горы очутились под водой; только вершина Лакимола в местности Бильба одиноко возвышалась над волнами. На этой горе нашел себе убежище один человек со своей женой и детьми. Через несколько месяцев прилив начал затоплять гору все выше и выше, человек и его семья были в большом страхе, ожидая, что вода вот-вот дойдет до них. И они взмолились морю, чтобы оно вернулось в прежние берега. Море ответило: «Я сделаю это, если вы дадите мне животное, чьи волосы я не сумею сосчитать». Тогда человек бросил в пучину сперва свинью, потом козу, собаку и курицу, но все напрасно: море могло сосчитать волосы каждого животного и продолжало наступать на гору. Наконец человек бросил кошку, и на этот раз морю не удалось подсчитать число волос, и оно в смущении отступило. После этого явился морской орел, высыпал в воду немного сухой земли, и человек с женой и детьми спустился с горы и стал искать себе новую родину. А бог велел морскому орлу принести человеку всякие семена – маис, просо, рис, бо-

бы, тыквенное и кунжутное семя, чтобы человек мог посеять их и прокормить себя и семью. Поэтому-то на острове Роти к концу урожая люди выставляют на деревенской площади снопы риса как приношение горе Лакимола. Каждый варит рис и несет его вместе с орехами бетеля, кокосовыми орехами, табаком, бананами и плодами хлебного дерева тоже как жертву горе. Люди пируют и пляшут в знак благодарности Лакимоле и возносят к ней молитвы о ниспослании на будущий год хорошего урожая, чтобы народ имел пищу в изобилии.

У дикарей Андаманских островов в Бенгальском заливе существует легенда о великом потопе, которую можно привести здесь, хотя эти острова, строго говоря, не относятся к Малайскому архипелагу. Дикари эти рассказывают, что спустя некоторое время после появления на свет люди сделались непокорными и равнодушными к велениям создателя, объявленным им при рождении. Тогда разгневанный создатель послал великий потоп, заливший водой всю землю, за исключением вершины Седдл, местопребывания самого создателя. Все, что было живого на земле, люди и животные погибли в водах потопа, кроме двух мужчин и двух женщин, которые, к счастью своему, находились в лодке, когда наступила катастрофа, и потому успели спастись. Когда наконец вода спала, эта горсточка людей высадилась на берег, но положение их было печальное, ибо все остальные живые существа утонули. Однако создатель, который носил имя Пулуга,

милостиво пришел им на помощь и сотворил заново животных и птиц на пользу людям. Оставалось только одно затруднение: нельзя было зажечь огонь, так как потоп погасил пламя в каждом очаге, все предметы, конечно, сильно отсырели. В это время весьма кстати явился на выручку к людям дух одного из их друзей, погибшего во время потопа. При виде их беды он в образе зимородка улетел на небо и здесь нашел создателя, сидевшего у своего очага. Птица дотронулась было до горячей головни, намереваясь отнести ее в своем клюве друзьям, не имевшим огня, но впопыхах, а может быть, от волнения уронила головню на священную особу самого создателя, который, вне себя от негодования и корчась от боли, швырнул пылающую головню в птицу. Но он промахнулся, и головня со свистом пролетела мимо птицы и шлепнулась с неба на землю как раз в то самое место, где четверо людей сидели, дрожа от холода. Так люди добыли огонь после великого потопа.

Согревшись и поразмыслив на досуге обо всем случившемся, эти четыре человека, пережившие потоп, стали роптать на создателя, погубившего всех остальных людей, и пришли в такое раздражение, что даже замыслили убить его. Но сам создатель убедил их отказаться от столь нечестивого намерения, объявив им прямо, что лучше им и не начинать, потому что он тверд, как дерево, и никакие стрелы не поразят его, да еще прибавил, что если они посмеют тронуть его хоть одним пальцем, то за это каждая мать ответит кро-

вью своих сыновей и дочерей. Эта страшная угроза возымела свое действие: они покорились судьбе, а смягченный создатель снисходительно и более спокойным тоном объяснил им, что люди сами навлекли на себя великий потоп своим своеволием и нарушением его велений и что всякое повторение этих преступлений в будущем повлечет за собою достойное возмездие. Это был последний случай, когда создатель явился к людям и говорил с ними лицом к лицу; с тех пор туземцы Андаманских островов никогда больше не видели его, но до сего дня продолжают исполнять его волю со страхом и трепетом.

Сказания о великом потопе в Австралии

Курнаи, туземное австралийское племя в Гипсленде, в Виктории, рассказывают, что некогда был великий потоп: вся страна очутилась под водой, все черные люди утонули, кроме одного мужчины и двух или трех женщин, которые спаслись на илистом острове близ Порт-Альберта. Всюду вокруг них была вода. В это время пеликан, или бунджил-борун, как называют эту птицу курнаи, плыл мимо острова в своей лодке и, увидев, в каком бедственном положении находятся эти люди, пришел им на помощь. Одна женщина оказалась такой красивой, что пеликан влюбился в нее. Когда она захотела войти в лодку, он сказал ей: «Не сейчас, а после» — стал по очереди перевозить остальных людей на материк. Бо-

ясь остаться наедине с перевозчиком, женщина не стала дожидаться его возвращения с последней переправы, а пустилась вплавь к берегу и исчезла из виду. Но прежде чем покинуть остров, она взяла полено, накинула на него свой плащ из меха опоссума и поставила его возле очага, чтобы обмануть перевозчика. Пеликан пришел за женщиной, чтобы перевезти ее, и крикнул ей: «Ну ступай!» Не получив ответа, он рассердился, бросился на мнимую женщину и со всего размаху толкнул полено ногой. Конечно, он только ушиб собственную ногу, а боль и досада за скверную шутку, которую сыграла с ним женщина, привели его в такое раздражение, что он тут же начал себя окрашивать в белый цвет, чтобы вступить в борьбу с мужем обманувшей его бессовестной плутовки. Но пока он еще был занят этими военными приготовлениями и одна половина его тела оставалась черной, а другая была уже белая, вдруг появился другой пеликан; не зная, что делать с таким странным созданием, полубелым и получерным, он ударил его своим клювом и убил на месте. Вот почему теперь у пеликанов черный цвет перемежается с белым; до потопа они были сплошь черные.

По словам аборигенов Виктории, живущих у озера Тайерс, великий потоп произошел следующим образом. Одна громадная лягушка некогда проглотила всю воду на земле, и никто не мог достать нигде ни капли воды для питья. Положение было совершенно невыносимое, особенно для рыб, которые бились на суше с открытыми ртами. И вот живот-

ные стали совещаться, как быть, и решили, что нет лучшего средства помочь беде, как заставить лягушку рассмеяться и таким образом изрыгнуть всю воду. Вслед за этим они собрались перед лягушкой и стали проделывать такие забавные прыжки и ужимки, что всякий другой умер бы со смеху. Но лягушка даже не усмехнулась. Она сидела, мрачная и безмолвная, с большими выпученными глазами и вздутыми щеками, важная, как судья. Желая испытать последнее средство, угорь ступил ей на хвост и стал вертеться, прыгать и кривляться самым уморительным образом. Тут уж лягушка не могла больше удержаться. С лица ее исчезло строгое выражение, и она наконец разразилась таким смехом, что слезы потекли из глаз и вода хлынула изо рта. Оказалось, однако, что животные получили больше, чем добивались, так как вода, выпущенная лягушкой, образовала великий потоп, в котором погибло много людей. Да и все человечество, наверное, потонуло бы, если бы тут не подвернулся пеликан, который подобрал к себе в лодку всех оставшихся в живых людей и тем самым спас им жизнь.

Сказания о великом потопе в Новой Гвинее и Меланезии

В округе Кабади, британской части Новой Гвинеи, у туземцев существует предание о том, что когда-то человек по имени Логеро и его младший брат рассердились на местных

жителей и бросили человеческую кость в небольшую речку; вскоре после этого речка широко разлилась и образовала море, затопившее все низменности. Люди убежали в горы, где им пришлось, спасаясь от воды, взобраться на высочайшие вершины. Там они жили до тех пор, пока море не отступило, и тогда некоторые из них спустились в низменности, а другие остались в горах, где построили себе дома и развели плантации.

Вальманы, живущие на северном берегу Новой Гвинеи, рассказывают, что однажды жена одного очень праведного человека увидела большую рыбу, плавающую у берега. Она подозвала мужа, но тот никак не мог рассмотреть ее. Женщина посмеялась над ним и спрятала его за банановым деревом, чтобы он сквозь листья выслеживал рыбу. Когда он наконец разглядел ее, то страшно испугался и приказал своим детям не трогать эту рыбу. Но другие люди взяли лук, стрелы и веревку, убили рыбу и вытащили ее на берег. Хотя праведник предостерегал их, чтобы они не ели рыбу, они его не послушались. Тогда он тут же угнал животных наверх в лес, по паре от каждой породы, а сам со своей семьей взобрался на кокосовую пальму. Не успели нечестивые люди съесть рыбу, как вода поднялась со дна и с такой силой хлынула на землю, что никто не успел спастись. Все люди и животные потонули. Когда вода достигла верхушки самого высокого дерева, она столь же быстро спала. После этого праведник спустился с дерева вместе с семьей и стал разводить новые плантации.

Туземцы, живущие по реке Мамберамо, в голландской части Новой Гвинеи, рассказывают о великом потопе, вызванном разливом реки; вода залила даже гору Ванесса. Спаслись лишь один человек и его жена вместе со свиньей, казуаром, кенгуру и голубем. Эти люди и стали прародителями всего нынешнего человечества, а животные и птицы – прародителями всего существующего животного мира. Кости утонувших животных доныне еще лежат на горе Ванесса.

На островах Фиджи сложилась легенда о великом потопе, который на языке туземцев называется валаву-леву; по словам одних туземцев, он имел местный характер, а по словам других – всеобщий. Потоп произошел следующим образом. У великого бога Нденгея была чудо-птица, которая каждое утро будила его своим пением. Однажды два внука его не то случайно, не то умышленно убили птицу своими стрелами, а тело похоронили в земле, чтобы скрыть следы преступления. Бог из-за этого заспался и, жалея о пропаже любимой птицы, послал своего гонца Уто разыскать ее. Но поиски были напрасны, и гонец доложил богу, что нигде не нашел следов птицы. Вторичные поиски оказались, однако, более удачными и обнаружили преступление обоих внуков бога. Чтобы спастись от ярости своего разгневанного деда, молодые повесы бежали в горы и здесь нашли приют у племени плотников, которые охотно согласились построить ча-стокол, достаточно крепкий для того, чтобы устоять против Нденгея и его сыщиков. Они оказались верными своему сло-

ву, и целых три месяца бог и его приближенные тщетно осаждали крепость. Наконец, отчаявшись взять частокол силой при помощи обычных военных операций, смущенный неудачей бог распустил свое войско и придумал другое, более верное средство мести за обиду. По его приказанию собрались темные тучи и разразились ливнем над обреченной землей. Один за другим были залиты водой города, холмы и горы. Но мятежники, засевшие в своем высоком укрепленном городе, долгое время спокойно взирали на вздымающиеся кверху воды. Когда же наконец волны стали заливать деревянные стены города и даже прорвались через частокол, мятежники обратились за помощью к некоему богу, который, согласно одному рассказу, посоветовал им построить плот из плодов шеддока¹⁷, а по другой версии, послал им две лодки или научил их, как самим построить лодку для своего спасения. То был Рокоро, бог плотников, который вместе с своим помощником Гокولا пришел им на помощь. Вдвоем они плыли в двух больших двойных лодках, подбирали тонущих людей и держали их в лодке, пока не прекратился потоп. Некоторые же говорят, что уцелевшие от потопа люди спаслись на больших посудинах, на которых плыли по воде. Так или иначе, но все версии легенды сходятся на том, что даже наиболее высокие места на земле были залиты потопом и что небольшая кучка людей спаслась на каких-то судах, которые после

¹⁷ Шеддок, помпельмус – субтропическое вечнозеленое цитрусовое плодое Дерево и его плоды. – *Ред.*

окончания потопа осели на суше, на острове Мбенга. Всех людей, переживших потоп, было восемь. Два племени погибли до последнего человека; одно из них состояло исключительно из женщин, а другое имело собачьи хвосты. Туземцы острова Мбенга претендуют на самый высокий ранг среди всех племен островов Фиджи на том именно основании, что люди, оставшиеся в живых после потопа, высадились на их острове, а вожди их всегда играли выдающуюся роль в жизни населения этой группы островов и величали себя «подвластными одному лишь небу». Говорят, что прежде жители этих островов всегда держали наготове лодки на случай нового потопа и что обычай этот только недавно был оставлен.

Меланезийцы с островов Новые Гебриды рассказывают, что их великий легендарный герой Кат исчез из мира во время потопа. Они показывают само место, откуда отплыл герой в свое последнее путешествие, а именно широкое озеро в середине острова Гауа. Во времена Ката на месте теперешнего озера находилась обширная равнина, покрытая лесом. Кат повалил одно из самых больших деревьев в лесу и принялся строить себе лодку из ствола дерева. Его братья, видевшие, как он обливается потом, трудясь над своей лодкой в тени густого тропического леса, стали подшучивать над ним. «Каким образом ты думаешь протащить эту огромную лодку через лесную чашу к морю?» – насмешливо спрашивали они его. «Подождите, увидите» – вот все, что он им отвечал. Когда лодка была готова, он посадил в нее жену и братьев

и все живые существа, обитавшие на острове, не исключая крошечных муравьев, и заперся со всеми ими на судне, которое было снабжено крышей. Тогда начался ливень. Вся обширная котловина острова наполнилась водой, прорвавшейся через кольцо холмов к тому месту, где большой водопад острова Гауа и теперь еще с оглушительным ревом в туче водяных брызг низвергается в море. Здесь лодка пронеслась по бурным волнам сквозь стену холмов и, умчавшись в море, скрылась из виду. Туземцы говорят, что герой Кат пропал без вести, захватив с собою все, что было наилучшего на земле, но они ждут еще его радостного возвращения.

Сказания о великом потопе в Полинезии и Микронезии

Легенды о великом потопе, в котором погибло множество людей, сохранились у туземцев с островов Полинезии и Микронезии, разбросанных по Тихому океану. «Основные факты, — читаем мы в одной книге, — одинаковы в преданиях, существующих у жителей отдельных групп, и различаются лишь в некоторых второстепенных подробностях. В одной группе сказаний говорится, что в древние времена Таароа, главный бог (по местной мифологии, создатель мира), рассердившись на людей за непокорность, опрокинул мир в море, так что земля очутилась под водой, за исключением немногих *angus*, т. е. возвышенных мест, которые остались

над поверхностью воды и образовали главную группу островов. У жителей острова Эймео сохранилось предание о том, что после наводнения, когда вода спала, какой-то человек высадился из лодки на их острове, близ Тиатаэпуа, и построил жертвенник (мараэ) в честь своего бога».

На острове Таити существует следующая легенда. Остров был уничтожен морем: ни одного человека, ни одной свиньи, курицы и собаки не осталось в живых. Леса и камни были сметены ветром. Морская пучина простиралась над землей. Но два человека, муж с женой, спаслись. Лишь только начался потоп, женщина схватила цыпленка, собачку и котенка, а муж схватил поросенка (только эти животные и были некогда известны туземцам, а так как в слове *fapaia* – «молодой» – формы единственного и множественного числа совпадают, то, возможно, речь здесь идет не об одном, а о нескольких животных каждого рода). Муж предложил искать убежище на горе Орофена, одной из самых высоких гор на Таити, говоря, что туда море не поднимется. Но жена с ним не согласилась и предложила идти на гору О-Питохито, где они будут в полной безопасности. Жена оказалась права, потому что Орофена была залита морем, тогда как гора О-Питохито возвышалась над водной пустыней и послужила для них убежищем. Десять ночей они не спали, пока вода не схлынула, и тогда они увидели небольшие горные вершины, показавшиеся над волнами. Когда море отступило, на земле не оказалось ни людей, ни растений, а сгнившие рыбы лежали в пе-

щерах и выбоинах среди скал. Они сказали: «Выроем в море яму для рыбы». Ветер также унялся, и все успокоилось, но вдруг камни и деревья стали падать с неба, куда они раньше унесены были ветром, и все деревья на земле были вырваны с корнем, и ураган умчал их вверх. Муж и жена посмотрели во все стороны, и жена сказала: «Море нам больше не угрожает, но падающие сверху камни несут с собою смерть или раны; куда нам укрыться?» Тогда они выкопали яму, устлали ее травой, а сверху накрыли землей и камнями. Они вползли в эту землянку и, сидя в ней, с ужасом прислушивались к грохоту и треску падавших с неба камней. Мало-помалу каменный град стал утихать; лишь время от времени еще падали камни, сперва по несколько сразу, потом по одному, наконец вовсе перестали падать. Жена сказала мужу: «Встань и пойдй посмотри, падают ли еще камни». Но муж отвечал: «Нет, не пойду, боюсь умереть». Весь день и всю ночь он ждал, а на следующее утро сказал: «Ветер точно утих, камни и древесные стволы больше не падают, не слышно и грохота камней». Они вышли из землянки. Груда упавших камней и деревьев образовала чуть ли не целую гору. От всей страны остались только земля и скалы; кусты были уничтожены морем. Муж и жена спустились с горы и с удивлением смотрели вокруг: не было ни домов, ни кокосовых орехов, ни пальм, ни плодов хлебного дерева, ни мальвы, ни травы. Все истребило море. Они стали жить вдвоем. Жена родила двух детей – мальчика и девочку. Родители горевали о том, что де-

тям нечего есть. Потом жена снова родила ребенка, но пищи все еще не было. Наконец хлебное дерево стало приносить плоды. Появились кокосовые орехи и всякая другая пища. В три дня пищи на земле оказалось видимо-невидимо, а через некоторое время страна уже кишела людьми. От той пары, отца и матери, произошли все люди.

На Раиатеа, одном из островов Общества, существует предание, что однажды, вскоре после заселения земли потомками Таата, морской бог Руагату отдыхал в коралловых рощах на дне океана, как вдруг покой его был грубо нарушен. Рыбак, плывший в это время над ним в своем челноке, не подозревая близкого соседства с богом, а может быть, по небрежности закинул свои удочки в чистое и прозрачное море среди коралловых ветвей и зацепил крючками волосы спящего бога. С большим трудом выдернул рыбак крючки из пышных кудрей Руагату и стал изо всех сил вытаскивать удочки. Разбуженный бог, вне себя от ярости, поднялся кверху, взбаламутив море, и, высунув голову из воды, стал бранить рыбака за его непочтительность и грозить, что в отместку уничтожит всю страну. Испуганный рыбак пал ниц перед морским богом, признался в своем грехе и умолял о прощении, прося отворотить возвешенный приговор или по крайней мере оставить ему жизнь. Бог был тронут его раскаянием и мольбами и велел ему вернуться домой к своей жене и ребенку и отправиться с ними на Тоамараму – островок, лежащий среди рифов к востоку от Раиатеа. Здесь ему была обещана

пощада при гибели окрестных островов. Человек поспешно воротился домой, взял с собой жену и ребенка и отправился по лагуне на маленький остров спасения. Некоторые говорят, что он взял с собой еще друга, жившего с ним под одной крышей, а также собаку, свинью и двух куриц; таким образом, всех беглецов было четверо, при них все известные тогда на острове домашние животные. Они достигли спасительной гавани до наступления вечера, а как только зашло солнце, воды океана стали вздуваться и прибрежные жители, покинув свои жилища, бежали в горы. Всю ночь вода прибывала, и наутро только вершины высоких гор виднелись над гладью моря. Наконец и они скрылись под водой, все население страны погибло. Впоследствии море отступило, рыбак и его спутники оставили свое убежище, поселились на Раиатеа, и от них пошли нынешние жители этих мест.

Коралловый островок, на котором прародители этого племени нашли убежище от великого потопа, возвышается над уровнем моря не более чем на два фута, и трудно понять, каким образом остров мог уцелеть от наводнения, в то время как высокие горы, поднимающиеся на тысячи футов над уровнем моря, были затоплены. Тем не менее такая несообразность не смущает туземцев; они обычно уклоняются от рассуждений на подобные щекотливые темы и с торжеством указывают на кораллы, раковины и другие морские образования, случайно попадающиеся неглубоко в земле на вершинах их высочайших гор, как на обстоятельство, подтвержда-

ющее достоверность их предания. Они настаивают на том, что эти предметы представляют отложения океана во время наводнения.

Замечательно, как мы это дальше увидим, что в приведенных легендах потоп является следствием разлива морской воды, а отнюдь не ливня, о котором даже не упоминается. По этому поводу Вильям Эллис, которому мы обязаны записью этих легенд, говорит: «Я часто беседовал на эту тему с туземцами северных и южных островов, но ни разу не слышал от них рассказа о том, что открылись „хляби небесные“ или что ливень обрушился на землю. В легенде о боге Руагату и о Кагинарийском море (на Гавайских островах) наводнение объясняется разливом моря. В каждом рассказе гнев бога является причиной затопления земли и истребления ее жителей».

Когда Эллис в 1822 г. рассказывал туземцам Гавайских островов о Ноевом потопе, они познакомили его с своей собственной аналогичной легендой. «Они говорили мне со слов своих отцов, что вся земля была некогда залита морем, за исключением одного небольшого пика на вершине Мауна-Кеа, где спаслись два человека от всеобщей гибели, что они до тех пор не слыхали ничего о ковчеге или Ное и что потоп они привыкли называть *kai a Kahinarii*, т. е. Кагинарийским морем».

У маори из Новой Зеландии есть свое предание о потопе. Когда люди размножились на земле, то везде воцарилось зло,

племена постоянно ссорились и воевали друг с другом. Люди перестали чтить бога Тане, сотворившего мужчину и женщину, и открыто отрицали его учение. Два великих пророка провозглашали истину о разделении неба и земли, а люди насмехались над ними, называя их лжепророками и утверждая, что небо и земля с самого начала существовали в том же виде, как и теперь. Эти мудрые пророки были Паравенуа-меа и Тупунуи-а-ута. Они все же продолжали свои проповеди, пока народ не проклял их, говоря: «Вы оба можете питаться словами вашей басни, вы можете есть даже головы этих слов». Пророки были глубоко оскорблены этими нечестивыми словами – «есть головы». Ими овладел гнев. Они взяли каменные топоры, срубили деревья, подтащили стволы к реке Тохинга, связали их виноградными лозами и веревками и сделали огромный плот. На плоту они поставили дом и поместили в нем много пищи, корней папоротника, сладкого картофеля и собак. Затем они произнесли заклинания и молитвы о ниспослании ливня, дабы люди уверовали в существование бога Тане и его могущество и уразумели необходимость молиться ему о даровании им жизни и мира. После этого оба пророка взошли на плот вместе с двумя людьми по имени Тиу и Рети и женщиной по имени Вай-пу-на-гау. Но на плоту были и другие женщины. Тиу был жрецом у них, молился и призывал дождь. И дождь лил четыре или пять дней, а потом жрец произнес новые заклинания о прекращении дождя, и дождь прекратился. Но вода продолжала под-

ниматься и на следующий день достигла плота, а еще через день плот, приподнятый водой, поплыл вниз по реке Тохинга. Вода разлилась, и плот носился по волнам из стороны в сторону. Семь месяцев не унимался потоп; тогда жрец Тиу сказал своим спутникам: «Мы не погибнем, мы пристанем к берегу», а на восьмой месяц он снова сказал: «Море обмелело, вода спадает». Оба пророка спросили его, почему он так думает. «Мой жезл поведал мне об этом», — отвечал жрец. Ибо у него был на плоту алтарь, где он совершал свои обряды, произносил заклинания и созерцал свой жезл. Он понял знаки, которые подал ему жезл, и снова сказал спутникам: «Стихли буйные ветры прошлых месяцев, улеглись и ветры нынешнего месяца, и море успокоилось». На восьмой месяц плот уже не качало из стороны в сторону, как прежде; боковая качка часто сменялась болтанкой, и жрец понял, что море все больше мелеет и что земля близка. Он сказал своим спутникам: «В этот месяц мы пристанем к берегу, ибо по знакам жезла я вижу, что море уже не так глубоко». Во все время плавания по морю спутники молились и совершали обряды в честь бога Тане. Наконец они пристали к берегу у Гавайки. Они полагали, что найдут еще в живых хоть часть населения и что земля будет выглядеть так же, как и до потопа. Но все изменилось, почва во многих местах раскололась и растрескалась, а местами была выворочена наизнанку или совсем размыта потопом. И ни одной живой души не осталось в мире. Те, кто высадился с плота на берег, были

единственными людьми на земле. Очутившись на суше, они прежде всего стали совершать обряды и повторять заклинания, вознесли молитвы богу Тане, и небу (Ранги), и Регуа, и всем другим богам, а после молитв принесли им жертвы из водорослей. Каждому богу они молились в особом месте, у особого алтаря. Алтарями служили корни трав, кусты, деревья, пучки льна. Таковы в то время были жертвенники для богов. И теперь еще если кто-нибудь из племени приближается к такому жертвеннику, то съеденная им ранее пища раздувается в желудке и убивает его. Один только главный жрец может подходить к такой святыне. Если простой человек подойдет к подобному заповедному месту, а потом сварит пищу в своей деревне, то эта пища убьет всякого, кто станет ее есть. Такая пища проклята за грехи святотатца, осквернившего алтарь, и наказанием тому, кто ест ее, будет смерть. Совершив весь ритуал, необходимый для снятия табу, спасшиеся на плоту раздобыли огонь трением на одном из священных мест. Этим огнем жрец зажег пучки травы и на каждый алтарь положил горящий пучок рядом с долей, предназначенной богу. Жрец принес богам водоросли как благодарственную жертву за спасение людей от потопа и сохранение их жизни на плоту.

В Микронезии, как и в Полинезии, тоже записано сказание о великом потопе. Обитатели островов Палау рассказывают, что некогда человек поднялся на небо, откуда боги своими сияющими очами-звездами каждую ночь взирают на

землю. Ловкий плут украл один из этих ярких глаз и принес его на землю; с тех пор все монеты на островах Палау стали делать из того глаза, или звезды. Боги сильно обозлились за воровство и спустились на землю, чтобы отнять украденное и наказать вора. Под видом обыкновенных людей они шли от дома к дому, отыскивая кров и пищу. Но люди грубо прогоняли их и не давали им ни куска хлеба, ни глотка воды. Нашлась лишь одна старая женщина, которая ласково приняла их в своей хижине, накормила и напоила всем, что у нее было наилучшего. Уходя от женщины, боги предупредили ее, чтобы к ближайшему полнолунию она приготовила плот из бамбукового дерева и в первую же ночь с наступлением полнолуния легла там спать. Она поступила, как ей было сказано. И вот во время полнолуния разразилась ужасная буря с ливнем. Море стало подниматься все выше и выше, затопило острова, разорвало горы и снесло все человеческое жилье. Люди не знали, как спастись, и все до одного погибли в водах потопа. Но плот, на котором крепко спала добрая женщина, поднялся на поверхность воды и плыл по течению до тех пор, пока волосы женщины не запутались в ветвях дерева на вершине горы Армлимуи. Когда начался отлив и вода стала все больше спадать по склонам горы, боги сошли с неба, чтобы разыскать добрую женщину, которую они взяли под свою защиту, но нашли ее мертвой. Тогда они позвали с неба одну из богинь, которая проникла в мертвое тело старой женщины и оживила ее. После этого боги прижили пя-

терых детей с воскресшей старухой, а затем покинули землю и вернулись на небо; богиня, милостиво оживившая старую женщину, также вернулась в свою небесную обитель. А пятеро детей, родившихся от божественных отцов, заселили острова Палау, и от них произошли нынешние их обитатели.

Сказания о великом потопе в Южной Америке

У бразильских индейцев, живших в окрестностях нынешнего Рио-де-Жанейро в те времена, когда европейцы впервые проникли в эти места, существовала легенда о потопе, от которого спаслись лишь два брата со своими женами. Согласно этой легенде, потоп залил всю землю, все люди погибли, за исключением прародителей этих индейцев, спасшихся на высоких деревьях или, как думают другие, в лодке.

Француз Андре Теве, путешествовавший по Бразилии в середине XVI в., передает следующее сказание индейцев, живущих у мыса Кабу-Фриу. У одного великого чародея, по имени Соммай, было два сына, которых звали Тамендонаре и Ариконтэ. Первый обрабатывал землю, имел жену и детей и был примерным отцом и мужем. Не таков был его брат Ариконтэ. Он занимался только войной, и его единственным желанием было покорить соседние народы и даже собственного прямодушного и миролюбивого брата. Однажды этот свирепый воин, возвращаясь с битвы, принес брату отрезанную

у убитого врага руку и при этом презрительно сказал: «Убейся вон, трус ты этакий! Я хочу отнять у тебя твою жену и детей, потому что ты не сможешь защитить их». На это добрый человек, уязвленный высокомерием брата, насмешливо отвечал ему: «Если ты такой храбрый, как уверяешь, то почему не принес все тело своего врага?» Колкий ответ привел Ариконтэ в негодование. Он бросил отрубленную руку на порог дома своего брата. В это самое мгновение деревня, в которой они жили, вознеслась к небу, но оба брата остались на земле. Тогда Тамендонаре от изумления или с досады топнул ногой с такой силой, что из-под земли забил огромный фонтан воды, который поднялся чуть ли не выше облаков и залил все холмы кругом; вода лилась и лилась, пока не затопила всю землю. Братьям пришлось взобраться на самую высокую гору и там вскарабкаться вместе с женами на деревья. Тамендонаре влез на дерево, называемое пиндона; французский путешественник видел два рода этого дерева, из которых один имел более крупные плоды и листья, нежели другой. Спасаясь от поднимающейся воды, Тамендонаре успел втащить на дерево одну из своих жен; брат же его со своей женой влезли на другое дерево, называемое генипер. Через некоторое время Ариконтэ дал своей жене несколько плодов с дерева, сказав ей: «Брось один из них вниз». Она так и сделала, и по плеску воды они поняли, что вода еще высока и еще не время спускаться в долину. Индейцы верят, что во время этого потопа погибли все люди, за исключени-

ем тех двух братьев с их женами, и что от этих двух пар после потопа произошли два различных племени – тоннассеаре по прозвищу тупинамба и тоннайд-гуайяна по прозвищу томину, которые постоянно враждуют и воюют друг с другом. Принадлежащие к племени тупинамба, желая прихвастнуть и показать свое превосходство над соседним племенем, говорят: «Мы приходим от Тамендонаре, а вы – от Ариконтете», разумея при этом, что Тамендонаре был лучший человек, чем Ариконте.

В несколько иной версии та же легенда была записана иезуитом Симоном де Васконсельос. По этой версии, спаслась только одна семья, а о злом брате не упоминается вовсе. Жил на свете, гласит эта легенда, искусный чародей и волшебник Тамандуаре. Великий бог Тупи открыл ему, что скоро наступит большой потоп, который зальет всю землю, даже высокие деревья и горы. Только одна вершина будет подниматься над водой, на ней большое дерево с плодами наподобие кокосовых орехов. На этом-то дереве волшебнику вместе с семьей можно будет спастись в надлежащее время. Тамандуаре немедленно поспешил уйти со своей семьей на вершину той горы. И когда они очутились здесь в полной безопасности, начался дождь, который все лил да лил. Вода покрыла всю землю, залила гору и даже смыла верхушку ее. Тогда человек с своей семьей взобрались на пальму и оставались на ветвях ее все время, пока длился потоп, питаясь плодами дерева. После спада воды они спустились с пальмы

и были так плодovitы, что со временем вновь заселили опустошенный потопом мир.

Индийское племя каинганг, или короадо, в провинции Риу-Гранди-ду-Сул, на юге Бразилии, имеет свое предание о великом потопе, залившим всю страну, в которой жили их предки. Только одна из вершин прибрежной горной цепи Серра до Мар оставалась еще над водой. Люди трех индийских племен – каинганг, кайурукр и каме – плыли с зажженными факелами в зубах, держа путь к горам. Но индейцы двух последних племен устали в пути и утонули, и души их поселились в сердце горы; каинганги же и еще несколько человек из племени курутон кое-как добрались до горы и остались здесь жить: одни – на земле, а другие – на ветвях деревьев. Прошло несколько дней, вода еще не спадала, а им нечего было есть. Они уже ожидали смерти, когда услышали пение морских птиц саракура, летевших к ним с корзинами, полными земли, которую птицы бросали в воду, отчего вода медленно убывала. Люди кричали птицам, чтобы они торопились; птицы призывали на помощь уток, и общими усилиями им удалось освободить от воды достаточно места для всех людей. Те же, которые взобрались на деревья, были превращены в обезьян. Когда потоп прекратился, каинганги спустились вниз и поселились у подошвы горы. Души утонувших индейцев из племени кайурукр и каме пробили себе путь из сердца горы, где находились до тех пор в заточении, и, когда выползли наружу, зажгли огонь. Из пепла костра ду-

ша одного индейца из племени кайурукр вылепила ягуаров, тапиров, муравьедов, пчел и других животных, одарила их жизнью и показала, что им полагается есть. Душа другого индейца, из племени каме, в подражание первой создала пуму, ядовитую змею и осу для того, чтобы они вели войну с животными, созданными кайурукром, что они и делают до сих пор.

Сказание о великом потопе существует также у индейского племени куруайя в Бразилии, живущего в долине реки Арагуая, которая вместе с рекой Токантинс образует самые восточные из всех крупных притоков Амазонки. Племя это, как говорят, отличается от всех соседних племен своими нравами и обычаями, а также физическими особенностями и говорит на языке, не состоящем в родстве ни с одним из языков других бразильских индейцев. Сказание это таково. Однажды куруайя ушли охотиться на диких свиней и загнали животных в нору. Они стали раскапывать ее, убивая каждую вытаскиваемую свинью. При этом они наткнулись на оленя, потом на тапира, потом на белого оленя, а еще глубже увидели ноги человека. Испугавшись при виде этой находки, куруайя привели великого чародея, знавшего всех лесных зверей, который сумел вытащить этого человека. Вырытый из земли человек был худ, но с большим животом и назывался Анатиуа. Он начал петь: «Я – Анатиуа, дайте мне покурить табаку». Но куруайя не поняли ни слова. Они принесли из леса разные цветы и плоды и предложили

их Анатиуа, но он от всего отказался и указал пальцем на курившего трубку человека. Тут они поняли, чего он хочет, и поднесли ему табак. Он взял трубку и курил до тех пор, пока не упал на землю без чувств. Тогда они отнесли его в челнок и привезли в деревню. Здесь он очнулся от обморока и стал петь и плясать. Однако поведение его и непонятная речь напугали куруайя, и они снялись с насиженного места со всеми пожитками. Это очень обозлило Анатиуа, и он превратился в огромную пиранью и последовал за куруайя, имея при себе много тыквенных бутылок, наполненных водой. Он стал кричать куруайя, чтобы они остановились, но те не обращали на него внимания; тогда он пришел в ярость и разбил вдребезги одну из бывших у него бутылок. Пролившаяся вода вдруг стала подниматься, но куруайя продолжали бегство. Тогда он разбил еще одну бутылку, потом еще одну и еще. Вода поднималась все выше и выше, пока вся земля не оказалась затопленной, и только горы у устья реки Тапирапе возвышались над разливом. Куруайя нашли пристанище на двух вершинах этой горной цепи. Но Анатиуа созвал всех рыб, чтобы столкнуть людей в воду. И ягу, и пинтадо, и паку пытались сделать это, но никому из них не удалось столкнуть людей. Наконец бикудо (рыба с длинным клювообразным рылом) удалось взобраться на гору с тылу и столкнуть куруайя с вершины. Большая лагуна еще и поныне существует на том месте, куда они свалились. Лишь несколько человек остались на вершине горы и спаслись. Когда уровень

воды понизился, они спустились вниз.

По поводу этого сказания автор, записавший его, делает следующее замечание: «Хотя регулярно повторяющиеся наводнения, например, на Арагуая, вообще говоря, не служат причиной возникновения сказаний о потопе, как правильно указал на это Андре, однако именно здесь местные условия оказались вполне благоприятными для этого. Путешественник, перед которым после долгого плавания между бесконечных низменных берегов реки вдруг вырастают могучие конические горы по реке Тапирапе, круто поднимающиеся среди равнины, легко поймет, почему у куруайя, так часто страдающих от наводнений, создалась подобная легенда о потопе. Возможно, что некогда действительно имел место такой случай, когда необыкновенно сильное наводнение заставило окрестных жителей искать убежища на тех горах». И далее: «Как и в большинстве южноамериканских легенд о потопе, в настоящей легенде потоп произошел не от дождя, а от разбитой посуды с водой».

Племена паумари, абедери и катауши, живущие по реке Пурус, рассказывают, что однажды люди слышали подземный гул и глухие раскаты грома. Солнце и луна стали принимать то красный, то синий, то желтый цвет, дикие звери безбоязненно стали подходить к людям. Спустя месяц снова загрохотал гром, густая мгла поднялась от земли к небу, и разразилась гроза и ливень. Дневного света и земли как будто никогда и не было. Одни люди очутились неведомо где,

другие умерли неведомо как, ибо везде царил невообразимый хаос. Вода поднялась так высоко, что вся земля оказалась под ней, только вершины самых высоких деревьев возвышались еще над водой. В одних местах люди бежали, не зная, где укрыться, в других, взобравшись на деревья, они гибли от холода и голода, ибо все время не прекращались мрак и ливень. Спасся один только Уассу со своей женой. Когда они после потопа спустились на землю, то нигде не встретили ни одного человеческого тела, ни одной кости человеческой. Потом они прижили много детей, и один сказал другому: «Что же, построим себе дома на реке; если поднимется вода, то и мы вместе с нею поднимемся». Но, видя, что земля остается под ними сухой и неподвижной, они перестали об этом думать. Однако паумари до сих пор строят свои дома на реке.

Мурато, ветвь племени хибаро в Эквадоре, рассказывают, что когда-то один индеец-мурато пошел ловить рыбу в лагуне реки Пастацы. Небольшой крокодил проглотил его приманку, и рыбак убил его. Мать крокодила или, вернее, мать всех крокодилов вообще рассердилась и стала бить хвостом по воде до тех пор, пока вода не разлилась по земле и не затопила все окрестности лагуны. Все люди утонули, кроме одного человека, который взобрался на пальму, где оставался много дней подряд. Все время было темно, как ночью; он часто бросал пальмовые плоды в воду, но каждый раз был слышен плеск воды. Наконец однажды брошенный им плод

упал без всплеска. Тогда он понял, что потоп кончился, и слез с дерева. Человек построил себе дом и принялся обрабатывать землю. Желая обзавестись женой, которой у него не было, он вырезал часть своего тела и посадил ее в землю; оплодотворенная таким образом земля произвела женщину, на которой он и женился.

Арауканы (в Чили) хранят предание о великом потопе, от которого спаслись лишь несколько человек. Эти счастливицы укрылись на высокой горе, называемой Тегтег (что значит «гремящий» или «сверкающий»), с тремя вершинами, обладающей способностью плыть по воде. «Отсюда, – говорит испанский историк, – можно заключить, что потоп был следствием вулканического извержения, сопровождавшегося страшным землетрясением, и, вероятно, резко отличался от Ноева потопы. При каждом сильном землетрясении народ бежит в те горы, которые в его воображении представляются имеющими тот же внешний вид, что и в легенде, а стало быть, и ту же способность плыть по воде. Свою тревогу народ объясняет при этом боязнью, что море после землетрясения снова вернется и зальет мир потопом. Уходя в горы, каждый берет с собой порядочный запас провизии и деревянные тарелки для защиты головы от солнечного ожога на случай, если Тегтег, поднятый волнами потопы, вознесется к солнцу. Когда туземцам говорят, что для подобной цели были бы более пригодны глиняные тарелки, а не деревянные, которые могут загореться, то те отвечают, что поступают так

по примеру своих предков».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.